

АБДУРАХМАН

САФИЕВИЧ

АБСАЛЯМОВ

БЕЛЫЕ ЦВЕТЫ

Абдурахман Абсалямов

Избранные произведения. Том 1

«Татарское книжное издательство»

1965

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Тат)-4

Абсалямов А. С.

Избранные произведения. Том 1 / А. С. Абсалямов — «Татарское книжное издательство», 1965

ISBN 978-5-298-02365-8

В первый том избранных произведений классика татарской литературы, лауреата Государственной премии Республики Татарстан имени Г. Тукая Абдурахмана Абсалямова (1911–1979) вошёл роман «Белые цветы», главные герои которого – деятели медицины, учёные и рядовые врачи. В центре внимания – непростая, но прекрасная и торжествующая история любви Гульшагиды и Мансура. «Белые цветы» – самый издаваемый татарский роман XX века. Его совокупный тираж превысил 5 миллионов экземпляров.

УДК 821.161.1-3

ББК 84(2Рос=Тат)-4

ISBN 978-5-298-02365-8

© Абсалямов А. С., 1965

© Татарское книжное
издательство, 1965

Содержание

«Он, как сказочный богатырь...»	7
Глава первая	15
1	15
2	20
3	23
4	29
5	33
6	37
7	42
8	47
9	53
10	57
11	64
12	71
13	74
14	78
Глава вторая	83
1	83
2	87
3	91
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Абдурахман Абсалямов
Избранные произведения.
Том 1. Белые цветы

© Татарское книжное издательство, 2012

* * *

«Он, как сказочный богатырь...»

Самый издаваемый татарский прозаик XX века, лауреат Госпремии им. Г. Тукая Абдурахман Абсалямов (1911–1979) прожил непростую, но очень яркую жизнь, полную преданного служения Слову.

«Спросите у его ровесников, спросите у нас, поколения, идущего вслед за ними, спросите, наконец, у наших младших собратьев: каким он был в жизни, Абдурахман-абый? Любой ответит, не задумываясь: удивительный человек! Несказанно мягкий по отношению к своим товарищам, всегда готовый помочь в беде и в любой напасти, необыкновенно щедрый к молодым, одарённым, но в то же время твёрдый в жизненных устоях, принципиальный в вопросах истинного искусства», – писал о нём народный писатель РТ Гариф Ахунов.

* * *

«О себе. Родился в 1911 году в селе Старо-Аллагулово Рыбкинского района Мордовской АССР. Детей в семье было шестеро – три брата погибли на фронте, сёстры сегодня живут в Москве.

В 1923 году переехал в Москву к отцу. До 1929 года учился в средней школе. В 1930 году поступил в заводскую школу учеником слесаря. С этого момента по 1937 год работал на различных заводах Москвы слесарем и токарем. Занимался в вечернем индустриально-конструкторском техникуме, который не окончил. В 1936 году поступил в вечерний литературный институт. Со второго курса институт стал дневным, и мне пришлось оставить работу. В 1940 году я окончил институт и был направлен на работу в Казань. С 1941 года – в рядах действующей Красной Армии...»

Двенадцать детских лет до переезда в Москву провёл юный Абдурахман в родном селе, где с 1918 по 1921 год обучался в начальной школе.

«С детства в мою душу глубоко запал Тукай. Его стихотворение «Родной язык», наверное, раз сто прочитал вслух. Благодаря Тукаю впитал множество сказок, песен, баитов своего края. В выборе моего жизненного пути влияние Тукая бесспорно...» – писал Абсалямов.

Писатель пройдёт финский и карельский фронт, с победой доберётся до Маньчжурии, его романы переведут на русский, украинский, узбекский, казахский, латышский, чувашский, башкирский, польский, французский, норвежский, шведский, уйгурский, финский, болгарский и другие языки – но маленькое село в мордовской глубинке навсегда останется в нём. Это его основа, родина его корней, его грибница. Именно там разворачивается действие его последнего романа «Грянет гром».

* * *

В 1923 году семья Абсалямовых переехала в Москву, где Абдурахман обучался в татарской школе № 27 имени Нариманова.

Заметный след в жизни будущего писателя оставила Магинур Файзуллина, выдающийся литературовед, критик, педагог. Именно она обучала юного Абдурахмана родному языку и литературе. Впоследствии Магинур Гайнулловна защитила первую диссертацию о творчестве Габдуллы Тукая и написала первую и единственную прижизненную статью о поэзии Мусы Джалиля.

Дочь Файзуллиной, Ария Хабибовна Валеева, бережно хранит письма, присланные писателем её матери.

Одно из писем Абдурахман Абсалямов прислал в 1966 году, перенеся тяжёлую болезнь. Буквы его ещё не слушались, и почерк был неразборчив. Выручила печатная машинка. В следующем послании он писал: «Вы очень тепло отзываетесь о моей статье про Галимджана Ибрагимова. Я ведь её писал одной рукой на протяжении многих месяцев (правая рука толком не работает) и теперь тихонько посмеиваюсь над теми, кто думает, что я выздоровел...»

Поправившись, он приступил к работе над романом «Зелёный берег». Это произведение об учителях Абдурахман Абсалямов посвятил своим любимым педагогам, среди которых первой названа Магинур Файзуллина. При этом он считает своим долгом принести ей свои извинения: «Я, конечно, виноват в том, что не спросил разрешения о посвящении вам своего романа. Не хотелось говорить об этом раньше времени. Сейчас же прошу у вас прощения...»

...Замечательное окружение сделало своё дело – будучи учеником четвёртого класса, Абдурахман начал писать стихи. Это не мудрено – многие прозаики начинают пробовать себя в литературе с рифмования строк. Первое опубликованное стихотворение Абсалямова появилось в журнале «Октябрь баласы» («Октябрёнок»), который редактировал Муса Джалиль.

Именно Джалиль рекомендовал Абдурахмана Абсалямова, работавшего в то время токарем на московском заводе № 123, на учёбу в Литературный институт. Абдурахман Абсалямов стал первым татарским писателем, окончившим это высшее учебное заведение. Позже Мусе Джалилю посвятил Абсалямов свой последний роман «Плывут облака».

Любопытен документ, адресованный студентом IV курса Абсалямовым в дирекцию Литинститута:

«Летом этого года я был в Татарии, откуда Союзом писателей был послан на Большой Ферганский канал. Там, в связи со сбором необходимых мне материалов, я задержался и опоздал (на три дня). Прошу причину опоздания считать уважительной. Студент Абсалямов».

Именно во время этой поездки студент Абсалямов познакомился со своей будущей супругой Магиной, которая в то время жила в Узбекистане, где преподавала русский язык в узбекской школе. Впоследствии её сестра Роза выйдет замуж за известного советского поэта Асхада Мухтара, который возглавит Союз писателей Узбекистана.

По окончании института, когда за спиной уже были первые публикации, высокая оценка литературного наставника – Мусы Джалиля, изданный сборник рассказов «Солнце счастья», и писатель был направлен на работу в Казань, война спутала все карты – не успев проработать и года в должности ответственного секретаря журнала «Совет эдэбияты» («Советская литература»), в августе 1941 года Абсалямов был призван на фронт.

* * *

Во время войны Абдурахман Абсалямов служил командиром миномётного расчёта морской бригады, разведчиком, затем – полевым корреспондентом, воевал на Карельском фронте, прошёл русско-японскую войну.

...Поначалу суровые реалии войны заставили писателя забыть о литературе. О каком писательстве могла идти речь, когда главной задачей каждого бойца была борьба с врагом?

Таковыми раздумьями, не раз терзавшими молодого литератора, он поделился с Ильёй Эренбургом. В потрёпанном военном дневнике – старательно переписанный карандашом ответ Эренбурга от 10 ноября 1942 года:

«Дорогой товарищ Абсалямов!

Большое спасибо за Ваше хорошее дружеское письмо. Я рад, что моя статья о героических татарах понравилась Вам – татарину и писателю (судья с двойной компетенцией).

Вы правильно пишете: придёт время и для литературы. Будет победа – будет народ, а будет народ, будет и литература. Сейчас самое важное – уничтожить фрицев.

Посылаю Вам на память сборник моих статей, передайте сердечный привет вашим боевым друзьям.

От души желаю сил и удачи.

Илья Эренбург».

Однако вскоре Абдурахман Абсалямов был назначен военным корреспондентом – с 1942 года согласно решению Главного политического управления Советской Армии фронтовые газеты стали издаваться и на национальных языках. За годы войны писатель работал в редакциях газет «Слово бойца», «Сталинский воин», «В бой за Родину». Был и переводчиком, и редактором, и ответственным секретарём...

Он перестал сомневаться, что война – не время для литературы. «В лесах Карелии, – писал он позже, – в огне боёв, я, кажется, нашёл то, чего не доставало моему творчеству. Правда, война ещё не окончилась. Но я уже на своё творческое будущее смотрю более уверенно, знаю, о чём нужно писать. Трудный, тернистый путь писателя меня не пугает, несмотря ни на что, я встану на этот путь. В действительности же я давно стал на этот путь, для обретения крыльев мне не доставало знания жизни и людей. Если так можно выразиться, в лесах Карелии я прошёл школу жизни, держал испытание на профессию писателя».

* * *

В апреле 1946 года Абсалямов был демобилизован. Вернулся в Казань, привёз с собой Магину, дождавшуюся любимого в узбекском тылу.

Вскоре у счастливой пары появились дети – сын Булат и дочь Ляля. Писатель обожал детей, проводил с ними всё свободное время: ходил в кино и на каток, катал на санках, читал книжки.

Дочь писателя Ляля вспоминает, как много рассказывал он о пережитом на войне, как следил за их успехами в учёбе, старался порадовать гостинцами, привозимыми из каждой поездки. А разве забудешь отдых всей семьёй на даче сперва на Лебяжьем озере, потом в Боровом Матюшино, выезды в Коктебель, Сочи, Пицунду и Новый Афон, посиделки в тёплом семейном кругу с Афзалом Шамовым, Сибгатом Хакимом, Хасаном Туфаном, Газизом Иделле, Гази Кашшафом, Наки Исанбетом, Булатом Гизатуллиным, их жёнами и детьми!..

Ляля Абсалямова – выпускница Казанского педагогического института, она – преподаватель английского языка. Ляля Абдурахмановна живёт в Москве, но очень часто бывает на родине в Казани. Её супруг – легендарный джазовый саксофонист и композитор Алексей Козлов, основатель и бессменный руководитель ансамбля «Арсенал», народный артист России.

Булат Абсалямов окончил Казанский финансово-экономический институт, защитил кандидатскую диссертацию. Он был душой компании, талантливым учёным и педагогом, на его лекциях яблоку было негде упасть, а конспекты с записями лекций до сих пор передаются из рук в руки. Когда ему предложили возглавить Министерство труда, он отказался в пользу преподавательской деятельности. Его не стало в мае 1995 года, в возрасте сорока восьми лет.

...Вернувшись в Казань после войны, Абдурахман Абсалямов вновь занял должность ответственного секретаря в журнале «Совет эдэбияты», параллельно занимаясь литературной деятельностью. Единственное, чего не хватало, – это собственного жилья.

Нетрудно представить, как непросто было работать писателю в коммунальных квартирах, которые, помимо всего прочего, приходилось частенько менять! Шесть коммунальных квартир в течение десяти лет пришлось сменить писательской семье, прежде чем была, наконец, получена просторная квартира в доме на улице Маяковского, где, помимо Абсалямова, проживали семьи Башировых, Амировых, Шамовых, Журавлёвых, Туфановых... А в тенистом саду Эрмитаж, расположенном прямо за домом, писатель очень любил гулять.

Магина Абсалямова была для своего мужа настоящей «каменной стеной», ведь сам он был скромнейшим, стеснительным человеком, никогда и ни о чём не просившим для себя.

После сорока лет Абдурахман Абсалямов перенёс ряд тяжёлых болезней. В 1965 году писателю стало плохо прямо на выступлении в селе Барда Пермской области. Инсульт надолго приковал Абсалямова к больничной койке. Отнялась вся правая сторона, писать удавалось лишь одной (левой!) рукой... Магина Измайловна перелопатила горы медицинской литературы и поставила мужа на ноги. Прошла курсы машинописи – сама набирала его произведения. За ней была и первая редакторская правка.

Заки Нури называл её «железной Магиной», а врачи спецбольницы консультировались с ней по профессиональным вопросам.

Она сама признавала, что у неё непростой характер – годы скитаний и лишений закалили её так, как нынешнему поколению и не снилось. Она не стеснялась говорить правду. За это её многие не любили, но уж точно уважали.

После смерти мужа Магина Измайловна принимала активное участие в увековечивании его памяти. В год девяностолетия со дня рождения писателя написала письмо первому Президенту Татарстана Минтимеру Шариповичу Шаймиеву с напоминанием о принятом двадцать лет назад решении о присвоении улице города его имени – в результате на карте Казани появилась улица Абдурахмана Абсалямова.

В последние годы жизни, уже будучи совсем больной, она проделала огромную работу по поиску, сбору и предоставлению архивных материалов для юбилейной выставки, вечера памяти писателя.

Магина Измайловна пережила супруга на двадцать три года. 18 декабря 2002 года её похоронили рядом с могилой мужа.

* * *

С началом мирной жизни началась и напряжённая работа. В первую очередь над такими произведениями о военных годах, как повесть «Белые ночи» – о Карельском фронте, «Орлята» – о героической молодёжи, «Вечный человек» – об узниках Бухенвальда, «Газинур» – о нашем соотечественнике, повторившем подвиг Александра Матросова.

«Здравствуйте, многоуважаемый товарищ Абсалямов!

Прочла Вашу книгу «Золотая звезда».

Очень понравилась. Много размышляла над судьбой героев... Хотелось бы иметь такую книгу у себя, и тогда я смогла бы её отдать и другим хорошим людям почитать.

У нас в магазине она была, но буквально на второй день разобрали.

Помогите мне достать эту книгу...

С искренним приветом, Абназова Роза, Омск-20».

Начиная с 1949 года мешки писем от читателей приходили Абсалямову ежедневно. Даже почтовый ящик пришлось сделать новый, вмещающий в себя в два раза больше корреспонденции, чем стандартные фабричные ящики. На каждом конверте писательской рукой обязательно начертана дата – «ответил тогда-то».

Роман «Алтын йолдыз» (в русском переводе – «Орлята»), задуманный ещё в годы войны, был завершён в 1948 году. В 1949 году он был напечатан в журнале «Совет эдэбияты», чуть позже выпущен Таткнигоиздатом в качестве самостоятельного издания пробным тиражом в пять тысяч экземпляров. Читательский интерес к роману оказался настолько велик, что в 1952–1953 годах книга выдержала шесть переизданий на русском и татарском языках! Помимо русского, роман был переведён на польский, украинский, узбекский и уйгурский языки.

Как писал сам автор, «в романе «Орлята», который на татарском языке называется «Золотая звезда», я хотел показать характерную мечту советских юношей и девушек о Золотой

Звезде, то есть о высшем служении Родине. Замысел определил построение романа. В первой части я показал мечту десятиклассников, чистую, немного наивную, а в последующих частях – претворение этой мечты в жизнь».

Роман вызвал огромный резонанс – по всей стране проводились диспуты, конференции, встречи автора с читателями...

* * *

Ещё работая над «Орлятами», Абсалямов приступил к сбору материалов для будущего романа «Газинур».

«О «Газинуре» я стал думать ещё в годы войны, когда прочёл Указ о посмертном присвоении Газинуру Гафиятуллину звания Героя Советского Союза. Гази – победитель, нур – луч. Всепобеждающий луч. Закрыв грудью амбразуру, погиб, а в то же время – «всепобеждающий луч». Имя роману дал сразу. Так и хранились в памяти имя и замысел.

Работая над «Орлятами», не расставался и с романом «Газинур». Но приступить к нему можно было только после поездки на родину прототипа, и я пока только собирал материалы о нём. В промежутке между работой над романами «Орлята» и «Газинур» писал рассказы, но «Газинур» постоянно стоял перед глазами. Газинура я не видел, поэтому трудно было писать. «Орлята» писались легче, там всё самим пережитое. Для полного сбора материалов о Газинуре поехал в колхоз, где живут его родные, откуда он ушёл в армию. Там его все знают, но почему-то не хотят верить, что он герой. Зашёл в школу. В школе есть уголок, где на стенах – портреты Героев Советского Союза, но портрета Газинура нет.

Письма Газинура не сохранились. Нашёл лишь одну выгоревшую фотографию. Помог мне его сводный брат. Оказывается, он работал в том же госпитале, где лежал я после ранения. Это тоже помогло. Отец Газинура – бывший крепостной. Отец говорит, что Газинур много вертелся около него, так и рос. Самый тяжёлый разговор был с женой Газинура – матерью троих детей. Я познакомился с её подругами, каждую просил пристально понаблюдать за Миннури: что та расскажет, когда улыбнётся, когда покраснеет. Закончив роман, я снова поехал к Миннури с рукописью, прочитал ей. Во время чтения она то плакала, то смеялась. Я спросил: «Правда всё это?». «Правда», – ответила она».

После выхода в свет романа в 1950 году именем Газинура Гафиятуллина, татарского солдата, повторившего подвиг Александра Матросова, грудью закрывшего амбразуру, были названы школы, колхозы, пионерские дружины.

* * *

На время отойдя от военной тематики, писатель затеял роман о людях рабочих профессий. «Войти в тему» ему оказалось несложно – в юности Абдурахман Абсалямов несколько лет работал на московских заводах.

«В романе, над которым я сейчас работаю («Огонь неугасимый»), я стремлюсь глубже раскрыть богатый душевный мир наших славных современников – представителей рабочего класса. Одной из центральных тем романа является дружба народов с её чистыми истоками и светлыми перспективами», – писал Абсалямов.

Роман о непростых взаимоотношениях представителей рабочего класса имел широкую читательскую аудиторию – общий тираж изданий «Огня неугасимого» превысил миллион экземпляров! «Едва роман вышел из печати, Республиканская библиотека им. Ленина закупила, как обычно, десять экземпляров книги. Но спрос на роман оказался столь большим, что, в нарушение всех норм и инструкций, библиотека была вынуждена приобрести ещё двадцать

шесть экземпляров, – и всё-таки долго ещё читатели записывались в очередь, чтобы получить эту книгу», – писал Рафаэль Мустафин в сборнике «Литературные портреты».

За роман «Огонь неугасимый» Абсалямову была присуждена Госпремия им. Г. Тукая (1959).

* * *

Не отвлекаясь от литературной деятельности, Абдурахман Абсалямов был депутатом Верховного Совета СССР шестого созыва, членом пленума Казанского горкома СССР, делегатом XXII съезда КПСС, работал в республиканском Комитете защиты мира.

Поражает воображение «Дневник депутатской работы», начатый им 27 марта 1962 года. Как свидетельствует запись на первой странице, в этот день он получил мандат. В дневнике писатель отмечал, кто и с каким вопросом обратился к нему за депутатской поддержкой. Многие просьбы были приняты к рассмотрению ещё до выборов. В графе «результат» читаем: «... просьба удовлетворена, выдана комната; для ремонта сельского клуба выдано шесть тысяч рублей; выделена машина для детского дома...» Всего в блокноте – более сотни записей. Каждое дело рассмотрено подробно – тут и наказ избирателей совхоза «Карноуховский» с просьбой провести в село электричество, и просьба учительницы-пенсионерки о трудоустройстве... Все случаи рассматривались с большой скрупулёзностью, перепроверялись факты, добивалась справедливость. Именно благодаря деятельности депутата Абсалямова удовлетворили свои жилищные условия многие молодые татарстанские писатели.

В связи с декадой татарского искусства и литературы в Москве в 1957 году за заслуги в развитии татарской литературы Абдурахман Абсалямов был награждён орденом Трудового Красного знамени.

Вернувшись из Москвы, Абсалямов писал: «На декаде мы глубже почувствовали традиции своей литературы. Яснее раскрылись её традиции. Эти замечательные традиции в том, чтобы всегда, во все времена быть вместе с народом, жить его судьбой, его мыслями и стремлениями».

Писатель занимался и литературным переводом – перевёл на татарский язык «Молодую гвардию» Фадеева, «Весну на Оudere» Казакевича, «Тимура и его команду» Гайдара, «Героический корабль» Новикова-Прибоя, повести Гайдара, Лескова, рассказы Чехова, Пришвина, Короленко, Мамина-Сибиряка, Джека Лондона, Ги де Мопассана, публицистику Белинского, Эренбурга, Алексея Толстого.

По просьбе прославленного полководца, генерала Гани Сафиуллина отредактировал его уникальные воспоминания о годах войны.

В 1967 году за литературную деятельность он был награждён орденом Ленина.

* * *

Даже когда тяжёлая болезнь приковала писателя к больничной койке, он не переставал работать. Хотя работать ему было строго-настрого запрещено! Однако несмотря на то, что врачи тщательно следили за тем, чтобы Абсалямов не смел и пальцем прикасаться к бумаге и ручке, из больницы он вынес несколько толстых исписанных тетрадей. А то, что записать не удалось, многократно прокручивал в голове, мысленно представляя себе диалоги из будущего романа. В больнице Абсалямов познакомился с профессором Терегуловым, послужившим прототипом замечательного хирурга, профессора Абузара Гиреевича Тагирова в романе «Белые цветы», который вышел в свет в 1965 году.

«Белые цветы» по своей популярности побили, пожалуй, все другие, также весьма и весьма популярные произведения писателя. Совокупный тираж романа превысил 5 миллионов

экземпляров – и приблизиться к нему не удалось ни одному другому прозаическому произведению, написанному нашим соотечественником. Роман выдержал шесть переизданий на татарском и девять – на русском языке (половина из которых – в Москве, в издательствах «Советский писатель» и «Современник»).

Почти каждый представитель татарского народа знает историю светлой, всепобеждающей любви Гульшагиды и Мансура...

В 2008 году Министерством здравоохранения Республики Татарстан была учреждена премия «Врач года – Ак чэчэклэр», получившая своё имя в честь лучшего произведения татарского писателя о врачах. За право стать её лауреатом борются лучшие татарстанские доктора.

В 60–80-е годы прошлого столетия «Белые цветы» пользовались огромной народной любовью. Кондитерская фабрика «Заря» выпускала одноимённый торт, на радио звучала песня Гульшагиды, а по местному телевидению с большим успехом прошёл многосерийный спектакль, главные роли в котором исполнили легендарные артисты Камаловского театра Шаукат Биктемиров, Азгар Шакиров, Нажиба Ихсанова, Дания Нуруллина, Равиль Шарафеев.

Всесоюзная популярность писателя радовала не каждого собрата по перу. В конце 60-х годов при выдвижении на Госпремию СССР роман Абсалямова «Белые цветы» был забракован. Группа писателей обвинила писателя в «прорусскости» и отсутствии в романе национальной идеи...

Сразу же после этого по результатам опроса-конкурса украинской «Рабочей газеты» роман Абсалямова был признан самым читаемым в стране переводным произведением. Читатели назвали имена 117 писателей, чьи произведения они читают, и наибольшее число голосов получило произведение Абдурахмана Абсалямова.

И сегодня в Интернете молодые люди (молодые люди, а не только их бабушки и дедушки!) со всех уголков мира тепло отзываются о «Белых цветах», и настоятельно рекомендуют их к прочтению! Помечают их в качестве любимой книги на страничках в социальных сетях, скачивают с сайтов онлайн-библиотек, читают в электронном виде. Стоит ввести в поисковых системах запрос «Абдурахман Абсалямов Белые цветы», как тут же открываются сотни ссылок, пройдя по которым, можно прочесть немало тёплых слов о книге. В настоящее время ведётся работа по подготовке экранизации романа. Значит, он до сих пор живёт, до сих пор нужен! Не это ли высшее писательское счастье?..

* * *

6 февраля 1979 года писатель, как обычно, сидел за письменным столом, редактировал новую книгу. Его последними работами были романы «Плывут облака» о Мусе Джалиле и исторический «Грянет гром».

А 7 февраля его не стало. Опустел его рабочий кабинет, осиротела многонациональная литература.

В конце 70-х годов замечательный журналист Саима Ибрагимова, в то время ответственный секретарь газеты «Яшь ленинчы» («Молодой ленинец»), обратилась с просьбой к писателю Кузьме Горбунову, переводившему на русский язык «Белые цветы» и «Зелёный берег», рассказать юным читателям газеты о жизни и творчестве Абдурахмана Абсалямова. Увы, материалу не было суждено выйти – тяжело заболел Кузьма Яковлевич, а Абдурахмана Сафиевича вскоре не стало. Вот отрывок из одного из писем Горбунова:

«Уважаемая Саима Ибрагимовна!

...Газета «Яшь ленинчы» делает хорошее дело, рассказывая своим юным читателям о героях татарского народа, героях фронтовых и трудовых. И, разумеется, Абдурахман Сафиевич Абсалямов – талантливый сын своего народа – заслуживает того, чтобы о его жизни и труде

знали не только взрослые, но и детвора. Выдающийся талант Абдурахмана не подлежит сомнению, – примечательно, что дарование его прежде всего человеческое и пропагандирует художественным словом передовые, гуманистические идеи нашего времени. Не подлежит также сомнению, что он – подвижник труда. Но и это не всё. Разумеется, всякий целенаправленный труд требует усилий, затраты энергии, преодолений косности, которая ещё содержится в человеке.

А вот Абсалямов ведёт уже многолетнюю борьбу со своим физическим тяжким недугом, с болью, с изнуряющими страданиями. И при этом не перестаёт вдохновенно работать. На такой подвиг способен истинный богатырь духа. В наше время мы не знаем в литературе второго подобного богатыря.

И при всём том – необыкновенная скромность украшает этого выдающегося человека.

Как видите, я сказал о многом. Но ещё не сказал главного, – до сих пор не нашёл слова, имени тому, что поддерживает внутренне неугасимое горение Абдурахмана. Рискну высказать нечто очень смелое, хоть самонадеянность чужда, враждебна мне. Думается иногда, что наука и искусство ещё не знают всех возможностей натуры человека. Есть в организме, в духовной структуре Абдурахмана вот это нечто, ещё неоткрытое.

Мы уже давненько не встречались. Но помню отлично, – при встречах меня всегда тянуло смотреть в глаза ему, излучающие особый свет, неяркий, но притягивающий и как бы обогревающий собеседника. Оговорюсь, – есть писатели более сильного, более глубокого, объёмного таланта. Талант Абдурахмана способен проявить себя в преодолении величайших страданий. И в этом смысле он редкостный, подвижнический, героический талант».

Богатырь... Такое сравнение пришло в голову не только Кузьме Яковлевичу Горбунову.

«Абсалямов, как некий сказочный богатырь, в те годы, когда татарский роман в целом как-то захирел и стухевался, один сумел быть в поле воином, один удержал возле своих книг татарского читателя, не дал ему отвыкнуть от чтения больших мощных многоплановых произведений на родном языке», – сказал о писателе его друг Хасан Туфан.

Гариф Ахунов продолжил: «Сегодня с нами нет наших учителей: Кави Наджми, Аделя Кутуя, Хади Такташа, Мусы Джалиля, Фатиха Карима, Мирсая Амира, Ибрагима Гази, Шайхи Маннура, Гази Кашшафа. Ушёл из жизни и сын великой Отчизны, пламенный патриот Абдурахман Абсалямов. Они, народные, советские писатели, были нашей честью и совестью, солью нашей земли, правдой её и откровением – они, истинные сыны татарского народа. Их душевная красота, их непоколебимая верность своей Родине оказали огромное, благотворное влияние на последующие поколения наших писателей, они являлись носителями высочайшей нравственности. Нравственная сила, заключённая в них, всегда находила своё отражение и утверждение в созданных ими образах. И если мы, сегодняшние писатели, стремимся к тому, чтобы эта высокая нравственная сила не оскудела в потомках, если мы хотим, чтобы прекрасные качества, переполнявшие наших учителей, воплотились во всей нашей молодёжи, нашей священной обязанностью должна стать неустанная пропаганда их творчества, чтобы и потомки наших потомков ясно слышали их одухотворённое слово. И только тогда мы сможем с чистой совестью утверждать, что с честью и любовью выполнили свой долг перед нашими старшими братьями, перед славными сыновьями Отчизны, перед её верными солдатами».

Альбина Абсалямова, член Союза писателей РТ и Союза российских писателей, лауреат премии «Триумф», автор книги «Никогда не угаснет. История жизни и творчества писателя Абдурахмана Абсалямова, рассказанная его внучкой»

Глава первая

1

Ночью побрызгал дождь, утро выдалось удивительно ясное. С чувством лёгкости и чистоты на душе Гульшагида поднялась с постели, накинула халат и, ступая на цыпочки, чтобы не разбудить подруг, распахнула окно. Лицо, шею овеяло свежим, слегка влажным воздухом. Облокотясь о подоконник, девушка загляделась на нижнюю часть города. Казань ещё не совсем проснулась. Улицы как бы дремали под розовой кисеей. Спокойствие и тишина властвовали над городом. Но вот первые лучи солнца скользнули по крышам и стенам самых высоких домов. Освещённые каменные громады вздымались, точно скалы. Дома пониже все ещё стояли в тени. А вершины деревьев в садах и скверах, как бы окунувшись в расплавленное золото, сияли и лучились. Всё кругом, даже оторвавшийся от паровой трубы клубочек сизого дыма, оставалось неподвижным. Не шелохнётся Волга. Широко раскинулась величественная река. Пристани, высокие порталные краны, тёмно-зелёные горы на том берегу заколдованы утренней тишиной, погружены в глубокую задумчивость.

Гульшагиде кажется, что она не из окна общежития смотрит, а парит в прозрачном воздухе, навстречу всё ещё пылающей утренней заре. Душа переполнена одной радостной и тревожной мыслью: «Мансур вернулся». На самом деле вернулся или это всего лишь слух, Гульшагида не знает точно, сама она не видела Мансура. Но и слуха было достаточно, чтобы потерять покой.

...Как бежит время! Окончив мединститут, девушка уехала работать в родную деревню Акъяр. И вот уже четыре года минуло. За четыре года разлуки с Мансуром вряд ли наберётся и четыре дня, когда бы она не вспоминала о нём! Стоило Гульшагиде ненадолго попасть в Казань, сердце её начинало бурно биться, всё существо безудержно стремилось к памятным местам – Федосеевской дамбе, Фуксовскому саду. Но она избегала бывать там, боялась – вдруг случится что-то страшное, если наведается туда. Она старалась поскорее уехать из Казани, а потом, вернувшись в Акъяр, ужасно раскаивалась в своей слабости. Но стоило ей снова приехать в Казань, всё повторялось сначала. Это было какое-то наваждение. Ведь Гульшагида знала, что Мансура нет в Казани, что он работает где-то на далёком Севере. Ясно было как день, если она даже и побывает на Федосеевской дамбе, не произойдёт ничего страшного, как не случится и чуда. Так говорил разум. А сердцу думалось иначе.

Этим летом она приехала в Казань на курсы усовершенствования врачей. Покидая Акъяр, поклялась себе: заниматься только учёбой, не вспоминать ни о чём, что могло бы разбедить её чувство к Мансуру, – не посещать заветные, памятные места, особенно Федосеевскую дамбу и Фуксовский сад. На её счастье, программа курсов оказалась ещё обширнее и сложнее, чем она предполагала: лекционный зал, больница, библиотека – вся её жизнь как бы замкнулась в этом треугольнике. Бывали дни, когда она не успевала даже пообедать.

В этой сутолоке незаметно минули четыре месяца. Ещё два месяца – и конец учёбе. Не задерживаясь, она вернётся в свой Акъяр. А там жизнь опять потечёт размеренно и привычно, как речка Акъярка: зимой – под толстым льдом, весенней порой – неширокий разлив, а в летнюю жару – мелководье.

Сердце человека наделено предчувствием. Томясь неясной тревогой, человек старается не углубляться в себя. Гульшагида так и делала. Но вот этот слух... И она проснулась с мыслью: «Зачем без конца мучить бедное сердце? Ведь всё равно не выдержу и когда-нибудь пойду туда...»

И, как бы заранее приняв решение, она оторвалась от окна, быстро умылась, надела лёгкий бежевый пыльник, туго стянула поясом и без того тонкую талию, мимоходом бросила взгляд в зеркало. Иссиня-чёрные волосы гладко зачёсаны назад, толстые косы собраны на затылке узлом. Этим волосам не нужно ни шляпы, ни платка.

Выйдя из общежития, уже не колеблясь, быстро зашагала по улице. Через десять-пятнадцать минут остановилась на крутом откосе Фуксовского сада – у знакомой скамейки. Сердце её гулко стучало, дыхание было отрывистым, глаза блестели. Внизу раскинулась речка Казанка. Вот кто-то спускается к дамбе – решил спозаранку прокатиться на парусной лодке.

Гульшагида закрыла лицо руками, и за эти короткие минуты перед её взором, словно озарённые молнией, промелькнули события, пережитые четыре года тому назад.

...Профессор Абузар Гиреевич Тагиров предложил Гульшагиде после окончания мединститута остаться в ординатуре. О каком ещё счастье могла мечтать девушка, выросшая сиротой в деревне, с великим трудом поступившая в институт?

Если бы это заманчивое предложение ничем не обуславливалось, с какой радостью согласилась бы Гульшагида! Но к тому времени она уже подружилась с приёмным сыном профессора Тагирова – Мансуром. Они часто встречались, вместе веселились, танцевали на студенческих праздничных вечерах; иногда ходили в кино, на каток... Мансур увлекался любительским боксом, приглашал Гульшагиду в спортзалы. Но она не находила удовольствия смотреть на то, как люди дубасят друг друга. Однажды соперник Мансура сильным ударом нокаутировал его. Гульшагида страшно испугалась, стала умолять Мансура бросить бокс. «Занимайся лёгкой атлетикой или футболом! – говорила она. – Играй в волейбол, баскетбол, поднимай гири, плавай, ходи на лыжах, только брось эту драку». Мансур не послушался, и у них случилась первая размолвка. Гульшагида сочла себя обиженной. Но долго ли может таить обиду любящее сердце!.. Девушка опять стала заходить в дом к Мансуру.

Библиотека профессора Тагирова славилась на всю Казань. Он разрешил молодым людям неограниченно пользоваться книгами. Мансур и Гульшагида подолгу засиживались днём и по вечерам. Им никто не мешал. Абузар Гиреевич был занят то в деканате, то в больнице, то на научных заседаниях. В доме стояла тишина и как бы лёгкие сумерки – Мадина-ханум в любой день велела опускать шторы. Она сильно изменилась в годы замужества. В молодости работала учительницей, увлекалась любительской сценой... А теперь стала домоседкой: большую часть времени проводит за чтением художественной литературы, книг по искусству; иногда готовит мужу необходимые для научной работы материалы. Удивительно аккуратная, Мадина-ханум знает место каждой книги в библиотеке мужа.

У Тагировых долгие годы жила домработница, одинокая женщина Фатихаттай, она стала в семье профессора как бы родной. Худошавая, проворная и бойкая, всегда с засученными рукавами, повязанным на затылке, как у молодух, платком, Фатихаттай не любила мозолить глаза без дела: выходила из кухни только перед обедом и ужином, чтобы помочь хозяйке накрыть стол. Потом Фатихаттай стучала в дверь библиотеки или профессорского кабинета, полунасмешливым тоном приглашала молодых людей к столу:

– Хватит вам! Всё равно не прочитаете столько книг, сколько прочли мы с Абузаром. Идёмте ужинать, а после будем пить чай. Абузар говорит, что у чая семьдесят семь целебных свойств, когда выпьешь чайку, голова лучше варит.

Иногда Гульшагида от полноты чувств обнимет славную старушку, начнёт кружить по комнате. У Фатихаттай только позвякивают вплетённые в косы монеты.

– Ой, Гульшагида, милая, сердце зашлось! – Старушка в изнеможении опускалась на стул и, лукаво поглядывая на Гульшагиду, многозначительно покачивала головой. – Ай, проказница!..

Иной раз, отдыхая от занятий, Мансур играл на рояле. Гульшагида по просьбе Мадины-ханум или профессора что-нибудь пела под аккомпанемент.

Как-то в середине мая молодые люди катались по Казанке на лодке. Хорошо было! Простор – глазом не окинешь. Отдаляется крутой берег, зелёный город. Тихо плещутся о борт мелкие волны. Откуда-то доносится трель гармоники. И вдруг в этот чудесный мир ворвалась пьяная песня. Потом – женский душераздирающий крик:

– Тону, помоги-те, то... ну!..

Мансур быстро развернул лодку. Они подплыли к месту происшествия. Какой-то парень бултыхался в воде, пытаясь ухватиться за перевернутую лодку, а чуть в стороне, в центре водоворота, то исчезала, то показывалась голова девушки. Вот она совсем скрылась под водой. Испуганная Гульшагида не успела слова сказать, как Мансур, в одежде, прыгнул с лодки.

Прошли секунды, но они показались Гульшагиде вечностью. Она закричала вне себя. Наконец Мансур ненадолго вынырнул. Отдышавшись, снова скрылся под водой. Так повторилось несколько раз. И только на четвёртой или пятой попытке он вытащил девушку, держа за косы.

Потом Мансур и Гульшагида вынесли пострадавшую на берег, принялись откачивать её, делать искусственное дыхание. Пришлось повозиться и с пьяным парнем. Когда девушка открыла глаза, спасители передали её подоспевшим врачам, а сами незаметно ушли.

Вечером они вернулись на берег Казанки. Сидели на скамейке в Фуксовском саду, у самого обрыва. Взошла луна. Реку пересекала серебряная дорожка. В этот вечер Мансур первый раз обнял Гульшагиду. Девушка прикинула головой к его груди и притихла. И тут почувствовала, как губы Мансура коснулись её волос. Осторожно она приоткрыла глаза. Мансур глянул в эти мерцавшие в темноте глаза и вдруг поцеловал её в самые губы...

– Я очень, очень испугалась, когда ты бросился в реку, – тихо проговорила Гульшагида.

– Не надо об этом... Смотри, как блестят на воде серебряные мониста, – прошептал Мансур.

Долго сидели они, глядя, как переливаются в реке лунные блики. Лица их незаметно сблизились, руки сплелись. Обоим было очень хорошо.

Откуда ни возьмись появился долговязый парень.

– Простите, я вас ищу весь вечер... Хотел поблагодарить... Вы спасли мою девушку.

Это был тот самый незадачливый парень, который спьяна перевернул лодку и чуть было не утопил девушку. Мансур вскочил со скамьи, взял его за локоть, отвёл в сторону; другой рукой зажал рот ему и гневно шепнул на ухо:

– Идите к чёрту со своими благодарностями! – и показал сжатый кулак.

Парень оробел, попятился назад.

А Мансур вернулся к Гульшагиде, опять нежно обнял её за плечи.

До самого рассвета они просидели рядом. Они не давали друг другу клятв, не говорили: «люблю». И без того всё было ясно.

Это было самое счастливое для Гульшагиды время. Почти каждый вечер они встречались с Мансуром, гуляли по Федосеевской дамбе, катались на лодке, обнявшись сидели на знакомой скамейке у обрыва.

Домашние догадывались об их отношениях. Если Мадина-ханум и Абузар Гиреевич не высказывались прямо, то бойкая на язычок, не признающая интеллигентских тонкостей Фатихаттай частенько без обиняков обращалась к Гульшагиде: «Невестушка моя ненаглядная!»

А потом... Что было потом – Гульшагида и тогда не понимала, и сейчас, спустя четыре года, не может себе уяснить. Мансур начал сторониться её. Если Гульшагида звала его на Казанку, он под разными предлогами отказывался. Однажды путанно и сбивчиво начал просить у Гульшагиды прощения. Поражённая девушка так и не решилась спросить, чем он провинился. «Должно быть, увлёкся другой», – с горечью предположила Гульшагида. Но она ни разу не видела Мансура с этой «другой». Тогда она решила откровенно объясниться с ним: «Что случилось, Мансур? Почему ты так изменился?» Но и на этот раз он не сказал ничего

определённого. Всё же девушке показалось, что губы его прошептали самое страшное: «Я тебя не люблю».

В один из таких дней, когда Гульшагида предавалась отчаянию, профессор Тагиров и предложил ей остаться в ординатуре. Но девушка, потрясённая неудачей в любви, подчиняясь охватившему чувству безнадёжности, ответила: «Спасибо за доверие, Абузар Гиреевич. Но я хочу сначала поработать в своей родной деревне». Профессор со свойственным ему тактом не стал допытываться о настоящих причинах отказа и не настаивал на своём предложении. После Гульшагида сожалела о своём необдуманном решении. Потом принялась искать оправдание: «Если бы я была по-настоящему способна к серьёзной работе, профессор не отступился бы так скоро от меня. Говорят, чтобы оставить в аспирантуре Веру Иванову, он ходил к самому министру. Скорее всего, он предложил мне это по доброте, а то и по просьбе бойкой Фатихаттай! – Ведь у неё только и дум было, чтобы сосватать Гульшагиду и Мансура, она не раз говорила девушке: «Непременно упрошу Абузара, чтобы оставил тебя в Казани». – Не хватало ещё, чтобы она хлопотала за меня! – с досадой думала Гульшагида. – Какой позор!»

Через несколько дней Гульшагида встретила в коридоре института Мансура и решила пригласить его вечером на Федосеевскую дамбу. «Может быть, это будет наша последняя прогулка», – многозначительно добавила она. Мансур то ли не хотел обидеть явно взволнованную девушку, то ли просто располагал свободным временем, на этот раз согласился. Но почему-то предложил пойти не на Федосеевскую, а на Портовую дамбу.

И вот они идут по берегу Волги, взявшись за руки, вернее за кончики пальцев, как школьники. Солнце окрасило красноватыми лучами Услонские горы. Широкая Волга ослепительно сверкает, – не прищурившись, больно смотреть. Одни пароходы уходят, другие приходят. Их басовитые гудки оглашают берег, потом замирают где-то вдали. На некоторых пароходах звучит музыка, пение.

По реке быстро проносятся моторные лодки. Со стрежня дует упругий и тёплый ветер.

На Гульшагиде её любимая широкая юбка с крупным цветастым узором и белоснежная кофточка; тонкая талия стянута ремешком, на ногах лёгкие белые босоножки. Косы наполовину расплелись. А Мансур даже не переоделся – он в своём обычном полуспортивном костюме.

Шли молча. Иногда Гульшагида украдкой бросала на Мансура быстрый взгляд. Чего только не было в этом взгляде: и укоризна, и мольба, и гнев, и любовь.

– У тебя язык отнялся, что ли?! – не утерпев, воскликнула Гульшагида. Стащила с головы Мансура берет, растрепала ему волосы. – Ходи вот таким лохматым, тебе идёт! – Она громко рассмеялась. – Давай побежим навстречу ветру!..

Должно быть поддавшись настроению девушки, Мансур не рассердился на её выходку, ускорил шаг. Они уже шли вдоль кремлёвской стены, направляясь к Федосеевской дамбе, куда упрямо стремилась Гульшагида.

По дороге Гульшагида заговорила о том, что на днях они оба получат диплом. Почему бы Мансуру не поехать вместе с ней в Акъяр?

– Ещё не поздно, – убеждала она. – Пойдём в министерство и попросим о назначении. Правда, чудесно было бы? Мы построили бы в Акъяре новую больницу и славно поработали бы в селе, как работал Абузар Гиреевич в молодости. Ты – хирург, я – терапевт.

Мансур молча слушал, потом сдержанно сказал, что всё это – запоздалая романтика.

– Почему запоздалая? И разве романтика чужда тебе? – чуть отстранившись, спрашивала девушка.

Мансур промолчал, засмотрелся на речку Казанку. Увидев знакомого парня на парусной лодке, принялся подзывать его, махая рукой.

– Я не хочу кататься на лодке, – обиженно сказала Гульшагида. И предложила: – Пойдём в сад, посидим на нашей скамейке. Нам надо серьёзно поговорить.

Но Мансур словно не слышал её слов. Поднял камушек, бросил далеко в воду. Послышался негромкий всплеск. Камушек исчез, только круги остались на воде.

– Что случилось? – с горечью допрашивала Гульшагида. – Почему ты не отвечаешь?

Опять молчание. Теперь Мансур смотрел на девушку, полоскавшую бельё.

– Тебе скучно со мной! – воскликнула Гульшагида. – Видно, надоела... Не думай, что собираюсь вешаться тебе на шею. Прощай!

Она резко повернулась и побежала вдоль дамбы. Потом, цепляясь за лопухи и полынь, иногда соскальзывая вниз, стала взбираться по крутому склону. Она не оглядывалась, не знала, последовал ли за ней Мансур. Только поднявшись к Фуксовскому саду, перевела дыхание. Остановилась у знакомой скамейки. Посмотрела вниз. Ей видно было, как Мансур садился в лодку своего приятеля. Они плыли широкой гладью Казанки, потом круто повернули к Парку культуры. В последних, красноватых лучах солнца поблёскивал белый парус...

2

По приезде в деревню Гульшагида первое время жила надеждой: «Если в сердце Мансура есть хоть капля любви, он обязательно напишет мне, а то и сам приедет в Акъяр. Мы объяснимся, и всё будет хорошо».

Но Мансур и не написал, и не приехал. Через некоторое время Гульшагида услышала, что он совсем уехал из Казани. Вроде бы скрылся из дома, связавшись с какой-то женщиной, намного старше себя. Какой стыд! Какая обида! Но что поделать? Биться головой о камень? Так ведь и это не поможет.

А через год и Гульшагида вышла замуж. Это случилось как бы помимо её воли и нелепо. Через семь или восемь месяцев они разошлись. Гульшагида всё чаще стала думать, что ей уже не видать счастья! Но – в двадцать шесть лет – сердце никак не хотело примириться с этим, не хотело жить только горькими воспоминаниями.

Получив вызов на курсы, она решила: «Как приеду в Казань, в тот же день зайду к Тагировым». И верно – подошла к их дому. Но сейчас же спохватилась: «Я ведь не прежняя Гульшагида». И не нашла смелости постучать в дверь. Оставалась надежда: «Может быть, Абузар Гиреевич, увидев меня в больнице, сам пригласит зайти». Профессор несколько раз встречал её, останавливал, расспрашивал о жите-бытье, но домой к себе не звал. Рассчитывая на случайную встречу с Мадиной-ханум или Фатихаттай, Гульшагида при каждом удобном случае старалась пройти возле дома Тагировых. Но недаром говорится: «Несчастливому и случай не помогает», – никто не встречался Гульшагиде.

О чём же она думала, не раз проходя под окнами знакомого дома? О Мансуре, об их недолгом счастье?.. Гульшагида и сама не смогла бы ответить. Конечно, Мансур существует, но где-то совсем в стороне, не приближаясь и не удаляясь. Вроде бы и виден Мансур, но не подойдёшь, не поговоришь. Выбросить его из сердца – нет силы; держать в сердце, как близкого и единственного, – тоже невозможно.

Федосеевскую дамбу Гульшагида считала теперь самой запретной чертой для себя. Но сегодня она всё же нарушила эту черту. И вот – стоит на крутом берегу, от стыда закрыв руками лицо, словно совершила бесчестный поступок, стоит и... ждёт чужого мужа! Но на этом свете не бывает чудес. Никто не подходит к ней, никто не берёт за руку, Гульшагида с трепетом открывает глаза. На Казанке, на дамбе пустынно...

Могло показаться, что душа её опустошена, мечты рухнули, никаких надежд не осталось. И всё же Гульшагида, идя по дамбе в сторону Кремля, не опускала голову, смотрела на мир широко раскрытыми, полными вызова глазами. Что это, – может быть, всего лишь женская гордость? И в автобусе она держала голову прямо. Более того, – проходя по Больничной улице, нашла в себе силы как-то по-новому, с любопытством посмотреть на окружающие её контрасты, хотя ежедневно бывала на этой улице.

Справа и слева высились громады новых пятиэтажных жилых домов, магазины с нарядными витринами. А чуть дальше виднелись старые, обветшавшие здания. Большинство деревянных домов покосились, а у каменных облуплена штукатурка, отбиты углы. Всё это напоминало дореволюционный захолустный уездный городок, какие теперь показывают в кино. Вот женщина переходит улицу, сгибаясь под тяжестью коромысла. Во дворе на протянутой верёвке мотается полотенце с красной каймой. Бабай в длинном белом джиляне¹ и круглой мерлушковой шапке чинно шагает по тротуару, постукивая клюшкой. А вон пожилая женщина, прикрыв рот концом платка, стоит у ворот, что-то высматривает, – может быть, поджидает мужа с работы. И тут же, в каких-нибудь двадцати-тридцати шагах, воздвигают новый

¹ Джилян – верхняя одежда вроде поддёвки.

каменный дом; девушки в брюках, напевая татарские песни, кладут ряды кирпичей, над головой у них величаво движется подъёмный кран. А на противоположной стороне тянутся цехи огромного завода, в окнах сияют лампы, излучающие дневной свет. И опять – жалкие, приземистые домишки. На подоконниках неизменная герань, голубая краска наличников слиняла, но на крышах торчат телевизионные антенны. А переулки изрыты, загромождены – всюду прокладывают газопроводы и водопроводные трубы.

В одном из этих переулков стоит совсем крохотный деревянный домишко, подпёртый брёвнами, словно лачуга Ходжи Насреддина. У покосившихся ворот, как всегда, сидит торговец цветами Муртаза-бабай. На старике белая рубашка с длинными рукавами, короткая жилетка, на голове – лоснящаяся тюбетейка. В густых чёрных бровях и козлиной бородке бабай поблёскивает седина.

Гульшагида каждый день покупает у него цветы. Не много – всего три-четыре гвоздики, но выбирает самые лучшие. Она с утра платит деньги, а цветы забирает вечером, на обратном пути.

Гульшагида приветливо поздоровалась с бабаем, спросила, как поживает.

– Лучше всех, – степенно ответил Муртаза. – Сама-то как? Твои я оставил в сенях, в банке. Нынче особенно хороши. Посмотришь – и сама станешь цветком, ей-ей!

Гульшагида улыбнулась. Да, сегодня ей нужны только самые замечательные цветы.

– Уж не радость ли какая у тебя, дочка?

– Не знаю, – зарделась Гульшагида. – Настроение такое.

Она и в самом деле чувствует особенную бодрость, хотя радоваться как будто нечему.

Стоит повернуть за угол дома, возле которого торгует цветами Муртаза-бабай, – сразу увидишь больницу. Вон её старинная чугунная ограда на прочном каменном фундаменте. Вдоль ограды тянется зелёная гряда акаций, их верхушки ровно подстрижены. За изгородью, в глубине, стоят многолетние вязы, клёны и берёзы. Их густые кроны напоминают издали зелёные горы, возвышающиеся ярусами. Мощная, густая зелень закрывает жёлтое старинное трехэтажное здание. Лишь местами, где листва пореже, просвечивают то жёлтый кусок стены, то створка окна, то краешек карниза или же отдельные буквы длинной вывески: «Н-ая городская клиническая больница». Если посмотреть сверху, здание больницы похоже на лежащую букву «Г». Одно время прошёл слух, что будет сделана пристройка и ко второму крылу здания, – тогда буква «Г» превратилась бы в «П». Но по каким-то причинам дело замерло. А потом... потом, как говорят старики, отложенное дело запорошило снегом.

Гульшагида вошла в железную калитку. Прямая асфальтированная дорожка вела к парадному подъезду. Как и само здание, подъезд был построен в классическом стиле, с колоннами. Римские цифры над колоннами указывали, что здание сооружено в конце девятнадцатого века. Наверно, и парк был посажен в те же годы. В жаркие летние дни здесь всегда тенисто и прохладно.

Гульшагида на минуту остановилась, залюбовавшись изумительными красками осени. Но ведь парк красив не только в осенние дни. Почему же она раньше не обращала внимания на это? Что сняло сегодня пелену с её глаз? Может быть, она слишком занята была своими личными переживаниями, а теперь обида и горечь начали притупляться, – кто знает...

У калитки остановилась легковая машина. Из неё вышел пожилой, высокий, ещё довольно стройный человек с коротко подстриженными седыми усами, в голубовато-серой шляпе и таком же макинтоше. Это был профессор Абузар Гиреевич Тагиров. Сняв шляпу, он первый поклонился Гульшагиде. Очнувшись от своих дум, она заметила его слишком поздно и, смущённая своей невнимательностью, пробормотала:

– И вас с добрым утром, Абузар Гиреевич!

– Я вижу, вас покорила краска осени, – улыбнулся профессор. – Если хотите насладиться подлинной красотой, идите в лес, Гульшагида. Здесь только имитация... Да, простите, Гуль-

шагида, – вдруг повернул он на другое, – вы что-то совсем забыли нас. Фатихаттай житья мне не даёт: «Когда же приведёшь нашу Гульшагиду?» Сегодня после работы непременно заходите.

Наконец-то рассеянный профессор вспомнил о ней. Что ж, она с радостью зайдёт. Но Гульшагида не решилась спросить о Мансуре, только подумала о нём.

3

Вместе с другими врачами, приехавшими на курсы по усовершенствованию, Гульшагида пошла на лекцию и... не узнала профессора. Это был не тот живой, улыбающийся, находчивый Абузар Гиреевич, каким все привыкли видеть его. Лекцию он читал сбивчиво, разбросанно. И ровный, чёткий голос профессора, и удивительная ясность и законченность его мыслей, и стройная композиция его лекции – всё это как-то поблёкло. Ассистенты, проработавшие вместе с ним много лет, не помнили, чтобы он когда-нибудь был так расстроен. Не закончив одной мысли, он перескакивал на другую, третью, потом возвращался назад или же отвлекался от темы. Порой голос его становился еле слышным. Что это? Внезапный приступ старческой немощи или какая-то неприятность, что выбила его из колеи?

Со стола на стол полетели записки: «Не знаете ли, что с профессором? Может, у него несчастье?» Гульшагида терялась в догадках, – что могло случиться с ним?

Профессор, должно быть, и сам понял, что не в состоянии продолжать лекцию. Извинившись, он покинул кафедру раньше времени.

А произошло вот что.

Утром, как только Абузар Гиреевич вошёл в свой кабинет, явился главврач больницы Алексей Лукич Михальчук. Не успели они поздороваться, зазвонил телефон.

– Да, профессор Тагиров... Да... Это опять вы?.. Послушайте, товарищ Султанмуратова, я ведь уже сказал вам. Я осмотрел вашу мать, она ничем не больна, класть её в больницу нет смысла. У неё всё от возраста и капризов. Получше ухаживайте дома, а в больнице ей будет хуже. И мест у нас свободных нет. Даже коридоры заняты больными... Что? У вас есть другие сведения? Это меня не интересует... Ну... ну, слушаю... Извините, пока заведу кафедру я, а не Саматов...

Профессор отвёл от уха трубку. Раздражённый голос, обвинявший Тагирова в бессердечии, равнодушии и других страшных вещах, звучал на весь кабинет.

– Спасибо, – иронически сказал профессор и положил трубку.

Алексей Лукич, в крайнем смущении, низко опустил голову. Вчера эта Султанмуратова и на него налетела, подобно злему ветру.

– Абузар Гиреевич, – пробормотал главврач, – как говорится, от греха подальше... Может, найдём как-нибудь одну койку?

– Разве дело в койке, Алексей Лукич? Эта вздорная старуха пока не нуждается в нашей помощи.

– Тем более, – пусть себе лежит...

Алексей Лукич был высок и худошав, с тонким носом на слегка рябоватом, продолговатом лице. Во взгляде его всегда чувствовалась скрытая тревога и грусть. Сегодня он вдобавок страдал от зубной боли и выглядел совсем подавленным. Ему было под шестьдесят. В Казань он приехал после войны, из Белоруссии. Его уговорила переехать сюда жена. Работая в военном госпитале, он женился на враче-татарке. Прежнюю его семью загубили фашисты. Ежегодно во время отпуска он ездил в Белоруссию – навестить дорогие ему могилы. А вернувшись, долгое время не мог прийти в себя.

Сейчас Алексей Лукич был сильно расстроен.

– Она вас съест живьём!.. Это же тигрица, Абузар Гиреевич!

– Моё старое мясо ей придётся не по вкусу, – усмехнулся профессор и махнул рукой, как бы говоря: «Кончим с этим».

Но тут опять зазвонил телефон. Профессор неохотно взял трубку. Послышался низкий мужской голос:

– Абузару Гиреевичу салам... Тютеев. Это же – Тютеев!

У бывшего главврача больницы, ныне работника горздрава, такая уж привычка: сначала он назовёт свою фамилию еле слышно, вкрадчиво, а потом, словно стараясь оглушить, изо всех сил рявкнет басом: «Тютеев!»

Тютеев тоже ходатайствовал о мамаше Султанмуратовой. Это окончательно рассердило профессора.

– Скажите вашей Султанмуратовой: если она вызвала мать погостить, пусть ухаживает за ней дома, а не сплавляет в больницу! Больница не гостиница и не дом отдыха!

– Абузар Гиреевич! – теперь голос Тютеева зазвучал чуть ли не повелительно. – Прошу не забывать, кто такая Султанмуратова.

– Знаю, знаю... Вот Алексей Лукич уже запугивал меня: «Она вас живьём съест». Для меня это не так страшно. Я уже своё пожил. Простите меня, Шахгали, но я не могу лечить, вернее, ухаживать за людьми, единственный недуг которых – старость. Пусть у этих привередливых людей какие угодно будут родственники. Извините, мы не обязаны нянчиться со старухой, у которой есть здоровая, обеспеченная дочь... Что?.. Да не верьте вы причитаниям Султанмуратовой. У самой-то старухи и в мыслях нет лечиться в больницу. Дочь хотела бы уложить её насильно, только потому, что родная мать, видите ли, надоела ей за неделю... Вот так, Шахгали.

Алексей Лукич сидел, обхватив голову руками. Когда профессор положил трубку, он тяжело вздохнул.

– Если вас не съедят, меня-то уж непременно сожрут, – сказал он, поднимаясь с места. – Тютеев взбесится пуще Султанмуратовой. Он и раньше выискивал, к чему бы придраться, теперь – того хуже...

Алексей Лукич, пробормотав, что надо выдернуть этот проклятый зуб, вышел, согнувшись. Профессор не удерживал его. Оставшись один, широко распахнул окно. Смотри-ка, под яблонями красным-красно от упавших за ночь анисовых яблок. Надо сказать, чтоб подобрали... Возле сарая висят, трепещут на ветру закапанные йодом простыни и наволочки. По забору крадёт пёстрая кошка, – должно быть, хочет поймать голубя – на больничном дворе голубей несчётное количество. В укромном уголке между поленицами дров больничный пёс Байгуш греет на нежарком солнышке брюхо.

Взгляд Тагирова остановился на кустах шиповника. Под осень кусты зацвели второй раз. Это позднее цветение напомнило профессору о чём-то смутном, далёком. О чём именно – он так и не вспомнил.

Стук в дверь. Вошёл Салахетдин Саматов – один из лечащих врачей терапевтического отделения. Ему под тридцать. Маленькая круглая голова, узкое лицо, острый нос, короткие чёрные усики.

– Извините, Абузар Гиреевич, – начал он, наклонив голову, – я хочу побеспокоить вас большой просьбой.

– Добро пожаловать, Салах. Я слушаю.

– Неудобно, конечно... Всё же я решился... Надеюсь, не откажете. Я хотел обратиться к Алексею Лукичу, но он только рукой махнул. Окончательно превратился в администратора. Не считается с чужим горем...

– Вы явились жаловаться на Алексея Лукича? – нахмурился профессор.

– Боже сохрани! – заулыбался Саматов. – Просто к слову пришло.

– Тогда – слушаю.

– Меня попросил очень близкий мне человек, Абузар Гиреевич. Умоляет устроить мать в больницу.

– Вы осмотрели больную?

– Нет, ещё не успел, Абузар Гиреевич.

– А я уже осмотрел, Салахетдин, – сказал профессор и укоризненно покачал головой. – Не думал я, что вы проявите такую поспешность. Вы уже обещали этому человеку?

– Да, разжалобился и пообещал, Абузар Гиреевич. Вы уж, пожалуйста, выручите меня. В другой раз буду осторожней.

Профессор прошёлся по кабинету, опять остановил смягчённый взгляд на кустах шиповника, и опять что-то смутное шевельнулось в сердце.

– Вы, Салахетдин, забыли самую первую заповедь отца медицины – Гиппократ. Он говорил: «Прежде всего осмотри больного», – профессор ткнул пальцем в грудь Саматову. – Такая забывчивость непростительна для лечащего врача, хотя бы и молодого. Я ничем не могу помочь. Не имею права отдавать койку человеку, который не нуждается в ней.

Их разговор был прерван стуком в дверь. На этот раз – дежурная сестра.

– Что вам, Диляфруз? – мягко спросил Тагиров.

– Вас давно ждёт одна старушка, Абузар Гиреевич.

– Кто? Мать Султанмуратовой?

– Нет, это другая. Русская старушка.

– Что она хочет?

– Точно не говорит, Абузар Гиреевич. Только жалуется: «Приехала издалека, очень хочу повидать профессора».

– Сказала бы уж: дескать, из Тулы, обещает подарить самовар, – проворчал Салах. Он стоял в углу, бледный от злости.

Диляфруз мельком взглянула на него, сказала с упрёком:

– Пожалуйста, не насмехайтесь, Салах-абы... – И повернулась к профессору: – Старушка просила передать, что её зовут тётя Аксюша. Об остальном, говорит, сам профессор догадается...

– Кто, кто? – быстро переспросил Тагиров. – Тётя Аксюша?.. Где она? Приведите её скорей! Сейчас же, сейчас же! – всё ещё кричал Абузар Гиреевич вслед выбежавшей сестре.

Саматов, ядовито усмехнувшись, покинул кабинет. Профессор даже не заметил этого. Он беспокойно думал: «Неужели та самая тётя Аксюша? Как она очутилась здесь?»

Скрип двери, шелест шагов... Профессор с первого взгляда узнал старуху. Да, это она! А тётя Аксюша внимательно разглядывала его, согнув ладонь козырьком, – Тагиров стоял против окна, спиной к свету, трудно было рассмотреть его. Старуха видела высокого худощавого мужчину в белом халате и белой шапочке. И похож и не похож.

– Аксинья Алексеевна! – воскликнул профессор, устремившись к ней.

Они обнялись, как обнимаются после долгой разлуки близкие родственники. Оба были так растроганы, что прослезились. Слезы шли из самой глубины сердца. Старые друзья говорили друг другу тёплые, нежные слова.

* * *

У этой встречи была своя предыстория, известная только Абузару Гиреевичу да тётю Аксюше, – теперь уже давняя, но всё же ещё мучительная предыстория.

1941 год. Огненные и кровавые бури войны к концу октября докатились и до деревень Тульской области. Наши разрозненные части, цепляясь за каждую деревню, высоту, дорогу, переправу, отступали и отступали. Всё перемешалось. Где первый и второй эшелоны, медсанбат – никто не знал. Небо гудело от вражеских самолётов, с воем падали бомбы, строчили пулемёты. Обочины дорог завалены разбитыми, сожжёнными автомашинами, танками, орудиями и трупами. Солдаты обозлены, не смотрят друг на друга, но уж если вступят в бой, стоят плечом к плечу до последней гранаты, до последнего патрона.

Армейский госпиталь, в котором служил Абузар Тагиров, не успел полностью эвакуироваться. Во время массированного налёта были разрушены все здания, сожжены последние санитарные машины. Был вечер, тяжёлая багровая полоса легла вдоль горизонта. Но вдруг что-то дрогнуло, перевернулось, будто раскололось небо. Тагиров, стоявший над тяжелораненым шофёром, вскинул голову и в ту же секунду был ослеплён яркой вспышкой. Потом его бросило вверх, швырнуло обратно на землю. И всё померкло.

Сколько лежал Тагиров – час или сутки, он не знал. Когда открыл глаза, увидел неимоверно крупные красно-жёлтые звёзды, глядевшие на него с тёмного неба. Кругом удивительная тишина, только в ушах что-то гудит, и во всём теле ужасная слабость, и голова совсем не соображает. Что случилось с ним, почему он здесь лежит?

То ли выпала обильная роса, то ли дождь прошёл, – вся одежда, лицо, волосы Тагирова мокры. А в горле пересохло, до смерти хочется пить. Вытянув руку, он начал шарить вокруг себя. Рука коснулась мокрого металла. Это была чья-то каска. Тагиров, сделав усилие, взял её, принялся слизывать языком влагу. Кажется, уже перед рассветом он пополз наугад. Помнит, как свалился в сухую балку. Снова полз – долго, очень долго. Очнулся на пороге какой-то избушки. Лежит беспомощный, собака с жёлтыми глазами лижет ему лицо. Опять беспамятство. Пришёл в себя уже за печкой, на топчане. Не поднимая головы от подушки, осмотрелся. За печкой, кроме него, лежали на полу ещё пять или шесть человек. Угадывался солнечный день, на дворе мирно кричал петух. Душисто пахло яблоками. А у самого окна – куст шиповника с редкими цветами...

Тагиров долго лежал, уставившись взглядом в почерневшие доски потолка. Осторожно повернув голову, взглянул на лежащих солдат. У него похолодело сердце. В неподвижных глазах раненых застыл ужас. Такие глаза он много раз видел в госпиталях. Смертельно раненные знали, что умрут. Они уже не кричали, не ругались, не плакали, не просили помощи. Они ждали своего последнего вдоха.

Кто-то в больничном халате, шаркая ногами и неестественно задрав голову, узким проходом пробирался за печку. Обросшее лицо человека перекопилось от страданий и злобы. Тагиров не мог смотреть на это лицо, закрыл глаза. А когда открыл, за печкой теснились не один, а трое или четверо слепых. Что это? В самом деле слепые или дурной сон? Один из них, добравшись ощупью, опустился на краешек топчана, где лежал Тагиров, сердитым басом спросил по-русски:

– Куда тебя стукнуло?

Абузар Гиреевич попытался ответить, но из его горла вырвались лишь хриплые, отрывистые звуки. Спустя несколько дней, когда у него восстановилась речь, пришли в норму слух и зрение, он понял, что произошло и где он находится.

В этой одинокой просторной избе на краю села раньше находилось одно из отделений животноводческой фермы. А больница стояла посреди села. Когда нагрянули фашисты, они выбросили из неё всех больных и разместили своих раненых.

Единственный врач Галина Петровна Сотникова и её верная помощница санитарка тётя Аксюша перебрались с больными колхозниками – среди которых было несколько слепцов – вот в эту избу, наскоро приспособив её под больничное помещение. Галина Петровна не преминула подобрать раненых советских солдат и офицеров, разместила их вперемежку со своими больными, некоторых устроила за печкой, а в переднюю, проходную комнату, положила слепых, калек, стариков.

Рано или поздно эта хитрость Галины Петровны должна была раскрыться. Гитлеровцы уже несколько раз наведывались сюда. Сотникова, пускаясь на всевозможные уловки, шла на прямой риск: заверяла гитлеровцев, что здесь лежат только местные жители, есть и заразные больные, но нет ни одного советского воина. «Если не верите, осмотрите сами».

Заразных болезней гитлеровцы боялись пуще огня, только это на первое время и спасало раненых советских бойцов и офицеров. Правда, ещё сохранял силу формальный приказ коменданта, допускавший существование сельской больницы, но его могли отменить в любую минуту.

Однажды на машине снова нагрянули вооружённые гитлеровцы. Потребовали спирта. Врач заявила, что спирта нет. Палачи забрали Галину Петровну.

Больные уже не надеялись видеть её живой, но Галина Петровна вернулась. Под глазами синяки, левая рука как-то странно висит, словно подбитое крыло...

Кроме гитлеровцев, у больных был ещё один не менее жестокий враг. Это – голод. Запасы сухарей давно кончились, жизнь больных теперь поддерживалась одной-двумя картофелинами в день. Но и картошка кончалась. Вот в эти-то дни тётя Аксюша, повесив на шею нищенский мешок, стала ходить по деревням, просить подаяние. Она уходила затемно и, пройдя под осенним пронизывающим ветром километров двадцать-тридцать, поздно вечером возвращалась домой. Затем раздавала всем больным принесённые кусочки.

Эти чёрствые куски камнем застревали в горле Тагирова, он не мог их проглотить, даже размочив в воде. Тётя Аксюша, заметив на глазах его слёзы, гладила его по голове и говорила: – Не стыдись, ешь. Это народный хлеб.

Но и на этом испытания не кончились. Галину Петровну предупредили, что гитлеровцы готовят разгром больницы. Больные и раненые советовали ей бежать в лес: «Мы так и эдак пропащие люди, а ты должна жить».

Галина Петровна запротестовала:

– Врач должен быть со своими больными до последней минуты. Никуда я не пойду.

Она осталась ночевать в больнице. В лице у неё не было ни кровинки. Ходила, покачиваясь, как сухая травинка. Раздастся ли во дворе шорох – сразу насторожится; залает собака – мгновенно обернётся к двери. Глаза у неё ввалились, тревожно блестели и казались огромными.

В эту ночь поднялась сильная буря. В трубе гудело, оконные стёкла звенели; казалось, кто-то ходит в сенях, стучится в дверь. Единственная на всю избу коптилка чуть мерцала, готова была погаснуть; на стенах качались огромные, несуразные тени. Никто не спал. Галина Петровна, накрыв плечи платком, сидела у печки, съёжившись от холода. Тётя Аксюша с утра ушла побираться и до сих пор не возвращалась. Где бродит она в тёмную, бурную ночь?

Эта ночь на всю жизнь врезалась в память Абузара Тагирова, даже спустя двадцать лет он не мог забыть малейшие детали. Как сейчас помнит, открылась дверь, и тётя Аксюша вошла с длинной палкой в руках. Галина Петровна, вскочив с места, бросилась ей навстречу. Тётя Аксюша посиневшими от холода губами сказала ей всего одно слово:

– Идут... – и рухнула на пол.

Больные приподнялись с постелей, готовясь встретить смерть. Но в дверях показался чернобородый человек в русском полушубке, с немецким автоматом на шее. Все затаили дыхание.

– Здравствуйте, братцы! – торопливо сказал незнакомец и протянул руку Галине Петровне. – Товарищ врач, кого забирать в первую очередь? Скорей собирайтесь, пока не всполошились фрицы.

Больные ничего не понимали. Галина Петровна показала за печку:

– Сначала этих.

А потом, как во сне, – партизанские лошади с развевающимися на ветру гривами, уха-бистые дороги, дремучий лес...

Партизанские связные вскоре сообщили, что гитлеровцы разгромили и подожгли больницу, разыскивали по избам Галину Петровну и больных, обещали награду тому, кто укажет, где скрывается врач.

После войны Тагиров некоторое время переписывался с Галиной Петровной и Аксюшей. Потом нахлынули дела и заботы, письма приходили всё реже, прошлое уходило в вечность...

Когда Абузар Гиреевич начал расспрашивать о здоровье Галины Петровны, тётя Аксюша тяжело вздохнула.

– Я и приехала-то из-за неё. Захворала ведь голубушка моя. Начала вдруг сохнуть. Наши врачи не знают, что и предположить. Сама-то, видно, чувствует недоброе, – продолжала старушка, утирая глаза рукавом халата. – Сядет у окна и смотрит, да так печально, словно птица в неволе. Всё расспрашивает о своих прежних больных: где, мол, тот да этот? Прежде она никогда не бывала такой печальной... – Тётя Аксюша опять утёрла слёзы рукавом. – Однажды вечером сидит у окошка, в руках журнал. Подошла я к ней, говорю: «Не читай в сумерках, глаза испортишь». – «Здесь, отвечает, напечатана статья нашего Абузара Гиреевича... Пишут, он теперь в Казани работает, большой учёный». Наутро собрала я узелок – и в дорогу. Чего медлить? Я теперь на пенсии, сама себе хозяйка. Она, голубушка, хотя и не говорила, что хотела бы показаться вам, да я ведь понимаю её по взгляду, тридцать лет проработали вместе. В Москве зашла к Феде. Помните, лежал рядом с вами безрукий офицер? Теперь он большой инженер. Взял мне билет до Казани, проводил. У него сохранились все адреса фронтовых друзей, а вашего адреса почему-то не оказалось. «Ладно, – сказала я ему, – врач – всегда на виду у народа, приеду в Казань – разыщу». Вот и нашла.

Аксинья Алексеевна вытащила из кармана бумаги, завёрнутые в платок, передала профессору. Абузар Гиреевич, надев очки, пробежал их, вздрогнул.

«Необластома правого лёгкого», – прочёл он диагноз. Это же, говоря попросту, предположение злокачественной опухоли. Правда, врачи поставили знак вопроса. Но они могли сделать это лишь для утешения Галины Петровны.

Секунду стоял профессор словно оглушённый. Но и через полчаса, когда он приступил к очередной лекции, в мозгу его вертелось это страшное слово: «необластома».

4

Не закончив по-настоящему лекции, профессор уехал домой. Хорошо зная, что Абузар Гиреевич человек внимательный и не бросает слов на ветер, Гульшагида была уверена, что приглашение, переданное ей, – побывать у Тагировых – не отменяется.

Всё же она беспокоилась, зашла к ассистенту профессора – Вере Павловне Ивановой, спросила, что случилось с профессором во время лекции. Веру Павловну, ту самую, за которую профессор когда-то хлопотал перед министром, Гульшагида знала ещё со времён студенчества: они учились вместе, дружили. Вера шла на два курса впереди, но случилось так, что обе девушки были избраны членами комитета комсомола, они часто встречались и на шумных заседаниях бюро, и на комсомольских собраниях. И вот Верочка стала уже Верой Павловной – кандидатом медицинских наук, ассистентом известного профессора – и на время учёбы на курсах усовершенствования – практическим руководителем Гульшагиды. Это не мешало им оставаться близкими подругами. Маленькая светловолосая Вера Павловна казалась немного подростком – теперь она носила туфли на очень высоких каблуках. Но пухлые, словно детские, губы, крохотная родинка на правой щеке, изящная фигура – всё было как у прежней Верочки. Только речь её стала менее торопливой, говорила она уже не захлёбываясь, голос ровный, ясный.

– Я сама расстроена неудачной лекцией Абузара Гиреевича, – ответила Вера Павловна на вопрос Гульшагиды. – Не знаю, что и подумать.

– Может, в семье что-то случилось? Я слышала, будто приехал Мансур...

Гульшагида постаралась произнести это имя так, чтобы в голосе не прозвучало ни малейшего волнения: ведь Вера Павловна знала о её девичьем увлечении.

– Я и о Мансуре ничего не слышала, – удивлённо подняла брови Вера Павловна. – Видно, отстаю от жизни. Давно он приехал? Один или с семьёй?

– Не знаю... Я ведь тоже не уверена...

И всё же по невольному дрогнувшим ресницам подруги Вера Павловна почувствовала, как тяжело Гульшагиде. Но чем помочь ей? В этом случае нельзя ни утешить, ни посоветовать, ни защитить, ни осудить. Можно только сказать: не приведи бог такой любви.

– Гулечка, спустись в терапевтическое отделение, там дело есть, – попросила Вера Павловна. – Я тоже скоро приду туда.

Из всех врачей терапевтического отделения Гульшагида лучше других знала Магируханум, практиковалась у неё. Но Магиры-ханум не было в кабинете. Чтобы скоротать время, Гульшагида, держа руки в карманах халата, прошла в дальний конец длинного коридора, заставленного койками и цветами в кадучках. Настроение Гульшагиды окончательно испортилось. Она уже раскаивалась в том, что утром дала волю глупым чувствам. Ведь не девчонка семнадцатилетняя, пора бы научиться отличать белое от чёрного. Надо бы стерпеть, пересилить тоску, как пересиливала до сих пор. Зачем она, как дурочка, побежала к Федосеевской дамбе? Что это могло дать? До конца курсов осталось совсем не много времени. Если бы она каким-то чудом и встретила с Мансуром, что толку в этой встрече? Только сердце растравила бы. В любом случае она не согласилась бы разрушить семью Мансура, – на чужом горе нельзя построить своё счастье. Лучше всего забыть о Мансуре.

Но тут внезапно пришла в голову новая мысль: почему Абузар Гиреевич пригласил её именно сегодня? Отчего не позвал вчера или ещё раньше? Он подчеркнул, что Мадина-ханум и Фатихаттай велели привести её. А вдруг это связано с приездом Мансура?..

Навстречу шла физиотерапевт Клавдия Сергеевна. Она очень походила на гусыню: маленькая стриженная голова повязана белой косынкой, голос низкий, хрипловатый. С первого

же дня учёбы она почему-то невзлюбила Гульшагиду. Вот и сейчас не удержалась, чтобы не уколоть.

– Дорогая, – сказала она, остановившись, – тебе что, совсем уж нечего делать? Что ни встреча – всё разгуливаешь по коридору да выставляешь себя напоказ. Шла бы в актрисы, коли так. Больница требует скромности и работы.

Мелочная придирка до глубины души обидела Гульшагиду. Она хотела ответить резко, но сдержалась. Ей было так больно, что только наплакавшись в укромном уголке, она немного успокоилась. Вера Павловна сразу заметила, что подруга чем-то расстроена. Пришлось рассказать о незаслуженной обиде.

– Не обращай внимания на эту гусыню, – успокаивала Вера Павловна. – Этой старой деве так и не удалось выйти замуж. Вот она и злится на молоденьких и красивых женщин.

– Если ещё раз привяжется, я сумею ответить ей! – сердито сказала Гульшагида.

Вера Павловна только усмехнулась, – дескать, поступай, как знаешь. Её больше интересует дело.

– Гулечка, я принесла тебе истории болезней из четвёртой палаты. Туда положили ещё одного сердечника. Кажется, писателя. У него инфаркт миокарда.

Гульшагида быстро перечитала истории болезней. Если не считать новичка, в четвёртой палате всё по-старому. Из сердечников там лежат уже знакомые ей актёр Николай Максимович Любимов и конструктор Андрей Андреевич Балашов. Это были «её» больные.

– Писатель тоже будет «нашим», – улыбнулась Вера Павловна. – Часто ходить в театр и читать книги некогда, так хоть на писателя и актёра посмотрим.

Врачи, приехавшие на курсы усовершенствования, под руководством ассистентов вели наблюдение над прикреплёнными к ним больными и в конце практики должны были выступить с научным докладом на конференции. Тема Гульшагиды связана с сердечно-сосудистыми заболеваниями, ей выделили больных с аналогичным диагнозом. Уже при ней трое больных выпишались из палаты домой. У Любимова и Балашова тоже миновали критические дни. Работы у Гульшагиды значительно убавилось. Но вот прибыл новенький.

Четвёртая палата была самой крайней, и её в шутку называли «Сахалином». Гульшагида поздоровалась с больными и сразу же прошла к койке новичка – Хайдара Зиннурова. Его привезли ночью в очень тяжёлом состоянии. Он стонал и метался, хватал воздух раскрытым ртом, на вопросы не отвечал, руки и ноги холодные, пульс не прощупывался. По словам жены, приступ у Зиннурова начался внезапно в десять вечера. Острые боли вспыхнули в области грудной клетки и не стихли после применения нитроглицерина. В больнице ему сделали уколы морфия, атропина и кордиамина, дали кислородную подушку. У больного появился лёгкий румянец, одышка уменьшилась, обозначился, хоть и слабый, пульс. Лишь после этого его на носилках подняли наверх, в четвёртую палату.

Сейчас Зиннурову опять стало хуже. Гульшагида распорядилась снова дать кислород, вызвала сестру, та сделала повторный кордиаминовый укол. Дыхание у больного стало ровнее, он открыл глаза. Гульшагида склонилась над ним.

– Где болит, Хайдар-абы? – Она читала его книги, и ей приятно было назвать его по имени, словно старого знакомого.

Зиннуров показал на горло:

– Душит.

Голос у него очень слабый. Гульшагида выслушала сердце. Из-за kloкочущего дыхания тоны различались плохо.

Явилась встревоженная Магира-ханум – лечащий врач. Проверила пульс больного, укоризненно улыбнулась, словно хотела сказать: «Ну разве можно так?» Осторожно погладила бледную руку Зиннурова.

Магира-ханум – женщина лет сорока пяти, среднего роста, в меру полная. Глаза у неё большие, добрые; пухлые губы всегда сложены в застенчивую улыбку; брови и волосы чёрные. С больными она разговаривает тихо и ласково, в каждом её слове чувствуется неподдельная доброта.

Позже, в кабинете врача, Магира-ханум показала Гульшагиде кардиограмму и анализы Зиннурова. Оставалось только подтвердить первоначальный диагноз: инфаркт миокарда.

Вечером Гульшагида задержалась в больнице. Набрасывала заметки к своему докладу, несколько раз заходила к Зиннурову. Она любила «Сахалин», хотелось думать, что здесь и больных-то нет. Послушаешь смешные рассказы выздоравливающего актёра Николая Максимовича Любимова – и готова забыть, что находишься в больничной палате. Но сегодня здесь было тяжело. Слышались стоны и прерывистое дыхание Зиннурова. Всякий раз больные впрямую смотрели на Гульшагиду. Она осторожно садилась у изголовья Зиннурова, проверяла пульс, прикладывала руку к горячему лбу. Молодому врачу хотелось верить, что её присутствие облегчает страдания больного, вселяет в него бодрость.

Когда она возвращалась с дежурства, на улице было темно и холодно. А Гульшагида одета всё в тот же лёгкий пыльник, что и утром, когда уходила на работу. Но она не была мерзлячкой, шагала не торопясь. Улицы были пустынные, только возле кинотеатров ещё толпились люди. Гульшагида смотрела на них с завистью. С того дня, как приехала в Казань, она ещё ни разу не была в кино. А вот в Акъяре не пропускала почти ни одного фильма.

Вдруг она остановилась, вскинула голову. Вот ведь куда забрела! Это – освещённые окна Тагириных, она даже видит силуэт профессора. На глаза Гульшагиды невольно навернулись слёзы. Когда-то она могла свободно заходить в этот дом. А теперь осталось глядеть украдкой... Может, всё же зайти. Нет, время уже позднее. Пользуясь приглашением Абузара Гиреевича, она зайдёт в другой раз.

Ночь прошла в тяжёлых раздумьях. Но сколько ни думай – конца-края нет безрадостным мыслям. И утро не принесло облегчения. Во всём теле тяжесть, движения скованные. За окном красивая панорама города, но эта красота не радует. Сердце сжимается от тревоги и тоски.

Утром Гульшагида пораньше направилась в больницу. На перекрёстке постояла в раздумье. Если идти прямо, не сворачивая за угол, попадёшь в Фуксовский сад. А что, если и сегодня сходить туда, в последний раз? Вдруг именно сегодня и надо пойти, а потом уже забыть навсегда!

Преодолев минутную слабость, Гульшагида резко повернула за угол и зашагала к больнице. Хватит глупостей, пора взяться за ум!

Впереди взбегала по лестнице молоденькая сестра Диляфруз. Сегодня она как-то по-особенному кокетливо надела белую шапочку. Девушка оглянулась – из глаз светятся лучики света. Гульшагида окликнула её, спросила, в каком состоянии Зиннуров.

– Без изменений, Гульшагида-апа, – ответила сестра и в мгновение ока скрылась в приённом покое, откуда доносился оживлённый голос врача Салаха Саматова.

Гульшагида сняла плащ, надела белый халат, поправила перед зеркалом накрахмаленный колпачок. Дверь четвёртой палаты открыта. Было ещё рано. Но Николай Максимович Любимов уже бодрствовал. Инженер Андрей Балашов, привязанный лямками к кровати, спал, как скованный богатырь. Он совсем недавно перенёс тяжёлый инфаркт – вот его и привязали, чтоб не переворачивался, не делал резких движений во сне. Похрапывал и сосед Балашова.

Гульшагида кивком головы ответила на приветственную улыбку Николая Максимовича и прошла к Зиннурову. Больной, услышав её осторожные шаги, открыл глаза; взгляд его был полон страдания. Лицо необычайно бледное, на кончике носа и губах синюшный оттенок; пульс по-прежнему слабый. Но сознание сегодня ясное, Зиннуров, даже отвечал на вопросы врача, жаловался на неутраченную боль под левой лопаткой и тошноту. Одышка мучила только с вечера; сейчас в сердце осталось ощущение сдавленности.

Посидев у койки больного, Гульшагида вышла в коридор. Из окна видна была садовая дорожка. Соседи Гульшагида по общежитию только ещё шли в больницу. Они смешались с толпой студентов, но их нельзя было спутать с зелёной молодёжью. Слушатели курсов выглядели взрослей, серьёзней. Это уже врачи со стажем. Им приходилось много раз переживать вместе со своими больными радость выздоровления, испытывать и горечь неудач, сознание своего бессилия перед губительной болезнью. Приятно чувство победы над недугом, когда найден правильный путь лечения, но сколько терзаний выпадает на долю молодого врача при неудачах – и упрёки совести за неправильный диагноз, и позднее раскаяние в неосмотрительности... Большинство слушателей курсов приехало из сёл, из районных центров; им в трудные минуты не с кем бывает посоветоваться. Выпадают ночи, когда их по несколько раз будят и увозят к больным. Уходя в гости, они оставляют соседям адрес или номер телефона своих знакомых, родственников, – ведь нередко даже в кино или в театре раздаётся голос служителя: «Доктора такого-то требуют к выходу!..»

Всё ещё смотря в окно, Гульшагида увидела трёх человек, не похожих ни на студентов, ни на слушателей курсов. Слева шла пожилая женщина в потёртом плюшевом пальто, жёлтых ичихах с калошами и в белом вязаном платке; в середине – молоденький морской офицер; справа от него – худенькая девушка в лёгком жакете. У парадного входа девушка приостановилась, недоумённо посмотрела на верхушки деревьев, – и ветра нет, а листья всё падают и падают. Крупный, оранжево окрашенный кленовый лист опустился ей на плечо. Она сняла его, с любопытством подержала в руке и отдала моряку, а сама заторопилась войти в подъезд.

В полукруглом вестибюле с высоким потолком и кафельным полом, куда спустилась Гульшагида, чтобы встретить своих товарищей, она снова увидела этих людей. Девушка уже сняла жакет, набросила на плечи халат. Вот она приблизилась к моряку, тихо сказала:

– Ты иди, Ильдар, иди...

И, не дожидаясь ответа, зашагала вверх по лестнице.

– Асия! – позвал моряк.

Девушка в замешательстве остановилась. Минуту-другую постояла с опущенной головой и наконец обернулась. Тёмно-карие глаза её влажно блестели. Моряк направился было к ней, но она быстро-быстро замахала худенькими руками, всем своим видом говоря: «Нет, нет, не надо!»

Тут вмешалась сопровождавшая их женщина:

– Доченька, попрощалась бы с Ильдаром как следует. Как знать... с болезнью не шутят.

– Мама, пожалуйста!.. – крикнула девушка.

В голосе её прозвучала такая боль, что Гульшагида вздрогнула, невольно взглянула на моряка. Тот сорвался с места, вмиг очутился рядом с девушкой.

– Ты чего-то скрываешь от меня? – с тревогой спрашивал он. – Что с тобой, Асия? Скажи, не таись!..

– Э, сынок, что нам скрывать от тебя... – отозвалась женщина. – Просто мы не успели тебе сказать – ты приехал неожиданно, в последнюю минуту... Мы уже договорились с профессором. Он назначил точное время...

– Асия, не скрывай от меня ничего! – просил моряк. – Твоя боль – моя боль...

– Я здорова! – отчаянно выкрикнула девушка. Её тонкие ноздри трепетали. Но тут же она обессиленно проговорила другое: – Оставь меня, Ильдар! Не будет тебе счастья со мной. Я очень, очень больна! У меня комбинированный порок!.. Я... – уткнувшись лицом в перила, она заплакала. – Я не жалею на этом свете... Ты не надейся понапрасну. Уходи, уходи!..

5

Профессор Абузар Тагиров – не только в Казани – считался одним из крупнейших специалистов по сердечно-сосудистым заболеваниям. Сотни людей приезжали из разных городов и сёл, чтобы показаться ему. Велики были его авторитет и добрая слава в народе. Он был одним из первых татарских врачей. Медицинский факультет Казанского университета он окончил в тысяча девятьсот одиннадцатом году. Ещё в молодости Тагиров по праву считался способнейшим учеником знаменитого медика Казем-бека, славившегося в Казани и в Казанской губернии. Возраст, опыт, многолетняя врачебная работа сделали имя Тагирова очень популярным. Не только в самой Казани, но и в республике было немало семей, в которых говорили: «О, Абузар-абзы лечил ещё нашего деда» или «Он вылечил наших родителей». Его частенько называли «мастером здоровья». В Татарии и в соседних автономных республиках врачевали сотни его учеников, благодарные ему за науку. Наконец, он был весьма заметным общественным и государственным деятелем; многократно участвовал в международных конференциях и конгрессах, выступая с программными докладами; охотно читал лекции местному населению, публиковал статьи в газетах и журналах, выступал по радио и телевидению.

Отец Абузара-абзы носил распространённое татарское имя – Гарай. Но в России это имя ещё со времён Пушкина произносилось – Гирей, и Абузар с гимназических лет писал своё отчество – Гиреевич. Впоследствии и русские и татары величали его Гиреевичем.

Вчерашние волнения, видимо, ещё беспокоили профессора – он выглядел бледнее обычного. Однако он был, как всегда, обходительным и приветливым. По обыкновению своему, первым здоровался с врачами, сёстрами, санитарками. Встретив в коридоре выздоравливающего, спрашивал о самочувствии. Во всех его движениях чувствовались энергия и деловитость. Но, войдя в кабинет, он первым делом почти неосознанно и чуть растерянно взглянул через окно на расцветшие кусты шиповника... И вчера, разговаривая с тётёй Аксюшей, и сейчас он всё думал о Галине Петровне...

Ему было что вспомнить. Когда командование приказало партизанам переправить больного врача Тагирова на Большую землю, Галина Петровна, накрыв плечи тёплым платком, проводила его до самолёта. Простая, самоотверженная русская женщина с озабоченным, порою даже суровым выражением на исхудавшем лице. Седеющие каштановые волосы, тёмно-синие глаза, скромность и сдержанность. Такой он и запомнил навсегда Галину Петровну. В час его отлёта она грустно смотрела на заходящее солнце...

Со вчерашнего дня сердце профессора ныло от горького раскаяния. Где же его обещания не забывать Галину Петровну, писать?.. Если бы не святая душа тётя Аксюша, он, возможно, так и не выполнил бы своего долга перед Галиной Петровной.

Было рискованно тревожить тяжелобольную, но Абузар Гиреевич, взвесив все обстоятельства, решил вызвать Галину Петровну в Казань. Пусть сегодня же Аксинья Алексеевна отправится домой и передаст вызов. Конечно, Абузар Гиреевич не онколог, но он посоветуется с коллегами, сделает всё возможное...

Пока профессор стоял в задумчивости у окна, вошла ассистентка Вера Павловна с лечащим врачом Магирой Хабировной. Сегодня был день консультации. Профессор посмотрел на часы, кивнул.

– Что же, начнём, Магира-ханум. Вы говорили о какой-то девушке...

– Она здесь, Абузар Гиреевич. Девятнадцатилетняя студентка.

– Сердце?

– Да, комбинированный порок. Не раз лежала в больницах, но лечение не дало результатов.

– У кого лечилась? Когда?..

Магира-ханум обстоятельно ответила на все вопросы.

– Тогда пусть войдёт.

Вся настороженная, девушка остановилась в дверях кабинета. Профессор пошёл ей навстречу.

– Пожалуйста, садитесь вот сюда, – показал он на стул, нарочно поставленный подальше от двери. – Не стесняйтесь, садитесь удобней. Вот так. – И сам, взяв стул, сел напротив. – Как вас зовут?

– Асия.

– Ну, Асия, вы любите осень?

В ответ на такой вопрос девушка только покачала головой.

– А мы, старики, Асия, очень любим осеннюю пору. Осень – это изобилие. Человек пожирует плоды своих трудов. А весна – это только цветочки. – Профессор улыбался, переводя взгляд то на девушку, то на Веру Павловну, то на Магиру-ханум. Улыбка его была мягкой, располагающей. – Ну, Асия, рассказывайте, что беспокоит вас.

– Да вот захворала немного, – сказала Асия, потупясь.

В действительности же вся её жизнь состояла из нескончаемых мучительных приступов болезни, усиливавшихся изо дня в день. Начиналось с того, что всё тело сводили ужасные судороги; потом нестерпимо болели спина, сердце, суставы, казалось – кости дробятся, дышать становилось нечем, она задыхалась, руки и ноги холодели, лицо покрывалось бледностью, губы синели, а глаза готовы были выскочить из орбит. Не помогали ни уколы, ни порошки, ни микстуры. Иногда боли держались неделями, чуть отпускали, а потом снова усиливались.

Уже по одному тому, как стояла Асия у дверей, как села, как дышала, профессор понял, чем и в какой степени больна девушка. Но, как всегда, он не спешил с выводами. У каждой болезни свои разновидности, каждый организм болеет по-своему. Индивидуальный характер болезни можно установить лишь по рассказам самого больного и по наблюдениям. Некоторые врачи полагают, что в наше время главное – анализы. Но профессор Тагиров считал, что какой бы умной ни была диагностическая машина, она никогда не заменит мышление врача, его опыт.

Профессор задавал девушке самые разнообразные и неожиданные по своей простоте вопросы. И девушка давала столь же простые и прямые ответы.

– Вы играли в детстве с мальчишками, Асия?

– Конечно, играла.

– Они дразнились, эти мальчишки?

– Ну, мальчишки, да чтоб не дразниться!

– Всё же, как они прозвали вас?

– Ну... Цыплёнком звали.

– Вы любите мороженое? – профессор улыбнулся.

– Да. Кто ж его не любит.

– А горло? Горло не болит после мороженого?

– Если заболит, мама даёт мне горячее молоко.

– Значит, ангиной болеете частенько... А в театр ходите, Асия?

– Если уже и в театр не ходить... Конечно, когда здорова, – поправила она.

– Разумеется, в капроновых чулочках?.. И зимой тоже?

– Не могу же я пойти в театр в домашних шерстяных чулках.

– Ноги ломит после этого?

– Ну, это можно стерпеть.

Профессор осмотрел у неё суставы рук и ног.

– Часто температурите?

– Мама причитает, что я всё время в огне горю.

Стоило профессору ненадолго задуматься, Асия сама принялась донимать его вопросами: отчего у неё температура, почему болят ноги... Потом вытащила из кармана целую пачку бумажек – справки, рецепты, анализы. Но профессор мягко отстранил её руку.

– Я не собираюсь лечить вас бумагами, они мало что скажут мне. А вот вы, если захотите, можете многое сказать. Выздоровливает лишь тот, кто хочет выздороветь. Ещё в старину один восточный врач сказал больному: «Нас трое – ты, я и болезнь. Если мы с тобой будем заодно, нас уже двое, вдвоём мы как-нибудь одолеем одну болезнь». Поняли? – опять улыбнулся профессор. Он старался успокоить эту измученную, напуганную девушку, которая видела впереди лишь одни страдания и уже перестала верить в счастье.

Выяснилось, что лет до шести-семи Асия часто болела всякими недугами. Её возили к врачам, к знахаркам и даже к какому-то «святому старцу». А потом она вроде бы поправилась, хорошо училась в школе. Каждое лето ездила с матерью в деревню, много ела мёду, сушёного творога, пила парное молоко.

Отвечая на очередной вопрос профессора, девушка призналась:

– Да, я люблю музыку и песни, сама играю на гармонике. Даже мечтала поступить в консерваторию, да уж где...

– А после игры суставы пальцев не болят?

– Иногда болят.

– Вы раньше танцевали?

– И сейчас танцую, если болезнь отпускает.

– Я, Асия, люблю смотреть на танцы. Что это за девушка, если не умеет танцевать! Правильно, Вера Павловна?.. А не бывает, Асия, так, что во время танца вдруг кольнёт сердце?

Оказывается, нередко случалось, что девушка, с трудом окончив танец, уходила в другую комнату и сидела там, согнувшись от боли. Но рассказывать об этом ей не хотелось. Подружки, ревнуя к ней своих ребят, с досады прозвали её «дохлятиной».

– Проходите вот сюда, – профессор показал за ширму.

Вера Павловна отвела Асию за ширму и велела раздеться. В такие минуты Асия каждый раз готова была провалиться сквозь землю от стыда. Вот и сейчас, едва профессор приблизился к ширме, Асия схватила только что снятую кофточку, съёжилась, глаза у неё расширились.

– Послушайте, – спокойно убеждал профессор, – вы пришли в больницу, на приём к врачу. Здесь нет ни мужчин, ни женщин, только доктора и больные.

Закончив осмотр, Абузар Гиреевич велел одеться. Он вымыл руки, сел за стол, положив на стекло сплетённые пальцы.

Асия, не в силах поднять глаз, вышла из-за ширмы. Профессор показал ей на стул возле стола, он наблюдал за каждым её движением. Наконец, прямо глядя ей в глаза, твёрдо сказал:

– Асия, надо лечь в больницу... на исследование.

Она, не удержавшись, крикнула:

– Сколько уж исследовали меня – душу только не вынимали! – В её голосе прозвенела боль, отчаяние.

– Надо ещё полежать, Асия, – вздохнул профессор. И повернулся к Магире-ханум: – В вашем отделении есть койка?

– Только что освободилась.

– Тогда прошу положить Асию.

Асия непроизвольно оглянулась на дверь.

– Вас там ждут? – спросил профессор, перехватив взгляд девушки.

– Мама, – тихо ответила Асия, опустив голову.

– С вашей мамой я сам поговорю.

Явилась вызванная звонком Диялфруз, увела Асию. Тагиров, заложив руки за спину, ходил по кабинету.

– Многие полагают, что ревматизм калечит только руки и ноги. А на самом деле он прежде всего бьёт по сердцу и другим внутренним органам, бьёт по нервной системе. Тысячу раз был прав один французский врач, который сказал, что ревматизм не только лижет шершавым языком суставы, но и кусает сердце. Кусает! – повторил профессор, сделав рукой схватывающее движение.

– Вы считаете, что порок у этой девушки – следствие ревматизма? – спросила Магираханум. – Но ведь от ревматизма её нигде не лечили.

– Вся беда в этом, – вздохнул профессор. – Очень часто наши коллеги берутся лечить не саму болезнь, а её последствия, что не приносит пользы больному. И к вам, Магираханум, и к вам, Вера Павловна, у меня одна просьба: будьте чутки к этой девушке. Как говорили древние римляне, она больше всего нуждается, чтобы ей *dixi et animam levavi*². Её душа полна волнениями и страхами, надо успокоить эту истерзанную душу, освободить от депрессии. Вы обратили внимание на её слова: «Душу только не вынимали»? Эта девушка очень настрадалась, и вера в медицину у неё шаткая... У вас и без того много работы, – добавил профессор, подумав. – Можете привлечь в помощь Гульшагиду. Вот ей и практика, и материал для доклада. К какому сроку она должна приготовить доклад, Вера Павловна?.. Вот-вот, времени у неё ещё хватит. Прошу позвать ко мне мать Азии...

* * *

Приняв ванну, переодевшись в вылинявший от многочисленных стирок халат, обувшись в тапочки разного цвета – одна зелёная, другая красная, – Асия вслед за Диляфруз вошла в палату. На неё со всех сторон уставились любопытные взгляды. Девушка, не смотря ни на кого, прошла к свободной койке у окна и легла, устремив глаза в потолок. Никому ни слова, ни капли внимания, будто глухонемая. Только на Диляфруз она покосилась краешком глаза.

Асия не лишена была характерных черт, свойственных большинству женщин. Она не признавала красоты других, выискивала у них какие-либо изъяны и, обнаружив эти изъяны, немного успокаивалась. У Диляфруз, по мнению Азии, брови были слишком уж густые, а глаза чуть косили! Но губы... губы вызвали у Азии зависть: так изящно, так тонко очерчены, что диву даёшься. У Азии губы тоже без малейшего изъяна, но они какие-то невыразительные, не придают живости её лицу.

Диляфруз положила на тумбочку порошок.

– Это вам, апа. Выпейте сейчас же!

Асия промолчала. «Пусть попробует привязаться ко мне!» – зло подумала она. Ей вдруг захотелось сделать что-нибудь неприятное этой девушке с красивыми губами. Почему она здорова, а Асия больна? Почему эта девушка счастлива с самого рождения, а Асия должна лучшие годы своей молодости валяться на жёстких больничных койках? Разве это справедливо?..

Диляфруз достала из кармана халата сложенную бумажку, передала девушке.

– Вот вам оставили записочку.

Влажные глаза Азии недружелюбно блеснули.

В ответ на это Диляфруз приветливо улыбнулась красивыми губами. На щеках у неё образовались ямочки, какие бывают у детей. Словно желая сказать: «Вот я какая!», она взметнула ресницы. Чёрные лучистые глаза её засветились, как две живые звёздочки. Азии стало неприятно. Она зажмурилась и не открыла глаз до тех пор, пока Диляфруз не вышла. Едва сестра скрылась за дверью, Асия моментально схватила записку, быстро пробежала и опять сердито уставилась в потолок: «Зачем он утешает меня?.. Зачем пишет: «Не обижаюсь на тебя»? Разве я по своей воле заболела, чтобы обидеть его?..»

² Одобри словами душу (лат.).

6

Вокруг больницы зимой и летом, осенью и весной веет специфическим, не очень приятным запахом. Его не сравнивают с другими запахами, – должно быть, это невозможно, – просто говорят: «больничный». Кто только не слышал слов: «Терпеть не могу этого больничного запаха».

Однако сегодня в палатах удивительно свежо пахнет яблоками, словно в каждой свалили по возу аниса или антоновки. Больные, как бы умиротворённые этим ароматом, лежат тихо, без стонов. Они уже достаточно натерпелись и физической боли и душевных мук, у некоторых и надежд на выздоровление мало, но в эту минуту они не думают ни о чём грустном, только бы не закрывали окон в яблонево́й сад! Правда, в палатах чуть сквозит, но этот запах яблок так сладок, навеивает так много воспоминаний, что не чувствуются ни сквозняк, ни излишняя прохлада.

Полы тщательно вымыты, палаты чисто убраны, постели, салфетки – всё белоснежное, сменили больным и бельё. После санитарок палатные сёстры, а потом сама старшая сестра ещё и ещё раз заходили в палаты проверять порядок. Вскоре прекратилась беготня санитарок и сестёр. Всюду установилась почтительная, торжественная тишина, какая бывает только перед профессорским обходом.

Асия, натянув одеяло до подбородка, лежала, не отрывая возбуждённого взгляда от двери. Когда в соседних палатах послышался голос профессора, её охватило ещё большее волнение. Она пришла к профессору с надеждой, а после разговора с ним едва тлеющая надежда стала превращаться в уверенность. Проснётся Асия ночью и сразу вспомнит приём у профессора, снова слышит каждое его слово, представляет каждый его жест, выражение лица... Нет, кажется, профессор не обманывает её, она и вправду поправится. Асией очень, очень хочется выздороветь. Но почему она не рассказала профессору или Магире-ханум всё, что её тревожит? Может быть, сегодня рассказать. И тут мгновенно её глаза наполнились слезами жалости к себе, а щёки зарделись от стыда.

Вот в дверях палаты показалась уже знакомая высокая фигура профессора. У него седые, коротко подстриженные усы, на груди висит фонендоскоп. Профессора сопровождает целая свита врачей – мужчин и женщин. Асия совсем съёжилась.

– О, и здесь, оказывается, пахнет яблоками! – оживлённо воскликнул профессор. – Чудесный запах! Мария Митрофановна, что вы скажете на это? – обратился он к лежавшей на первой кровати пожилой женщине. И тут же перевёл взгляд на её соседку, молоденькую женщину. – Скажите, Карима-апа, какими яблоками пахнет?

– Яблоки пахнут яблоками, – невольно рассмеялась Карима.

– Нет, дорогая! Сорт тоже надо знать. Возьмите антоновку – у неё же свой, неповторимый аромат. Если положить антоновку в бочку с квашеной капустой да съесть после бани... М-м-м! В деревне это яблоко зарывают на зиму в сено. Вынешь из сена в январе или в феврале – антоновка благоухает всеми ароматами лугов.

У Абузара Гиреевича такое весёлое лицо, словно он только о яблоках и думает. А на самом деле его быстрые, внимательные глаза уже успели обежать все койки и определить самочувствие больных. Он внимательно слушал доклад лечащего врача, иногда кивал в знак согласия, иногда погружался в раздумье. Он как-то по-своему осматривал больных, по-особенному выслушивал их объяснения, чуть склонив голову набок. А когда обращался к сопровождающим врачам – горел желанием убедить их в своих заключениях.

И всё же Асией порядком наскучило смотреть на одно и то же. Из всей группы врачей она выделяла одну молодую женщину. Да, да! Это её видела Асия на лестнице в тот день, когда поступила в больницу. Но тогда девушка волновалась и плакала, не могла рассмотреть как сле-

дует. Другое дело – сегодня. На первый взгляд эта женщина походит скорее на грузинку, нежели на татарку: слишком густые чёрные волосы, правильный овал лица, ровные, в ниточку брови. Только нос не удлинённый, без горбинки, а прямой, изящный. Если эта девушка и татарка, то она безусловно из окрестностей Нурлата, только там рождаются такие красавицы. В прежние времена старики говорили о них: «О, эта благородной кости». Впрочем, этих тонкостей Асия уже не знала.

Профессор направился к её койке. Девушка ещё старательней натянула одеяло, выставив только лоб да глаза.

– Здравствуй, Асенька, – совсем по-домашнему сказал профессор, присаживаясь к ней. – Что ты запряталась? Ну-ка, дай руку... – Он стал считать пульс. – Не надо волноваться, Асенька, – видишь, и пульс участился.

Магира-ханум пустилась было в объяснения, но профессор движением руки остановил её. Вставая, мягко улыбнулся больной, сказал шутивно:

– Эх ты, пугливая лань!

И обратился к молодой женщине, привлёкшей внимание Асии:

– Вам передали моё распоряжение? В таком случае оставляю Асию на ваше попечение, – и перешёл к следующей больной.

Гульшагида склонилась над Асией, шепнула:

– Успокойтесь. Я приду к вам. Всё объясню.

В мужском отделении профессор зашёл прежде всего к Исмагилу Хайретдинову. Исмагил уходил на войну здоровенным парнем, настоящим богатырём. Участвовал во многих боях, был бесстрашным воином. Уже в конце войны, форсируя одну из германских рек, он провалился под лёд, захлебнулся. Кто-то всё же успел вытянуть его за ворот шинели, влил в рот спирту и оставил на льду: некогда, если жив – очнётся. Исмагил пришёл в себя только в госпитале. Впоследствии он хоть и поднялся на ноги, но прежнее здоровье не вернулось к нему. Сейчас он страдает несколькими болезнями: кровяное давление не падает ниже двухсот тридцати, душит астма, очень плохо и с почками – одну совсем удалили, другая еле работает. Он мучается уже семнадцать лет и, несмотря на постоянное лечение, тает как свеча. Остаётся только поражаться живучести и терпению этого человека.

«Это страдалец войны», – говорил профессор врачам, когда заходила речь об Исмагиле. Но самого Исмагила профессор неизменно подбадривал: «А ты сегодня совсем молодец!»

Тагиров осматривал не каждого больного, но едва он показывался в палате, все затихали. Слышались только вопросы профессора и негромкие ответы того, кто подвергался осмотру. Пожалуй, только Шайхук держался свободно. Вот и сегодня он шепнул что-то смешное своему соседу. Чуткий Абузар Гиреевич услышал шутку, тоже улыбнулся, но погрозил Шайхуку. Этого старого токаря он знал давно и любил. Однажды, ещё до войны, в больничной лаборатории сломался валик заграничного медицинского аппарата. Каким только мастерам не показывали, – ни один не брался починить. А Шайхук оглядел бегло и сказал:

– Можно выточить валик; почему же нельзя? Заграницей ведь тоже люди делали.

И действительно, выточил с изумительной точностью. Он делал и многое другое для лаборатории Абузара Гиреевича. Профессор, встречаясь с токарем, первым снимал шляпу.

И вот теперь Шайхук попал в больницу – самому понадобился ремонт. На этот раз за дело взялся профессор.

В конце обхода Абузар Гиреевич со всей своей свитой вошёл в палату, где лежали с инфарктом миокарда.

– Ну, здесь-то я уж никак не ожидал увидеть похитителей яблок, – с улыбкой сказал профессор. – Перед яблоками, оказывается, никто не устоит. Ну, здравствуйте!

Если в палате нет тяжелобольных, не надейтесь, что артист Любимов будет лежать прикусив язык. Как только состояние Зиннурова немного улучшилось, так и у Николая Максимовича, которому, как он сам выражался, скука и молчание противопоказаны, развязался язык.

– Против правды не пойдёшь, в картошке кости не найдёшь, Абузар Гиреевич, – сейчас же отозвался артист на шутку профессора. – Чтобы я не бегал в сад, Магира Хабировна велела санитарке отобрать у меня штаны, но ради яблок я не посчитался с такими неудобствами, всё же сиганул в сад.

Профессор от души рассмеялся, а смущённая Магира-ханум укоризненно взглянула на артиста, но тот не переставал сыпать словами:

– Ах, профессор, сколько же красивых женщин вы привели сюда, чтобы показать меня! Тамара Ивановна, – обратился он к врачу-невропатологу, – прикройте, пожалуйста, ваши чёрные глазки. Они могут свести меня с ума. Ах, до чего же я дожил! – глубоко вздохнул шутник. – Ладно, глядите, разрешаю, – перед вами благородный больной. Его юбилей отмечали во всесоюзном масштабе, в награду преподнесли воз адресов, два воза ваз, семь часов и неисправный телевизор.

– Об этом, Николай Максимович, расскажете потом, – остановил профессор. – А сейчас поговорим о вашем сердце.

– Что – сердце? То стучит, то замрёт. Иногда два раза стукнет и встанет. Это, я думаю, верный признак выздоровления. Вон и Гульшагида Бадриевна может подтвердить.

Гульшагида промолчала. Этого говоруна трудно унять.

Магира-ханум протянула профессору ленту последней электрокардиограммы. Разглядывая её на свет, профессор шутливо сказал:

– Ну, что ж вы замолчали?

– О чём тут говорить, – вздохнул артист. – Всё записано в этой всеильной ленте. Кажется, мои дела плохи.

– Да, – не переставал улыбаться профессор, – придётся, пожалуй, вызвать хирурга, чтобы зашить вам рот.

Он передал ленту Магире-ханум, легонько коснулся руки Николая Максимовича. Это был ласковый и ободряющий жест.

– Полежите ещё денька два-три, потом разрешим ходить. Дела у вас идут на поправку.

Профессор пересел к авиаинженеру Андрею Андреевичу Балашову. Большая, наголо бритая голова больного сливалась с белизной подушки.

– Ну, скованный богатырь, как самочувствие? – обратился к нему профессор.

– Сняли бы с меня оковы, Абузар Гиреевич, – улыбнулся инженер; это была улыбка мужественного человека, попавшего в беду.

Профессор приподнял свисавшую с его кровати лямку, попробовал, исправно ли работает замок.

– Очень удобная вещь, – похвалил Тагиров. – Нельзя ли вашим мастерским заказать ещё несколько пар, Андрей Андреевич?

– Почему же нельзя, если не поскупитесь в цене, – пошутил Балашов.

Магира-ханум доложила, что инженер плохо спал ночью, бредил, жаловался на боль в пояснице. Болей в области сердца почти нет, одышка в последние дни не давала о себе знать. Тоны сердца ясные. Больной просит разрешения лечь на бок. Несмотря на запрет, он всё же работает.

– То есть как работает? – насторожился профессор.

Магира-ханум откинула край одеяла. Под ним лежала стопка книг, справочников. Была даже маленькая чертёжная доска. Карандаш, чтобы не упал, был привязан ниткой к койке.

– Это что, конструкторское бюро? – вскинул брови профессор.

Хорошо ещё, что Магира-ханум не знала о большем нарушении режима: к Балашову регулярно приходили люди с завода; если их не пускали к больному, они ухитрялись проникать через чёрный ход, забирали бумаги с расчётами, которые передавал им Балашов.

– Не могу лежать без работы, Абузар Гиреевич, простите, – покаялся инженер.

Все ожидали вспышки гнева у профессора, а он только предупредил строго, чтобы больной не утомлялся. Любимый труд, объяснил Абузар Гиреевич, самое лучшее лекарство.

– Сколько времени он лежит на спине? – осведомился профессор и, получив ответ, сунул в уши концы трубок фонендоскопа. Он тщательно прослушал Балашова, задал ещё несколько вопросов, затем встал, выпрямился, сказал Магире-ханум: – По-моему, следует разрешить ему лежать на боку.

Этой минуты Балашов ждал с нетерпением. Постоянно лежать на спине было для него ужасным мучением. Грудь словно придавлена тяжёлым камнем, позвоночник как бы оцепенел, повернуться бы на бок хоть на одну минуту, не сесть – где уж там! – просто повернуться на бок, – это желание, казалось, было сильнее жажды в знойной пустыне. Вон Николай Максимович может лежать на боку, сколько душа желает, – и артист представлялся Балашову самым счастливым человеком на свете. И вот настала желанная минута и для Балашова. Но вдруг он оробел, не решался пошевелить ни рукой, ни ногой.

Авиаинженер Балашов немало летал; однажды ему пришлось сажать самолёт на «брюхо» – в воздухе отказал мотор. Спасение в одном – умело приземлиться. Однако с приближением к земле возрастала опасность катастрофы. Хотелось нажать на рычаги и снова поднять самолёт в воздух... Вот и сейчас Балашов переживал столь же мучительное чувство. Лоб его покрылся испариной, он уже хотел просить Абузара Гиреевича, чтобы тот отменил своё решение до следующего обхода. Ведь немало ходило рассказов о том, как больные инфарктом погибали при неосторожной попытке встать или повернуться.

– Ну-ка, братец, давай потихоньку, – сказал профессор и начал осторожно помогать больному. Магира-ханум, Гульшагида, Вера Павловна тоже не остались безучастными. В палате стало тихо-тихо. Казалось, и больные, и врачи затаили дыхание.

Балашов переборол себя, медленно повернулся на правый бок и тут же заулыбался: земля! Но лицо профессора было ещё сосредоточенным, он не выпускал руку больного, потом ещё раз прослушал его сердце и лишь после этого вздохнул с облегчением:

– Вот так!

И в ту же секунду у всех оживились лица. Артист дал волю чувствам – сцепил ладони, потряс ими.

– Андрей Андреевич, поздравляю!

Балашов принялся благодарить врачей, но Абузар Гиреевич перебил:

– Потом, братец, потом, – и вместе со стулом повернулся к соседней койке, на которой лежал Зиннуров: – Как самочувствие, Хайдар?

Это был уже третий или четвёртый осмотр профессором Зиннурова. И каждый раз, когда Абузар Гиреевич садился у изголовья Хайдара, и в голосе его, и в выражении лица, и в движениях рук появлялась какая-то особая теплота, даже нежность, – эту гамму чувств невозможно передать словами.

Состояние Зиннурова по сравнению с первыми днями заметно улучшилось. Боли в области сердца уменьшились, дышать стало легче. Только сон всё не налаживался: больного мучали неприятные сновидения, он бредил, метался. Сегодня ночью невыносимо давило грудь. Лицо, руки до сих пор бледные, пальцы дрожат. Ритм пульса на руке неровный, а пульс сонных артерий не прощупывается. Тоны сердца глухие, и хрипы в легких ещё остались. Но профессор подметил и нечто другое, ободряюще сказал:

– Думаю, что вы уже миновали чёртов мост. – И, слегка коснувшись исхудавшей руки больного, добавил: – Поправитесь, ни о чём плохом не думайте. Мадина-ханум передаёт вам большой привет и ждёт в гости. Фатихаттай готовит варенье из чёрной смородины.

Больного, лежавшего на крайней койке, профессор осматривал в первый раз. Это был странный человек. Через широкий лоб его, от одного уха до другого, как обруч, тянулся красный след. Лицо сумрачное, взгляд тяжёлый. Магира-ханум доложила, что больного после сердечного приступа привезли на машине «скорой помощи», лекарства сняли боль в сердце. Электрокардиограмма была недостаточно выразительна.

«Где я видел этого человека с «красной чалмой»? – пытался вспомнить профессор. И вдруг – словно пелена упала с глаз. 1937 год. Полночь. Профессора подняли с постели и увезли в закрытой машине. Потом вот этот человек с «красной чалмой» допрашивал его. В то время он не был таким седым, истомлённым. Но и сейчас – тяжёлый взгляд, язвительная усмешка остались теми же... Через три месяца профессора выпустили из тюрьмы, взяв с него расписку о невыезде из города. Не прошло и двух месяцев, как его снова забрали и он опять предстал перед этим человеком с «красной чалмой». Но вскоре его отпустили домой и больше никогда не тревожили. И вот сегодня, через столько лет, они встретились снова.

Держа в левой руке часы, профессор стал считать пульс больного. Сто двадцать!.. Значит, он тоже узнал и волнуется.

– Не беспокойтесь, – закончив осмотр, сказал профессор, – сердце у вас хоть изношено, однако, при соблюдении режима, ещё можно жить да жить.

Больной не проронил ни слова, только неприятно усмехнулся.

– У вас нервное истощение. Это и отразилось на сердце. Полечим – и спазмы пройдут. И печень вам надо лечить.

Обход закончился. Больной остался лежать молча, не двигаясь, безучастно глядя своим тяжёлым взглядом в потолок.

Эта неожиданная встреча, надо признаться, взволновала Абузара Гиреевича, и у себя в кабинете он не сразу успокоился. Да, судьба его в сравнении с другими судьбами оказалась гораздо легче в те тяжёлые времена. В своё время он объяснял это тем, что другие были виновны, а за ним не нашлось никакой вины перед народом, перед страной. Должно быть, на него пало какое-то ошибочное подозрение, но власти разобрались – и его оставили в покое. Значительно позже, когда были преданы широкой гласности факты грубого нарушения законности, он и сам перестал понимать свою судьбу. Каким образом беда миновала его? Дело счастливого случая?.. Он так и не мог найти ответа. И решил больше не думать над этим.

В кабинет вошёл необычайно расстроенный главный врач больницы Алексей Лукич Михальчук.

– Я не вынесу этого! – пожаловался он. – Эта Султанмуратова сведёт меня с ума. Наседают со всех сторон... Расстроили мою жену, плачет... Давайте положим хоть в коридор, Абузар Гиреевич.

Бедняга Михальчук даже похудел, небрит, в глазах беспокойство.

– Я не могу этого сделать, Алексей Лукич, – спокойно возразил профессор.

– Но ведь я тоже человек! – вырвалось у Алексея Лукича. – У меня тоже есть нервы!.. С утра до вечера не дают покоя. Скажу – пусть привезут эту старуху.

– Если вы положите в больницу человека, не нуждающегося в лечении, я немедленно уйду отсюда! – стоял на своём Абузар Гиреевич. – Моё призвание – лечить действительно больных, а не потворствовать капризам.

Несчастный Алексей Лукич обхватил руками голову.

7

Когда Абузар Гиреевич закончил очередную лекцию, кто-то из врачей, приехавших на курсы усовершенствования, задал вопрос:

– Скажите, пожалуйста, чем больна девушка из восьмой палаты? Почему вы не показываете её нам?

Профессор, нахмутив брови, несколько минут молчал. Он не любил вопросов неуместных или вызванных простым любопытством. Затем поднял голову, окинул живыми чёрными глазами зал, снял очки, положил на кафедру. Только после этого ответил:

– Среди медиков бытует изречение: *noli nocere!*³ Никогда не забывайте этих двух слов. Больной не бездушная машина, привезённая для ремонта. Больной – это целый мир, и притом очень сложный, очень тонкий мир. Обратил ли кто-нибудь из вас внимание на глаза этой девушки? Ведь в глазах её был огонь, а душа трепетала, как лань перед ружьём охотника. Имел ли я право обрекать её на излишние переживания? Нет и нет! Наносить ей без нужды дополнительную душевную травму – преступление. Если бы все вы, особенно мужчины, стали подходить и осматривать её, думаете, она позволила бы вам это? Она тут же ушла бы, а потом весь день плакала от обиды... – Профессор, собираясь с мыслями, промолчал с минуту, переложил очки с одного места на другое. – Догматизм в любом деле вреден, а в медицине – особенно. Мы часто имеем дело с неповторимыми, не похожими на других, не отвечающими общим законам индивидуумами. Если с первой встречи больной почувствует неприязнь к врачу, весьма сомнительно, что лечение даст положительный результат. У больного, кроме болезни, есть ещё душа! Душа! – подняв руку, повторил профессор. – Сократ две тысячи лет тому назад говорил: «Не излечив душу, нельзя излечить тело». Теперь каждому из вас хорошо известно, что душа есть не что-то неземное, божественное, а реальное физиологическое явление – высшая деятельность нервной системы, психика человека. Великие учёные прошлого – Сергей Петрович Боткин, Григорий Антонович Захарьин, Владимир Михайлович Бехтерев и другие известные клиницисты – показали на практике, что комплексное лечение тела и души является единственно правильным методом, и завещали нам идти этим путём. Никогда не забывайте слов великого Ивана Петровича Павлова: «Радость укрепляет тело». Мы лечим человека! Человека, а не болезнь. Бесспорно, в наши дни медицина развивается не по годам, а по месяцам, по дням. Но и жизнь не стоит на месте. Больные наши во многих случаях – люди высокой культуры, сложной психологии. Чтобы лечить их, надо не уступать им ни в общем культурном уровне, ни в тонкости мышления...

Когда Гульшагида слушала профессора, перед глазами её вставал родной Акъяр. У себя в акъярской больнице она старалась относиться к каждому больному как можно внимательней. Не всем её коллегам нравилось это. Находились врачи, подозревавшие её в карьеризме, в желании противопоставить себя коллективу, что несовместимо с врачебной этикой. Особенно трудно было в первые годы по приезде в Акъяр. Гульшагиде ставили подножку то узкие ремесленники, с головой погружённые в свои личные интересы, не имевшие ни времени, ни призвания по-настоящему заниматься больными, то заведующий райздравом, плясавший под дудку ремесленников. Этот человек, работавший раньше помощником прокурора, потом заврайфином, и, наконец, «переброшенный» для «укрепления аппарата» в райздрав, всякий раз, когда Гульшагида заходила к нему по делам больницы, поучал:

– Врач должен быть не только авторитетным, но и грозным. Завидев его, больные должны тушеваться, а не лезть на глаза. Если в больнице будет чисто и тепло, как в хорошей гостинице, да ещё ласковое обращение, найдётся слишком много желающих зря есть больничный хлеб... –

³ Не вреди! (лат.).

В заключение он любил энергично добавлять: – Вы тут мне клинику не разводите! Ближе к жизни! Вот вам координаты: посевная, уборочная, – действуйте!..

После лекции профессора, как всегда, окружили слушатели. Гульшагида стояла чуть в стороне. Он увидел её, подошёл с лёгкой улыбкой.

– Я перед вами оказался вроде бы обманщиком... – начал он.

– Не беспокойтесь, пожалуйста, Абузар Гиреевич, – заторопилась смущённая Гульшагида, ещё не зная, что он имеет в виду.

Профессор продолжал уже вполголоса:

– Кто-то пустил слух, будто приехал Мансур... – На лицо Абузара Гиреевича легла тень. – К сожалению, это неверно. Последнее время от Мансура даже писем нет... Я приглашал вас зайти без всякой связи с приездом Мансура. И это приглашение остаётся в силе.

Гульшагида покраснела ещё больше. Ей казалось, что профессор знает не только о её разговоре с Верой Павловной, но и о том, как она, глупая, ходила на Федосеевскую дамбу.

Она поблагодарила профессора за внимание и, воспользовавшись тем, что слушатели обратились к нему с вопросами, отошла в сторону.

Гульшагиде было очень грустно. Захотелось побыть одной. Она спустилась вниз и долго сидела в больничном саду. За последние два-три дня деревья оголились ещё больше. На земле, куда ни глянь, всюду опавшие листья. Всё печально до слёз... «Значит, Мансур, не приехал... Откуда же тогда слухи?.. А ведь в Акъяре скоро начнутся свадьбы», – почему-то вдруг подумала Гульшагида. И в эту минуту ярко-жёлтый лист упал ей на колени. Она с минуту глядела на этот одинокий лист и по странной ассоциации вдруг вспомнила об Азии. Вскочила со скамьи и побежала в больницу.

Не так-то легко было завоевать расположение Азии. Девушка дала почувствовать, что не имеет ни малейшего желания разговаривать.

– Вы не обижайтесь, – мягко говорила Гульшагида, – что я долго не навещала вас, других дел было много...

– Что вам нужно?! – перебила девушка. – Хотите расспрашивать о моей болезни? А я не желаю с утра до вечера твердить об одном и том же!

– Почему же только о болезни, можно и о жизни поговорить, о настроении вашем.

– Да кто вы такая, чтобы я откровенничала с вами?

– Всего лишь врач, Асия. Деревенский врач, приехавший сюда для повышения квалификации.

– А-а... Значит, вас интересует городская больная? Вы желаете повысить квалификацию?.. А мне совсем неинтересно выворачивать себя наизнанку перед всеми, – нервно проговорила Асия и отвернулась. – Пожалуйста, не морочьте мне голову. Я хочу побыть одна. Понимаете, совершенно одна. Хочу плакать, хочу терзаться! Говорят, человек живёт своим будущим. А какое у меня будущее?..

– При таком настроении вам тем более нельзя оставаться одной, – не отступала Гульшагида и подвинулась ближе к девушке, всё ещё надеясь расположить её. – Я по себе знаю – одинокую душу пуще всего гложет тоска. Бывало, в деревне, в сумерках, я любила, облокотившись, смотреть из открытого окна. Справа – ржаное поле, слева – широкие луга. Чуть ветерок повеет из полей, по лугам начинают катиться зелёные волны, – набегают волна за волной, кажется, они готовы затопить всю деревню. А на лугу растут на длинных стеблях какие-то жёлтые цветы. На закате они выглядят очень печальными, – стоят, склонив головки... Слушайте, Асия, от одиноких дум грустят не только люди, но и цветы. Даже цвет их меняется от грусти – они кажутся уже не жёлтыми, а какими-то тёмно-красными, словно окрашенными тоской... Вот ведь до чего доводило меня одиночество... Бывало, тётка Сахипджамал увидит меня... – Гульшагида тихо засмеялась, – увидит меня в таком настроении да как ткнёт меж лопаток концом скалки

и скажет: «Не нагоняй тоску в дом, пусть враги от тоски сохнут». И сейчас же выгонит меня на улицу, к людям, чтоб развеять печаль...

Зачем она заговорила о жёлтых цветах, о закате, о тоске? Ведь это для Азии – соль на рану. И верно, девушка, не помня себя, крикнула:

– Уходите, уходите! Я никого не хочу видеть... Разве счастливики могут понять меня...

– Асия...

– Замолчите! Вам дано всё, а мне ничего! Я в девятнадцать лет прикована к постели. Передо мной раскрыта чёрная могила... – И девушка в отчаянии зарыдала. – Есть же на свете жестокие люди, им доставляет удовольствие мучить меня...

– Простите, – огорчённо сказала Гульшагида, поднимаясь с места. Она была очень удручена, – до сих пор верила, что любого человека сможет вызвать на откровенный разговор и облегчить ему душу, а оказывается, не дано ей это. В Акъяре она пользовалась полным доверием и расположением больных. И теперь, должно быть, лишнего возомнила о себе. Здесь, в городе, люди сложнее. У неё не хватает ни сил, ни способностей завоевать авторитет у них. Вот перед этой девушкой она оказалась совсем бессильной.

Гульшагида поделилась своим огорчением с Магирой Хабириной.

– Успокойтесь, – мягко сказала Магира-ханум. – Ведь врач – как свеча: сам сгорает, а свет отдаёт больным. О том, что он сгорает, больные не должны знать. От него ждут только света... А потом, Гульшагида, скажу вам по секрету, – со смущённой улыбкой продолжала она, – у вас, как у врача, наряду с хорошими, есть и невыгодные свойства. Не рассердитесь на меня, если скажу откровенно?.. Ну, так слушайте. Вы молоды, красивы. Возбуждаете зависть у некоторых женщин, особенно у больных женщин. Им кажется, что вам просто хочется провести время, поболтать. Вы не обижайтесь на больных, ладно?.. Ведь на то они и больные.

Дня через два-три вечером, когда другие врачи разошлись по домам и дневное оживление в больнице утихло, Гульшагида снова зашла в палату, где лежала Асия, остановилась около двери. Девушка, опершись локтем о подоконник, смотрела в окно и тихо, только для себя, что-то напевала. Голос у неё мягкий, приятный. На светлом фоне окна хорошо вырисовывался её профиль: длинная красивая шея, узел волос на затылке, нежно очерченный нос и красивый подбородок.

Около Гульшагиды незаметно собирались больные, прислушивались. Асия, ничего не видя вокруг, всё пела и пела, устремив взгляд в окно. Чтобы не смущать её, Гульшагида подала знак больным, чтобы не толпились. А сама прошла вглубь палаты, под села к девушке, обняла за плечи.

– Довольно грустить, Асенька.

Девушка вздрогнула, покосилась, – взгляд её нельзя было назвать приветливым. Всё же она не сбросила руку с плеча, не нагубила Гульшагиде.

– Какой грустный вечер, – тихо промолвила Асия, – солнце заходит, тени... горизонт меркнет, всё замирает... И человек так же... Если бы у меня здесь были краски и мольберт, я бы нарисовала больную девушку на этом фоне...

– Чтобы и другие загрустили? – мягко спросила Гульшагида. – Если у вас есть талант, лучше рисуйте картины на радость людям.

Асия, слегка пожав плечами, усмехнулась.

– Вы или слишком простодушны, или очень хитры. Прошлый раз растравили меня своим рассказом о грустящих жёлтых цветах, а сегодня говорите совершенно обратное. Зачем?

– В прошлый раз у меня получилось нечаянно, – призналась Гульшагида. – А вообще-то я люблю, чтоб людям было радостно, весело.

– Если бы одним только желанием можно было обрадовать людей! – вздохнула Асия.

– Вы любите читать? – спросила Гульшагида, чтобы не давать девушке задумываться. – Я могла бы приносить книги. Вы, наверно, особенно любите читать стихи?

– Разве стихи обязательно читают больные девушки?

– Я думаю, что поэзия более родственна людям с тонкой душой и глубокими чувствами, – сказала Гульшагида.

Асия промолчала. Она не могла понять, к чему клонит эта красивая женщина-врач, вернее – зачем она «тычет скалкой меж лопаток» ей. Впрочем, у неё не было особого желания досадить Гульшагиде. Теперь она начала понемногу общаться с людьми, острота первых впечатлений больничной жизни смягчилась. А когда Асия «приходила в себя», она уже не могла дерзить людям. К тому же она только что прочла бодрую и вместе с тем трогательную повесть Хайдара Зиннурова. Даже подходила украдкой к дверям «Сахалина», издали взглянула на больного писателя. А когда вернулась к себе в палату, облокотилась о подоконник и неожиданно для себя тихонько запела. Ведь Зиннуров писал о юных сердцах, стремящихся в будущее. Книга говорила о том, что молодость – это ещё неизведанный путь. Надо идти наперекор буйному ветру, пить воду из студёных ключей, никем до тебя не испробованных, на привалах у реки варить похлёбку над костром, встречать зарю в лесах, окутанных голубым туманом, закончив одну стройку, торопиться на вторую, на третью – вот что такое молодость! Крылатая романтика доступна лишь молодым, здоровым сердцам. Как была бы счастлива Асия, если бы в груди у неё билось такое сердце!.. И всё же она запела. Тут подошла Гульшагида, и песню пришлось оборвать.

Вдруг в больничном саду кто-то заиграл на гармонике. Асия даже вздрогнула.

– Можно мне выйти в сад? – нерешительно спросила она, обернувшись к Гульшагиде.

– Пойдёмте вместе, – предложила Гульшагида.

Они спустились вниз. У дверей остановились, послушали. Гармонист был неумелый, играл очень плохо, и Асия недовольно поморщилась. Шурша опавшими листьями, она решительно направилась к группе выздоравливающих, сидевших на садовой скамейке. Гульшагида последовала за ней. Узнав врача, мужчина средних лет сейчас же заговорил:

– Товарищ доктор, пригласили бы как-нибудь в больницу Файзи Биккинина, – лучше него нет гармониста в Татарии. Развлекли бы нас немного. Я помню, в военном госпитале к нам приходили артисты. А мы тут слушаем Галкея – у него гармошка мяучит, как кошка.

Гульшагида не успела ответить.

– Можно мне попробовать? – спросила Асия гармониста.

Девушка взяла гармонь, привычно растянула меха. И полилась ровная, мягкая, грустная мелодия. Асия играла с чувством, слегка склонив голову набок. Сама забывшись, она вместе с песней увела слушателей на цветущие луга и в зелёные перелески Сармана. Ах, Сарман, поистине ты один из красивейших районов Татарии! Не зря народ сложил о тебе замечательную песню...

С этого дня Асия неузнаваемо оживилась. Она скрашивала больным их однообразную жизнь, – если позволяли условия, играла на гармонике, пела, а когда почувствовала себя окрепшей, даже... плясала «цыганочку».

И вот между Асией и Гульшагидой постепенно начала устанавливаться дружба. Настал час, когда девушка, не утерпев, открыла Гульшагиде свою сокровенную и трагическую тайну.

– Не знаю, как начать... – заговорила она, кусая губы, – стыдно... Один врач сказал мне, что с таким сердцем... нельзя выходить замуж. – Асия закрыла лицо руками и долго так сидела молча. – Это ведь ужасно, Гульшагида-апа!.. Откроюсь вам – у меня есть любимый человек. Что я должна говорить ему в ответ на его признания? Ведь он всё равно не поверит. Подумает – не люблю. А самой-то что остаётся? Хочешь не хочешь – живи монашенкой... Иной раз до того плохо на душе, что подумаешь: а не выпить ли яду?.. Смерти я не боюсь. Но уж если умирать, так со славой, как горьковский Сокол! Он пал в борьбе за свободу. А я?.. Какая у меня цель? Почему я так обижена судьбой? Почему мне не дано даже самое простое счастье,

которое даётся всем людям? Я ведь тоже хочу жить, стремиться к лучшему... Жить, жить хочу, как все люди!

8

При первом же удобном случае Гульшагида поведала об этом разговоре сначала Магире Хабириной, затем и профессору.

Абузар Гиреевич разволновался.

– Внимание, такт, осторожность – вот лучшие лекарства для больного. Не уважаю, не признаю врачей, не умеющих лечить добрым, ободряющим словом. Да, да, я не оговорился! Цену и силу слова должны знать не только поэты, писатели, но и врачи! Ибо объект у них один – человек, его душа. Чтобы убить человека, бывает достаточно одного неосторожного слова, а вылечить... – профессор покачал головой. – Да-с! Тут и тысячи слов мало! Да ещё сколько всяких снадобий потребуется. Помните, как страдал больной Гафуров? А из-за чего? Только из-за того, что наша уважаемая Полина Николаевна сказала ему, что ей не нравится его сердце. Это же выстрел по больному! Если хотите, даже отравленной пулей. А как роптал на нашу любезную Тамару Ивановну больной Хазиев за то, что она сказала: «Рука у вас навсегда останется искалеченной». Ведь больной рассуждал так: у Тихонова парализованная рука начала работать через год, у Рыжова – через два года, а почему только у него, у Хазиева, рука не должна поправиться? Заметьте – больной не говорит о сроке, он сам знает, что положение серьёзное. Он готов ждать. В любом случае нельзя, – понимаете, нельзя! – лишать больного надежды! Надежда – великое дело! Вот Асия... Она и замуж выйдет, и детей народит. Вы ей так и скажите... – Профессор, заложив руки за спину, несколько раз прошёлся по кабинету, вдруг остановился посередине, покачал головой, улыбнулся. – Знаете, если подумать, что неприступная Асия раскрылась перед нами, то это уже неплохо. Значит, она в какой-то мере стала доверять нам. Это ваша заслуга, Гульшагида. Да, да! И Магиры-ханум тоже. Но впереди более серьёзные задачи. Если мы взялись лечить девушку, то должны будем лечить не только её больное сердце, но и весь организм, ибо у неё болен весь организм. Мы обязаны лечить всю её нервную систему, – профессор поднял палец, – душу! Вы случайно не знаете, где сейчас этот парень... ну, который любит её? Он в Казани?

– Он моряк, – ответила Гульшагида. – Значит, где-то в плавании.

– Вот как! Выходит, она живёт только его письмами. А у писем иногда путь очень долгий... Девушка вечно в тревоге, в неизвестности. – Профессор ещё раз прошёлся по кабинету, посмотрел на часы. – Мы ещё вернёмся к этому разговору. А теперь я должен уйти. В три часа у меня заседание Комитета защиты мира. Сегодня я ещё должен написать статью для газеты...

– Вы очень много работаете, Абузар Гиреевич. Вам надо тоже беречь себя, – не утерпела Магира-ханум.

– Э, у меня душа ещё молодая! – профессор молодцевато повёл бровью. – Да, вот что, – завтра у нас должен быть Фазылджан Джангирович. Покажем ему Асию и Исмагила. Ещё кто есть?... Подготовьте, пожалуйста.

Идя по улице, слегка опираясь на палку, профессор, вспомнив предостережение Магиры-ханум, покачал головой. Он не мог рассердиться на эту женщину, хотя не любил тех врачей, жизнь которых проходит только в своей квартире да в больнице или в амбулатории. Эти узкие формалисты ничего другого не желали, заботились только о соблюдении служебной проформы да о своём благополучии и незаметно превращались в мещан. Профессию врача Тагиров считал самой беспокойной и самой народной профессией. Врач всегда должен быть с народом. Недаром великие медики, говоря о профессии врача, подчёркивали три момента: знание, честность и понимание общественного долга.

Профессор Тагиров оставался верен этим принципам и на практике. Хотя в последние годы из-за преклонного возраста он вынужден был отойти от многих общественных обязанностей, однако работу в Комитете защиты мира не прекратил, это дело, как и медицину, он счи-

тал своим жизненным долгом. Он пришёл к этому убеждению не только потому, что на себе испытал муки минувшей войны, и не только потому даже, что в послевоенные годы ежедневно видел, наблюдал невероятные страдания её жертв, – он всеми силами боролся против войны прежде всего потому, что, как медик, очень глубоко понимал, какими ужасами угрожает человечеству атомная война. Он часто выступал и много писал в защиту мира.

Вот и сегодня слушатели, переполнившие большой зал, с огромным интересом внимали его взволнованной речи. Ожившие воспоминания о военных годах в связи с приездом тёти Аксюши и думами о судьбе Галины Петровны наполнили его слова особым чувством.

– Мы верим в светлое будущее человечества, поэтому и боремся за мир! – говорил он. – Идти к будущему путём войны, добиваться благополучия для немногих за счёт гибели миллионов – это дело безумцев. Я люблю людей и не хочу, чтобы они сгорели в огне атома. Безумные замыслы атомщиков должны быть осуждены и преданы позору всем человечеством! – закончил он под бурные овации.

А вечером он сел писать для областной газеты статью «Обратим достижения медицины против религии и знахарства». Написал первое предложение и задумался. Не понравилось, зачеркнул, – хотелось начать по-новому, более энергично...

Абузар Гиреевич ещё до революции неоднократно выступал в печати против религии. Какие только проклятия не обрушивали на него ишаны и муллы, какие мучения ада не сулили ему. Не останавливались они и перед прямыми угрозами. Вспоминая сейчас об этом, профессор улыбается, однако тут же лицо его становится серьёзным: хотя могилы проклинавших его святош давно уже сравнялись с землёй, посеянные ими ядовитые семена до сих пор кое-где прорастают в тёмных углах. Живучесть и служителей религии, и знахарей ещё в том, что они скрытно ходят из дома в дом, ловко используя несчастья людей, их религиозные чувства и предрассудки, наличие в медицине ещё не познанных и не объяснённых фактов. Эти лицемеры исподтишка делают своё чёрное дело. Абузар Гиреевич никак не мог примириться с тем, что за последние годы антирелигиозная работа в ряде районов республики ослабела или была передоверена недостаточно образованным людям, которые ограничиваются высмеиванием служителей Аллаха.

А статья-то не двигается... В кабинете горит только настольная лампа с зелёным абажуром, люстра на потолке погашена. За окном, на улице, темным-темно. Абузар Гиреевич встал, прошёлся по комнате. Взгляд его упал на тускло освещённый бюст Пушкина на шкафу. Лицо Александра Сергеевича кажется сегодня особенно задумчивым.

Большие часы в зале певуче пробили восемь. В доме довольно прохладно; на улице беспрестанно льёт дождь, и сквозь оконные рамы тянет сыростью. Профессор накинул поверх пижамы меховую безрукавку, чувяки без пяток переменял на тёплые туфли. Вернулся к столу и стоя пробежал глазами начатую статью. Вдруг, вспомнив что-то, быстро подошёл к телефону, позвонил в больницу. Расспросил о состоянии больных, уточнил, всё ли в порядке. Именно этого и не хватало ему. Теперь на душе спокойно, можно опять взяться за перо.

В каждом творческом деле есть своя изначальная критическая минута. Трудно сказать определённо, в чём её значение: то ли в осознании идеи, то ли в обрётённом спокойствии и собранности мысли, теперь свободной от посторонних внешних впечатлений, – одно бесспорно: если найдена, если наступила эта драгоценная минута, дело пойдёт на лад. Так случилось и с Абузаром Гиреевичем: он дождался, нашёл свою минуту и принялся писать. Работал не отрываясь, пока не закончил статьи, только тогда встал с места. Он с удовольствием потянулся, расправил затёкшую спину. В доме вдруг стало теплее, комната вроде посветлела, и лицо Александра Сергеевича как-то оживилось.

* * *

Фазылджан Янгура точно в назначенную минуту прибыл в больницу. Как и у большинства хирургов, у Фазылджана Джангировича солидная фигура, располагающее лицо, на щеках играет здоровый румянец. Немножко начало расти брюшко, но под длинным, в меру просторным больничным халатом оно почти незаметно. Трудно определить точно, сколько ему лет. Бывают ведь мужчины, которым можно дать и сорок, и пятьдесят. Янгура был одним из таких счастливицков. Прядь седых волос над широким, выступающим вперёд лбом несколько не старила Фазылджана, казалось, она придавала лицу его больше благородства.

Они давненько не встречались с профессором, поэтому вначале обменялись новостями. Больше говорил Янгура, – вряд ли нашлось бы в городе чем-то примечательное событие, о котором он не знал бы.

Послушав собеседника, Абузар Гиреевич вынул из жилетного кармана часы. Это означало – пора приступить к делу. Янгура в ответ с достоинством наклонил голову:

– Я в вашем распоряжении.

Заведующий кафедрой хирургии в одной из городских клиник, доцент Фазылджан Янгура не только среди людей, равных ему по положению, но и в кругу более высоко стоящих коллег умел держать себя. На пустячные вызовы откликаться не станет, в любое место, к малоизвестному человеку, не побежит, но важного случая не упустит, туда, где надо быть, явится вовремя. Его имя часто упоминается в отчётах о научных конференциях – в республике и в центре он нередко выступает на страницах печати и, можно сказать, всегда на виду у общественности. Без него редко обходятся ответственные консилиумы. О нём привыкли говорить как о смелом хирурге, новаторе. Его научные доклады вызывают повышенный интерес у медицинских работников, всегда привлекают слушателей. Большинство молодых медиков даже влюблены в него. Ведь никто так не преклоняется перед смелостью и уверенностью в себе, как молодёжь.

С папкой историй болезней в кабинет вошла Магира-ханум. Янгура шагнул навстречу ей, протянул руку. Магира Хабировна в свою очередь справилась о его здоровье.

– Вашими молитвами, – пошутил Янгура. – А вы всё молодеете, Магира-ханум. От встречи к встрече хорошеете.

Магира Хабировна слегка зарделась. В молодости Янгура ухаживал за ней, даже писал ей письма. Чёрные и густые, как грозовая туча, волосы Магиры не давали ему покоя. Даже после того, как девушка вышла замуж, Янгура не скоро забыл её. Теперь всё это в далёком прошлом. А всё же как-то волнует...

– Дайте историю Асии, Магира-ханум, – обратился профессор.

Отгнав нахлынувшие воспоминания, Магира-ханум медленно открыла папку, передала профессору жёлтые листы.

Абузар Гиреевич рассказал о характере и настроении больной, сообщил диагноз. Янгура слушал внимательно, глядя прямо в лицо профессору и кивая время от времени головой, как бы говоря: «Ясно», «Понимаю», – в глазах у него зажглись искорки.

– Довольно любопытный случай, – заметил он. – Какая степень, по вашему предположению?

– Вторая, ближе к третьей.

– А что показывают анализы?

– Пока идёт активный процесс... Магира-ханум, позовите, пожалуйста, Асию.

Девушка вошла в кабинет и, увидев незнакомого представительного мужчину, сразу спряталась за спину Магиры-ханум.

– Асия, подойдите ближе, сядьте вот здесь, – мягко сказал профессор. – Вот доцент Фазылджан Джангирович хочет поговорить с вами.

– Кто это? – переспросила девушка шёпотом у Магиры-ханум и, получив ответ, осторожно села на указанную профессором койку. – Я на операцию не согласна! – вдруг возбуждённо заговорила она. – Лучше умру сразу, чем лечь под нож.

– Со старшими сначала здороваются, – сухо заметил Янгура, будто не услышав её слов. – Что у вас болит?

– Абузар Гиреевич знает, – непримиримо ответила Асия.

– И мне расскажите.

Помолчав, Асия неохотно начала рассказывать. Потом Янгура велел ей пройти за ширму, снять халат. Асия начала кусать губы, хотела было уйти, но профессор задержал её, успокоил. Опустив голову, Асия пошла за ширму. Лицо её пылало, глаза были полны слёз.

Всё же осмотр прошёл без осложнений.

– Ну вот, не съел же я вас, – укоризненно сказал Янгура. – Идите в свою палату.

Асия, не глядя ни на кого, вышла.

Янгура вымыл руки и, вытирая по отдельности каждый палец, с лёгкой усмешкой проговорил:

– Эта девушка, должно быть, в глухом лесу росла? Я думал, что она откусит мне руку... Всё-таки жаль её... Самое позднее – двадцати пяти лет она умрёт от кислородного голодания. Тяжелейшая форма порока. Её может спасти только самая радикальная мера – операция.

И профессор, и Магира-ханум выслушали это заключение понурясь, словно на плечи им лёг тяжёлый груз. Стряхнув задумчивость, Абузар Гиреевич спросил:

– Это ваше последнее заключение, Фазылджан?

– Да, Абузар Гиреевич, последнее и единственное.

Профессор снова погрузился в раздумье. Янгура аккуратно повесил полотенце, сел на стул.

– Фазылджан, – осторожно начал профессор, – вы обратили внимание – ведь общее состояние девушки не очень плохое. И состав крови тоже. Вот посмотрите. Результаты ангиокардиографии и электрокардиографии удовлетворительны, – профессор поднёс ленту к свету, начал показывать мелкие зубцы.

– И всё же аномалия налицо, Абузар Гиреевич, – стоял на своём Янгура. – Зондировали?

– Да. Вот рентгеновский снимок движения зонда, – профессор включил негатоскоп.

Янгура внимательно взгляделся в снимок, принялся ходить по кабинету.

– Данные не так уж плохи, – продолжал развивать свою мысль профессор. – Конечно, нельзя сказать, что мы изучили все тайны её сердца.

– В том-то и дело, – подхватил Янгура. – Это изучение – дело будущего. А девушка нуждается в помощи сегодня. Она и так запустила болезнь. Оперировать надо было ещё в раннем детстве. В своём печальном прогнозе я могу ошибиться лишь в сроке. Допустим, она протянет до тридцати-тридцати пяти. Но на какие страдания будет обречена! А роковой исход неизбежен... Вы уж, пожалуйста, извините меня, Абузар Гиреевич, но, по-моему, большинство терапевтов, несмотря на то, что изменились времена, изменилась техника хирургии, всё ещё думают по старинке, как Бильрот, – к сердцу, мол, нельзя и близко подходить с ножом.

Профессор рассмеялся.

– Как же это получается, Фазылджан? До сих пор история медицины считала Бильрота выдающимся, смелым хирургом. Считается, что Рен первый дерзнул зашить рану на сердце. Но ведь не так уж велика дистанция между тем и другим.

Янгура молча улыбнулся в ответ.

– Вы согласились бы сделать операцию Асии? – спросил профессор, переводя разговор от истории к действительности.

- Если пациентка согласится, я не против, – смело ответил Янгура.
- А гарантия? Cito, tuto et gucunde?⁴
- Нет. Вопрос стоит острее: или – или...

Лицо Абузара Гиреевича помрачнело, он по-стариковски сгорбился, стал как бы меньше. «Или – или... Покупателю часов выдаётся гарантия, покупателю холодильника тоже, а тому, кто ложится под нож... или – или».

Разумеется, он был далёк от того, чтобы обвинять Янгуру в легкомыслии, в неоправданном риске. Всякий другой хирург на его месте, пожалуй, высказал бы ту же горькую истину. Современная хирургия ещё не так сильна, чтобы во всех случаях давать гарантию благоприятного исхода. Теперь в медицине всё больше растёт число сторонников точки зрения, что лечение порока сердца хирургическим путём станет в будущем основным, если не единственным методом. Но это в будущем. А вот сейчас, в данном случае?.. Абузар Гиреевич как учёный всегда приветствовал смелые, обоснованные эксперименты. Однако он был против применения на практике не до конца проверенных методов. У человека одна жизнь, она дорога ему, с ней связаны его счастье, покой, счастье и благополучие его родных и близких. Но счастье – что стеклянный сосуд, при неосторожном обращении разобьётся...

– В таком случае у меня не поднялась бы рука, – как бы рассуждая сам с собою, проговорил профессор.

Янгура понял это как упрёк.

– Вам легко так говорить, Абузар Гиреевич, – вздохнул он. – А мы, хирурги, каждый день стоим перед одной и той же дилеммой: если мы поддадимся чувству робости, жалости, неуверенности, то и больного погубим и сами должны будем давать ответ перед законом. Человечность хирурга зачастую связана внешне с жестокостью. Этого многие не понимают и считают нас вообще бессердечными... – Он помолчал и спросил: – Ещё есть больные?

– Вот история болезни Исмагила, – сказал профессор и, взяв из рук Магиры-ханум папку, рассказал о диагнозе болезни и состоянии Исмагила.

– Этого больного надо бы сперва показать урологам, Абузар Гиреевич, – сказал Янгура, когда профессор закончил своё сообщение. – В этом случае я вам, говоря правду, пока не смогу помочь. Чалдаеву не показывали?

– Чалдаеву показывали. Но тут проклятая астма... Вам приходилось делать операции астматикам?

– Как правило, мы от них отказываемся.

– А если, скажем, невозможно отказаться, если все другие средства испытаны и не дали результата?

– Тогда идёмте посмотрим.

Исмагил лежал в постели, вконец измученный очередным приступом астмы. Янгура подсел к нему, молча осмотрел больного, задал несколько вопросов и встал с места.

– Я считаю неразумным делать этому бедняге операцию и доставлять ему лишние страдания, – сказал он, выйдя в коридор. – Здесь нельзя даже сказать «или – или».

Профессор ничего не возразил. Он молча повёл хирурга ещё к одному больному. Это был человек с «красной чалмой». Он, как всегда, равнодушно глядел в потолок, ни на что и ни на кого не обращая внимания. Казалось, он старался уловить какую-то решающую мысль. Но сегодня лицо его было не таким уж сумрачным. Возможно, это оттого, что он побрился.

Янгура велел ему откинуть одеяло и показать пальцем, где у него болит. Едва больной показал пальцем чуть ниже рёбер, хирург сам нажал на это место ладонью. Больной вскрикнул.

Янгура, не глядя на него, сказал профессору по-латыни диагноз и резко поднялся с места. На широком лбу его, между бровями, дрожала вертикальная складка.

⁴ Быстро, облегчающе и безболезненно (лат.).

Проводив Янгуру, Абузар Гиреевич, заложив руки за спину, принялся ходить по кабинету. Он должен был принять решение. Относительно Исмагила и человека с «красной чалмой» мнения их совпадали. Если у Исмагила после применения новейших препаратов кровяное давление не понизится и удушье не отступит, останется прибегнуть к последней мере – решиться на операцию, невзирая на тяжёлое состояние больного. Человек с «красной чалмой», видимо, скоро встанет на ноги. А Асия?.. Что делать с Асией?

Завтра надо решать: или оставить Асию в больнице и попробовать лечить новыми средствами, или...

«Отдал бы я её хирургу, если бы она была моей дочерью?» – спросил профессор у своей совести. И не смог ответить.

На следующее утро он позвонил Чалдаеву. Тот обещал зайти.

Магира-ханум встретила его у входа в терапевтическое отделение. Чалдаев ниже среднего роста да к тому же сутулится, со стороны он выглядит совсем маленьким. Кончик носа у него кругленький, как лесной орешек. Этот нос-орешек и лучистые морщинки под глазами придают его лицу необычайно простодушное выражение. Характер у него спокойный, – хоть потолок рухнул, Чалдаев не вздрогнет.

В кабинете Абузар Гиреевич рассказал ему про Асию, показал результаты анализов, снимки, сообщил мнение Янгуры, поделился своими соображениями.

– По правде говоря, – признался он, – мне не хочется отдавать Асию в руки хирурга. Возможно, я постарел, становлюсь консерватором, как выражаются мои критики. Скажите мне, не скрывая, Гаделькарим, своё мнение.

– Я тоже в данном случае не спешил бы с операцией, – коротко ответил Чалдаев.

– Я думаю лечить её гормонами и новейшими антибиотиками, – поделился профессор своим намерением.

Чалдаев полностью согласился с этим мнением.

– Тогда так, – Абузар Гиреевич обернулся к Магире-ханум, – Асию оставляем на лечение. Начнём с гормонов, а дальше видно будет.

9

Несмотря на то, что Гульшагида поклялась себе не ходить больше на Федосеевскую дамбу, сегодня её снова потянуло туда. Поймёт ли кто-нибудь, что творится у неё на душе? Не назовут ли её легкомысленной мечтательницей? Возможно, найдутся и такие благоразумные люди, которые скажут: не ищи, мол, золота там, где и олова нет, какая уж тут любовь, – и посоветуют забыть давнее увлечение да посмотреть внимательней вокруг себя: не может быть, чтоб на Мансуре весь свет сошёлся клином, чтоб всё небо заслонил один Мансур? Но что делать, если так оно и есть? Не нарочно же она придумала себе такую любовь. Видно, такова её судьба. Если бы рассказать, как она себя сдерживает, осуждает, как она сурова и беспощадна к себе, как мучается, – никто не поверил бы. Но, оказывается, любящее сердце способно остаться верным прежнему чувству, хоть на огне жги это сердце, хоть в омут бросай.

Разумеется, Федосеевская дамба и на этот раз ничем не порадовала её. И всё же ей стало несколько легче, – словно в тумане, окутавшем её душу, появился какой-то просвет. Наверно, сердце похоже на реку: прежде чем успокоиться, должно перекипеть.

Дома её ожидал срочный вызов в больницу.

А в больнице она узнала, что у Азии с вечера начался приступ. Возле её койки сидел профессор, держал руку девушки, лежавшей с закрытыми глазами и беспрестанно бредившей. Тут же находилась и Магира-ханум.

Гульшагида в нерешительности стояла в дверях палаты. Профессор кивком головы подзывал её. Гульшагида молча поздоровалась с ним, внимательно посмотрела на Асию, положила руку ей на горячий лоб. Девушка медленно подняла ресницы. Во взгляде её не было укоризны, только мольба. Что это? Беспредельное доверие врачам или покорность судьбе?

– Скоро тебе будет легче, потерпи, родная, – успокаивал профессор. Он осторожно поднялся с места, дал необходимые наставления Магире-ханум. Затем обратился к Гульшагиде: – У меня к вам будет поручение.

Они вышли из палаты.

– Что случилось, Абузар Гиреевич? – с тревогой спросила Гульшагида. – Ещё вчера ей было хорошо.

– Я опасался этого приступа, – задумчиво сказал профессор. – Каждому больному помогает только своё лекарство, и его надо найти. Организм Азии не принимает гормоны и антибиотики.

– Тогда что же нам делать? – даже растерялась Гульшагида.

– Будем лечить испытанным методом – препаратами салицилата. – И, заметив недоумение молодого врача, добавил: – Порой мы слишком поспешно отказываемся от проверенных годами методов лечения. Новые лекарства следует применять не потому, что они новые, а только в том случае, если они приносят пользу больному.

Профессор был задумчив, даже печален. Гульшагида начала было расспрашивать его о здоровье, он отмахнулся и принялся объяснять, зачем, собственно, вызвал её. Оказывается, от тёти Аксюши поступила телеграмма. Утром она приедет с Галиной Петровной. Но в одиннадцать у профессора лекция в институте.

– Не потрудитесь ли вы с Верой Павловной поехать на вокзал? – попросил Абузар Гиреевич. – О машине я договорился. Магира-ханум приготовит место для больной.

– Я всё сделаю, – с готовностью согласилась девушка. – Во сколько поезд?

– В десять сорок. Седьмой вагон.

– Не беспокойтесь, Абузар Гиреевич, привезём.

Пройдясь в задумчивости по коридору, профессор глубоко вздохнул и тихо проговорил:

– Вы, Гульшагида, представить не можете, что за человек Галина Петровна, и в каком я долгу перед ней. – И добавил проникновенно: – Такие люди редко встречаются. Очень редко!

Гульшагида только сейчас поняла всю глубину душевной тревоги профессора и сама забеспокоилась. Её тревога усилилась, как только она впервые увидела на вокзале Галину Петровну. С первого взгляда было заметно, что больная до крайности обессилена. К машине её подвели, а в палату уже внесли на носилках.

Ей приготовили место в небольшой палате, где лежали только четыре человека вместе с Асийей, состояние которой ухудшилось.

Уложив больную, Гульшагида вышла с Магирой-ханум в коридор, чтоб посоветоваться.

– Надо бы немного подготовить Абузара Гиреевича, – озабоченно сказала Гульшагида. – Больная в очень тяжёлом состоянии, а профессор и без того тревожится за неё. Я встречу его внизу, к часу он должен подъехать.

Магира-ханум посмотрела на часы.

– А сейчас уже двадцать минут первого. Больной необходимо как можно скорее заснуть.

– Да, да, надо показать её Абузару Гиреевичу спящей. Пусть у него минует первая реакция.

Так и сделали. Гульшагида встретила профессора в вестибюле. Тут же рассказала, что всё сделано, как он просил. Галина Петровна в дороге сильно утомилась. Сейчас, после укола, она заснула. Аксиною Алексеевну, как и распорядился Абузар Гиреевич, отправили к нему на квартиру.

В кабинете профессор долго застёгивал халат, всё получалось, что одна пола длиннее другой. Тогда Гульшагида сама застегнула ему пуговицы.

– Спасибо, спасибо! – поблагодарил Абузар Гиреевич. – Пойдёмте посмотрим.

Гульшагида взяла его под руку, и они поднялись наверх. Профессор остановился в дверях палаты, чтобы издали посмотреть на Галину Петровну. Если бы он раньше не знал её так хорошо, то сейчас вряд ли узнал бы – до того она исхудала, пожелтела.

– Абузар Гиреевич, пожалуйста... Что с вами? – растерялась Гульшагида.

– Ничего, ничего... Вид у неё не очень-то... Но я, собственно, ждал худшего.

Гульшагида удивлённо подняла брови. Что может быть хуже?

– Идите, Гульшагида, занимайтесь своими делами, – распорядился профессор. – Спасибо вам. А мне надо собраться с мыслями. Передайте, пожалуйста, Магире-ханум – пусть сообщит мне, как только Галина Петровна проснётся.

Оставшись один, профессор долго смотрел в окно кабинета. Мучила одна и та же страшная мысль: неужели это самое?

Отвергнуть уже установленный диагноз во много раз труднее, чем поставить первичный. Это тяжело даже для опытного профессора Тагирова. Мнение другого специалиста давило на его волю, сковывало мысль. Да и на каком основании он должен подвергать сомнению прежний диагноз? Объективные симптомы сильнее личных желаний.

Вошла Магира-ханум и доложила, что Галина Петровна проснулась.

Они немедленно направились в палату.

Завидев профессора, Галина Петровна хотела приподняться, но голова бессильно упала на подушку. Из глаз больной брызнули слёзы. Абузар Гиреевич быстрыми, уверенными шагами подошёл к ней, поздоровался, успокоил и сел у изголовья. Взял руку, посчитал пульс. Сердце билось учащённо. Больную явно температуруило.

– Извините, что побеспокоила вас, – чуть слышно проговорила Галина Петровна, покашливая.

– И хорошо сделали, что побеспокоили. Не тревожьтесь, Галина Петровна. После дороги вы немного утомились, отдохайте. А вас, Магира-ханум, – повернулся профессор к лечащему

врачу, – прошу распорядиться, чтобы к утру приготовили томографию лёгких и снимки бронхографии. Я буду завтра ровно в десять утра.

Пожелав больной спокойного отдыха, профессор уже твёрдой походкой вышел из палаты.

Профессора заинтересовал цвет лица Галины Петровны. Если верить первоначальному грозному диагнозу, лицо больной должно было приобрести землистый оттенок. А у Галины Петровны скорее желтизна. И второе, на что обратил внимание профессор, – тяжёлый воздух около койки Галины Петровны. Этот специфический признак обычно наблюдается при заболевании бронхов.

Впрочем, всё это – лишь внешние показатели, более того – они бывают спорными и обманчивыми и ещё не дают основания для окончательного заключения. Но мысль профессора уже заработала в определённом направлении. И он с нетерпением ждал томографических и бронхографических снимков. Только тогда... «А почему эти снимки не сделали в Туле? – вдруг задал себе новый вопрос профессор. – А если такие снимки уже были и не опровергли прежнего диагноза?.. Ах, сколько же всяких «если» и «вдруг» в медицине!»

* * *

Всё чаще тётя Аксюша возвращалась из больницы расстроенной. Однажды Фатихаттай не утерпела и спросила её:

– Уж не хуже ли стало Галине Петровне?

– Нет, Фатихаттай, Галинушка ничего. Сегодня даже немного разговаривала со мной. Очень она верит Абузару Гиреевичу.

– Значит, радоваться надо.

– Как тут не радоваться...

– Радостный человек не хмурится, – сказала Фатихаттай, ставя перед тётей Аксюшей горячую губадию⁵. – На-ка вот, поешь. Наверно, за день совсем изголодалась. Я, милая, вижу человека насквозь. Лучше уж выкладывай, что тебя тревожит.

– Из ума стала выживать, вот и тревожусь, – отвечала Аксюша, не притрагиваясь к угощению.

Ну, если уж Фатихаттай привяжется, так и не отстанет, словно репей.

– Ты не проведёшь меня, Ксюша! Лучше не таи в себе горе, выкинь, пусть ветер развеет. Может, обидел тебя кто?

– По дому соскучилась, наверное, – всё ещё уклонялась от признания тётя Аксюша.

Фатихаттай энергично заправила под платок седеющие волосы.

– Никуда не денется твой дом! Ешь губадию, пока горячая. Завтра и Галине Петровне отнесёшь.

– Спасибо. Зачем так беспокоиться?

– Ты ведь даже милостыню собирать не считала за беспокойство!

– В войну другие времена были. Я для раненых собирала.

– Верно, доброта в тяжёлый час – тысяча раз доброта. Однако не скрывай обиды.

– Никакой обиды нет у меня, Фатихаттай!

– А я говорю тебе – есть!

И тётя Аксюша вынуждена была рассказать. Оказывается, в больницу наведывается какой-то человек и всё допытывается, откуда привезли Галину Петровну и кто «устроил» её в больницу, почему держат при ней отдельную няню, за чей счёт питается эта няня, и прочее и прочее.

– Тьфу, негодяй! – гневно воскликнула Фатихаттай. – Абузару-то говорила?

⁵ Губадия – пирог со слоёной начинкой.

– Нет, нет! Зачем его беспокоить? У него и так много хлопот.

Утром, когда тётя Аксюша ушла в больницу, Фатихаттай рассказала всё Абузару Гиревичу. Профессор побледнел. Вызвал к телефону Алексея Лукича, с негодованием спросил:

– Какой там соглядатай ходит к нам в больницу?

Алексей Лукич сразу понял, в чём дело. Оказывается, кто-то написал кляузу в горздрав, и теперь идёт проверка. Сам Тютеев потребовал у Алексея Лукича объяснения.

– Что же вы мне не сказали? – с укоризной сказал профессор. – Я объяснил бы в нескольких словах.

– Да, это... Абузар Гиреевич... Я боюсь даже говорить вам... Это дело рук Султанмуратовой... И сам Тютеев... Вы же знаете...

«Вот подлецы!» – подумал профессор, повесив трубку. И сейчас же направился прямо к Тютееву.

10

Рано утром Абузару Гиреевичу позвонил домой доцент Янгура. Извинившись за беспокойство в неурочный час и перейдя на непринуждённо-шутливый тон, какой принят среди друзей, сказал:

– Вы вечерком дома? Я приду в гости.

Мадине-ханум что-то нездоровилось, но Абузар Гиреевич счёл неудобным отказать хорошо знакомому человеку и ответил: «Добро пожаловать!» Они хоть и не часто, но при удобном случае и в праздники навещали друг друга. Мадина-ханум и жена Янгуры даже состояли в каком-то отдалённом родстве. Правда, они так и не установили корень и степень этого родства. Но выяснили бесспорно – обе уроженки Уфы.

– Приходите вдвоём, – предложил Абузар Гиреевич.

– Я теперь холостяк, – рассмеялся Янгура, – моя назлыбике⁶ отбыла к матери, в Уфу.

Абузар Гиреевич, предупредив домашних, чтобы готовились к приёму гостя, отправился на работу. А вечером, возвращаясь домой, зашёл в магазин, купил бутылку вина. Сам он не пил, ну, а для гостя надо что-то поставить на стол.

И вот Фазылджан уже сидит в столовой у Абузара Гиреевича, откинувшись к спинке дивана, положив ногу на ногу, поблёскивая модным, остроносым ботинком. На Янгуре новенький, с иголки, костюм, белоснежная сорочка и белый шёлковый галстук с маленьким, не больше напёрстка, узелком. Щёки у гостя розовые. Седая прядь волос над широким гладким лбом придаёт ему особое благородство. Улыбаясь, рта не раскрывает. При этом на щеках у него появляются ямочки. Во всём облике Фазылджана, даже в грудных нотах голоса, чувствуется изысканность, серьёзность и достоинство.

– Что вы там наговорили Тютееву? – полушутливо спросил Янгура, отпив сначала глоток вина из рюмки, потом глоток чая из такой же, как у хозяина, маленькой чашечки. – Его, кажется, и сверху нашлёпали. Впрочем, так и надо этому невежде.

Абузару Гиреевичу не по душе было в частной обстановке вести разговор о неприятном случае на работе, кроме того, они ведь объяснились с Тютеевым с глазу на глаз, и странно, что это стало известно Янгуре.

– Знаете что, Фазылджан, – ответил он, подбирая слова, – наш разговор с Тютеевым нельзя назвать важным. Мы ведь члены одной семьи, а в семье бывает и так, что гремит посуда. Но это не всегда означает большую ссору.

Янгура многозначительно улыбнулся.

– Только ли посуда гремела, Абузар Гиреевич? – сказал он и, взяв рюмку, стал разглядывать на свет, как пламенеет вино. – Мне сдаётся, что и голос у вас гремел. Теперь Тютеев на месте не может усидеть, словно наелся красного перца, – так и бегаёт вокруг стола, как цирковой конь, которого погоняют плетью.

– Да не может быть! – встревожился профессор. – Неужели я так резко говорил с ним?

– Вы, Абузар Гиреевич, молчите-молчите, а уж как скажете – проймёте до печёнок, на всю жизнь запомнишь!

– Нет, вы преувеличиваете, Фазылджан. К тому же он после разговора извинялся передо мной через Алексея Лукича.

Янгура, откинув голову назад, коротко рассмеялся.

– Не верьте, это лишь клятвы дятла, что он больше не будет долбить дерево. Я знаю его больше, чем вы. Вы наступили ему на большую мозоль. Если невежду назовёшь невеждой, он

⁶ Назлыбике – неженка, барыня (шутл.).

будет с пеной у рта доказывать свою учёность... Но в данном случае наука ни при чём... Вы, говорят, отказались положить в больницу близкую его знакомую.

– Я, Фазылджан, лечу больных, а не чьих-то капризных родственников. К тому же в больничной палате я считаю себя хозяином.

– Конечно, – серьёзно ответил Янгура, – если уж в своём хозяйстве не быть хозяином, куда это годится? Вы ещё сделали одолжение, что объяснились с Тютеевым, а я счёл бы за грех объясняться с этим долгоносим дятлом.

– Фазылджан, – с усмешкой заметил Абузар Гиреевич, – есть арабская пословица: «Не охаивай человека за спиной, ибо ветер может ему донести».

Янгура слегка кивнул.

– Вы правы, Абузар Гиреевич, Тютеев не стоит того, чтобы о нём говорить, но есть некая скверная штука – честь мундира. Тютеев как-никак начальство. А потом – не мешает знать, откуда дует ветер. Тютеев, разумеется, не более как осина, которую трясёт ветер. А вот Султанмуратова... это уже сама буря. Её следовало бы остерегаться. Говорят, её побаивается даже высшее начальство.

– Значит, в чём-то чует свою вину. Чего нельзя сказать обо мне.

– Это бесспорно, но говорят – бережёного бог бережёт, Абузар Гиреевич. Между прочим, эта Султанмуратова уже устроила свою мать в другую больницу. Нашлись люди, которые сами предложили ей место.

– Меня не радует глупость других, – хмуро возразил профессор. – Ещё находятся добряки, чтобы оказать услугу нужному человеку за счёт государства.

– Вы слишком требовательный человек, Абузар Гиреевич. Если бы все люди были такими! Вы ничего не выиграли, отказавшись положить в больницу мать Султанмуратовой, а те, кто положил её, одним выстрелом двух зайцев убили: и Тютееву угодили, и тигрицу успокоили. А у вас, наоборот, прибавилось недоброжелателей.

– Эта игра не по мне, Фазылджан, я всю жизнь сторонился сватовства и кумовства, – не люблю тех, кто живёт по принципу «рука руку моёт».

– Ладно, кончим об этом, – опять улыбнулся Янгура и, поблагодарив хозяев, поднялся из-за стола. Перелистывая лежащие на рояле ноты, он вдруг спросил: – Мансур не собирается домой? Моя свояченица что-то говорила...

– Нет, он ничего нам не пишет, – с невольным вздохом ответил Абузар Гиреевич.

– Не надо было отпускать его из дома, следовало быть с ним построже... – Янгура положил папку с нотами, взял другую и, листая её, продолжил: – Он способный джигит, но несколько своенравен. Однако, если попадёт к хорошему шефу, из него выйдет отличный хирург. Я ещё во время практики обратил на него внимание.

– Пусть узнает жизнь, в молодости это полезно, – неопределённо сказал профессор, избежавший хвалить способности сына.

– Но в молодости больше всего нужна узда, – возразил Янгура и слегка потряс сжатыми кулаками. – Молодо-зелено, тянется туда и сюда. Не заметишь, как пройдёт время. А потом наш брат в тридцать пять-сорок лет с грехом пополам берётся защищать кандидатскую диссертацию. И только после пятидесяти принимается за докторскую, а в шестьдесят выходит на пенсию. Истинно способный человек уже в тридцать пять должен быть доктором и получить известность. Напишите Мансуру – пусть возвращается в Казань. Здесь всё устроим. Я возьму его к себе.

Абузар Гиреевич промолчал, и не приняв и не возразив. Он пригласил гостя в кабинет, показал ему редкие книги, недавно добытые у букинистов. Но Фазылджан, как видно, не был книголюбом, он довольно равнодушно отнёсся к удачным находкам профессора. Труды, имев-

шие отношение к медицине, он ещё брал в руки, а книги по истории, искусству, художественные произведения едва достаивал внимания. Зато статуэтки вызвали у него живой интерес.

Одних только статуэток Пушкина на шкафах в библиотеке профессора стояло пять или шесть. В большинстве это были оригиналы известных мастеров. А вот эту, из белого мрамора, Абузар Гиреевич привёз недавно из Ленинграда, куда ездил на конференцию терапевтов.

– Не продадите ли мне её? – вдруг спросил Янгура. – У вас и без того вон сколько изваяний Пушкина... Вы, кажется, очень высоко чтите этого поэта?

– Кто же не чтит его, Фазылджан!

– Ну как, продадите?

– Полно шутить, Фазылджан. Не продам. Вазу могу подарить любую. Вот тут есть одна, я прячу её подальше от Фатихаттай, а то выкинет в окно. – И он, встав на стул, снял со шкафа вазу с изображением обнажённой женщины. – Это преподнесли мне на юбилее. Профессор Михайловский подарил. Покойный любил такие вещишки.

– О! – воскликнул Фазылджан, прищёлкнув языком. – Назлыбике, пожалуй, приревнует меня... Должно быть, заграничная штучка. Умеют же там!.. Если подарите, приму с благодарностью. Я в долгу не останусь, – как говорится, праздничное угощение должно быть взаимным. – Показав на бронзовую статуэтку охотничьей собаки на письменном столе профессора, он сказал: – У меня есть вроде этой, только получше. Если хотите, дам в обмен.

– Это получается как при крепостном праве – человека меняем на собаку... – И профессор, склонив голову набок, как-то по-детски заразительно рассмеялся.

Фазылджан, стараясь скрыть своё излишнее внимание к соблазнительному изображению на вазе, взял газету, и тут ему сразу бросилась в глаза статья Абузара Гиреевича.

– И как вы находите время, Абузар Гиреевич, ещё писать статьи? – удивился Янгура, пробежав первый абзац. – Меня тоже частенько просят, но очень трудно выкроить время.

– Было бы желание, а время найдётся, Фазылджан.

– Это, конечно, верно. Хотя не знаю, надо ли в наш космический век, в эпоху, когда разрабатываются величайшие проблемы науки, всерьёз дискутировать с этими шаманами, проповедниками религиозных предрассудков? Особенно такому видному учёному, как вы, Абузар Гиреевич. Ведь вы могли бы поручить это кому-нибудь из студентов или своих ассистентов. Им, кстати, и гонорар пригодился бы.

– Если писать ради гонорара, то, безусловно, можно сделать так, как предлагаете вы. Но если писать из убеждения, для народа, – профессор поднял палец над головой, – для народа, Фазылджан, это уже совсем другое дело. Для меня, например, ясно как день: если нам удастся окончательно вырвать людей из паутины религиозных пережитков, освободить от слепой веры в различных шарлатанов-знахарей, мы сделаем большой скачок не только в области здравоохранения, но и в сфере хозяйства и культуры. Мы быстрее бы изжили всяческие предрассудки.

– Ну, вы уже вторгаетесь в сферу партийных, советских, профсоюзных, комсомольских организаций. Зачем отбивать у них хлеб? – усмехнулся Янгура.

– Хорошо, что ещё не сказали «картошку», – с той же усмешкой возразил профессор. – Не помню уж, кто именно картошку упомянул в подобном же разговоре со мной. Знаете, что я ответил ему: «Кажется, вы набиваете картошкой не живот свой, а мозги».

Янгура принял это как камешек в свой огород, но виду не подал и, отложив газету, поудобней уселся на диване. Только сейчас Абузар Гиреевич обратил внимание на папку в красной сафьяновой обложке, которую Фазылджан весь вечер не выпускал из рук. Янгура моментально перехватил этот взгляд и сразу заговорил о том, ради чего пришёл сюда. Правда, он повёл разговор явно издалека.

– Абузар Гиреевич, – начал он серьёзным, несколько минорным тоном, – у меня ведь тоже годы идут. Пятьдесят стучится в дверь.

– Не может быть, вам никто больше сорока не даст, Фазылджан.

– Увы! – сказал Янгура, шутливо разводя руками. – Мамаша не пожелала произвести меня на свет лет на десять позже... Теперь начнут приставать с юбилеем. Со всех сторон напоминают: готовься, мол.

– Да, шумиха – дело тяжёлое, – тихо проговорил профессор и покачал седой головой. – Я пережил это.

– Шумиха как нагрянет, так и исчезнет, Абузар Гиреевич. Это меня не особенно тревожит. Мы, люди науки, должны на юбилее не просто подбивать итог десятилетий жизни, – прожить своё и дурак сумеет, – а подводить итоги наших трудов, научной деятельности, чтобы получить зарядку на будущее. Учитывая это, мне хочется в связи с юбилеем издать что-нибудь из своих научных трудов, внести свою лепту в науку.

– По-моему, научные труды следует публиковать независимо от юбилея. Но уж если совпадает...

– Разумеется, только потому, что совпало, – подхватил Фазылджан. – И всё же нельзя не учитывать наших странных привычек. У нас ведь с публикациями не очень торопятся даже в связи с юбилеем. Лично мне грешно было бы жаловаться. Издательства относятся ко мне благосклонно. А вот сейчас, когда я закончил серьёзный труд, те же издательства – смешно сказать – не могут подыскать компетентного рецензента. Говорят: «Помоги нам найти». Но понимаете, это дело щекотливое, одни могут понять так, другие иначе... Поэтому я решился побеспокоить вас, Абузар Гиреевич. Конечно, я должен глубочайше извиниться перед вами. И за то, что отнимаю у вас время, и за то, что напросился к вам в гости...

– Какое тут беспокойство, оставьте вы это...

– Беспокойство-то уж есть, я человек совестливый и, как выражалась в этих случаях моя покойная мать, пришёл, закрыв лицо рукавом... А потом, Абузар Гиреевич, – всё работа да работа, хочется иногда просто поговорить душевно, обновиться в чувствах. Иные в такие минуты и за бутылочку берутся, а непьющему остаётся действительно только сердечный разговор. У старых интеллигентов были хорошие традиции. Люди запросто ходили друг к другу в гости, взаимно доверяли самые сокровенные мысли. А теперь... Вот я живу в доме учёных. Встретимся с соседом – поздороваемся, а в гости – ни-ни. Почему? Да потому, что мало доверяем друг другу. Да, да, Абузар Гиреевич, если говорить правду, – именно так!.. А вам я верю и мысли свои от вас не скрываю, потому что знаю – вы честный человек, ничего не таите против меня. Видите, сколько словоизлияний, – усмехнулся над собой Янгура. – А короче, Абузар Гиреевич, у меня просьба к вам такая: не попросите ли вы Гаделькарима Абдулловича Чалдаева отрецензировать мой труд? Он большой специалист в области хирургии, к тому же честен и справедлив. А то ведь бывают не столько специалисты, сколько приспособленцы.

– Ладно, попробую поговорить с Гаделькаримом. Правда, сейчас у него очень мало времени. Садыков болен, и вся кафедра урологии лежит на Чалдаеве...

– Очень вас прошу, Абузар Гиреевич, – настаивал Янгура, – я и сам знаю, что у него дел по горло. Но иногда можно ради коллеги на время и отложить другие дела. Мы, татарские интеллигенты, слабо поддерживаем друг друга. Прискорбно, но надо признаться: говорим громкие слова о товариществе, о дружбе, а на поверку – мало у нас профессионального коллективизма, в результате – мы поотстали в сравнении с интеллигенцией других народов Союза, я бы сказал – значительно поотстали. Когда-то у нас учились, перенимали наш опыт среднеазиатские деятели науки, а теперь они сами далёко ушли вперёд. Они горят ярким пламенем, а мы...

Абузар Гиреевич замахал руками:

– Не горячитесь, Фазылджан. В горячке человек может потерять чувство меры.

– Я не горячусь, Абузар Гиреевич, просто иногда обидно бывает...

– Я тоже татарин, – продолжал профессор, – но не могу считать себя отставшим или жаловаться на недостаточное внимание. Моей деятельности дают широкий простор.

– Не берите себя в пример, Абузар Гиреевич. Вы – человек с мировым именем. Вас хорошо знает и зарубежная медицина. Таких, как вы, у нас можно по пальцам пересчитать. Вам давно бы звание академика присвоить...

– Хватит об этом, – решительно сказал профессор Тагиров.

Янгура встал и, сунув руки в карманы, прошёлся по кабинету. Вдруг остановился перед попавшейся на глаза фотографией.

– Простите, кто это? Кем она вам доводится? Я ещё не встречал среди татарских девушек таких красавиц.

– Значит, плохо смотрите, – подколол профессор.

Янгура промолчал, продолжая разглядывать портрет в овальной рамке.

– Эту карточку я ни на что не обменяю, Фазылджан, – пошутил Абузар Гиреевич. – Это одна из лучших моих учениц – Гульшагида.

– Вы чувствительно раните, Абузар Гиреевич. Но я не сержусь, мы старые друзья... Значит, эта девушка врач?

– Да!

– Вон как... С таким лицом ей можно бы стать киноактрисой. Сияла бы звездой первой величины... Где она работает?

– В деревне.

– Значит, совсем пропала! – в отчаянии сказал Янгура.

– Сама она несколько иного мнения.

– Наверно, не подаёт виду из-за самолюбия. За кого она там выйдет замуж? В лучшем случае – за учителя или агронома...

– Она, кажется, уже была замужем... Если не ошибаюсь, именно за агрономом.

– Вот видите!

Янгура неожиданно стал прощаться. Уже в дверях спросил:

– Что же вы решили насчёт той юной дикарки, которую мне показывали?

– Решили лечить.

– Эксперимент?

– И да, и нет.

– А... того, краснолобого?

– Он уже выздоравливает.

– Вон как!

На следующий день Абузар Гиреевич, выполняя просьбу Янгуры, позвонил Чалдаеву, однако не застал его, – сказали, что он на операции. Профессор попросил, чтобы Чалдаев связался с ним, когда освободится.

Гаделькарим Абдуллович позвонил домой Тагирову только вечером. Трубку взяла Фатихаттай. Насмешливо поджав губы, она сообщила Абузару Гиреевичу:

– «Бадьянов сад» зовёт к телефону.

Профессор тоже усмехнулся, снял очки и вышел в прихожую. Он сразу понял, о ком идёт речь. В компании, в гостях, Чалдаев, когда подвыпьёт, всегда затягивает эту песню. У него нет ни голоса, ни слуха. Но какую бы песню ни начинали другие, он, никого не слушая, неизменно заводит свой «Бадьянов сад». Потом, незаметно для себя, сворачивает на «Баламишкин» и заканчивает «Айхайлюком»⁷.

Они быстро договорились. Чалдаев пообещал, что по дороге домой зайдёт и возьмёт рукопись.

Положив трубку, Абузар Гиреевич заглянул в кухню, и, смеясь, сказал Фатихаттай:

⁷ «Бадьянов сад», «Баламишкин», «Айхайлюк» – популярные татарские народные песни.

– Гаделькарим сейчас ест пельмени у свояченицы, когда зайдёт к нам, наверное, захочет выпить чайку.

– Э, стану я готовить самовар из-за гостя, который пьёт не больше одной чашки! – фыркнула своенравная Фатихаттай. – Хватит того, что чайник подогрею.

Мадина-ханум тем временем с тётей Аксюшей сидели в гостиной на диване, вели тихую женскую беседу. Профессор подсел к ним.

Все дни тётя Аксюша проводит в больнице, у Галины Петровны, а вечера коротает в беседах с Мадиной-ханум или помогает хозяйничать Фатихаттай, а иногда рукодельничает.

– Вот я рассказываю, – повернулась тётя Аксюша к профессору, – до чего Галинушка была рада, когда Мадина Идрисовна и Фатихаттай навестили её. Как она хвалила мне их угощения! Говорит, таких вкусных вещей она в жизни не пробовала. Всё удивлялась, как замечательно готовят татарки.

– Эх, дорогая Аксинья Алексеевна, – вздохнул профессор, – что бы мы ни сделали для Галины Петровны, и я, и моя семья в неоплатном долгу перед ней, да и перед вами. Я и теперь поражаюсь, когда думаю о величии и доброте человеческого сердца. Горжусь, и плакать хочется.

– Не надо, Абузар Гиреевич, слёз и так было немало пролито за войну. О другом будем говорить... Нынче после обеда, смотрю, моя Галинушка повеселела, улыбается. «Видно, говорит, жизнь моя ещё не кончилась». Оказывается, вчера вы долго с ней беседовали. «Многое, говорит, вспомнили мы с Абузаром Гиреевичем, и он ободрил меня, надежду подал...»

– Нам есть что вспомнить с Галиной Петровной, – заговорил профессор. – Однажды в лесу она угостила меня замечательной гречневой кашей. Наши партизаны отбили у противника целый воз гречихи. Кашу мы запивали ромом, тоже трофейным. Великолепнейшим ямайским ромом! Оказывается, наши разведчики подбили машину немецкого генерала и вместе с генералом притащили целый ящик рома... А вот ещё был случай... Как-то я стирал свою рубашку. Галина Петровна, оказывается, следила за мной и вдруг как захохочет! Отобрала у меня рубаху и сама принялась стирать. Выходит, и стирать надо умеючи!

Профессор многозначительно гмыкнул несколько раз и покачал головой. Вдруг обратился к жене:

– Родная, совсем забыл тебе сказать – Галина Петровна очень любит липовый мёд. Да ей и полезно. Пожалуйста, постарайтесь завтра купить – ну, на рынке, что ли... – И опять перебил себя: – Аксинья Алексеевна, вас больше не беспокоит этот соглядатай – ну, тот, что вынюхивал, на каком основании вы так часто бываете в больнице?

– Нет, нет, теперь никто не тревожит меня.

Тем временем появился хирург Гаделькарим Чалдаев. Основная работа у него в железнодорожной клинике, и потому на нём путевская шинель с латунными пуговицами, на голове – форменная фуражка. На его маленькой фигуре шинель кажется очень длинной. Видно, недавно он был в парикмахерской – волосы коротко подстрижены, только надо лбом оставлен чуб.

– Сынок Гаделькарим, – встретила его в прихожей Фатихаттай, – неужели тебе, доктору, так уж обязательно носить эту долгополую чёрную шинель? Неужто не можешь заработать себе на хорошее пальто?

– Половину заработка, Фатихаттай, мне приходится отдавать квартирной хозяйке, а другую половину тратим на дрова и провизию.

– Когда же тебе дадут квартиру? Теперь ведь много строят жилых домов.

– Наш дом ещё без крыши, Фатихаттай.

– А ты будь похитрее. Дитя не плачет – мать не понимает.

– Плакал бы, да слёзы не текут. А за притворство меня в детстве секли крапивой – на всю жизнь отучили.

– Ну, если не хочешь врать, найди другие пути. Те, кто выдают квартиры, тоже небось хворают. Не сами, так жёны болеют. На свете нет женщины без хвори. Так напрямик и скажи: «Дашь квартиру – буду лечить, не дашь – отваливай». Другие-то давно уж переселились в казённые квартиры. Ты думаешь, им за красивые глазки дают?

– Не знаю.

– Вот поэтому и мёрзнешь, как воробей в худом гнезде, да ещё деньги платишь.

– Пока не мёрзну, у меня пальто на лисьем меху... Хозяин-то что подельывает? Как себя чувствует Мадина-апа?

– Да что-то прихварывает. У нас тоже холодно. Ни одна батарея толком не греет. Заходи, пожалуйста.

В больших комнатах каменного дома действительно было холодно. Все сидели в меховых безрукавках. Даже за чайным столом не сняли телогреек.

Абузар Гиреевич передал Чалдаеву просьбу Янгуры.

– Ладно, в свободное время посмотрю, – без особого энтузиазма ответил Гаделькарим.

Он не засиделся. Кончил говорить о деле и сразу же собрался уходить, сославшись, что у него у самого родственники в гостях.

– Люблю я этот «Бадьянов сад», – растроганно говорила Фатихаттай. – Вчера встретила на базаре Зюгру. В прошлом году она была такой хворой, ходила согнувшись, как коромысло. А теперь такая стройная, словно и не болела никогда. Расспросила я её, что и как. «Сорок лет, говорит, мучилась ужасной болезнью, наверное, десяти докторам показывалась. И вот сказали мне: есть, мол, здесь, в Казани, очень умелый хирург, зовут его Гаделькарим, покажись ему. Пришла я к этому Гаделькариму. «Нельзя ли, говорю, вырезать у меня эту мерзость – язву, а то она и в могиле не перестанет мучить меня...» Он отрезал без дальних слов, да так ловко и быстро, что я и не заметила, когда он взял в руки ножик, дай бог ему здоровья! Через две недели я уж поправилась. И вот теперь – будто снова родилась».

Абузар Гиреевич слушал и посмеивался. Он до самозабвения любил слушать рассказы об опытных, умелых врачах.

11

– Читали сегодняшнюю газету? О, тогда вы ещё не знаете о замечательной новости в мире казанской медицины!

– Необычайно смелая операция! Чудо!

– Вы ещё не поздравили Фазылджана Джангировича? Вот это новатор, вот это смелость! Недаром говорится: «Смелость города берёт».

В этот день казанские медики, особенно хирурги, только и говорили об этой операции. Профессору Тагирову эту новость сообщил молодой врач Салах Саматов. Абузар Гиреевич не очень-то любил сенсационные шумихи, но, поскольку речь шла о Янгура, попросил Салаха прочитать заметку. Салах развернул газету и стал с чувством читать:

– «Устранение заболеваний сердечно-сосудистой системы хирургическим путём широко стало практиковаться лишь в последние годы. Пластическая замена дефектных сосудов трубками из капрона, дакрона и других синтетических материалов становится новой областью хирургии... Заведующий кафедрой хирургии Н-й больницы Фазылджан Джангирович Янгура явился нашим пионером в этой области. Совсем недавно им произведена блестящая операция на сердце человека, страдающего пороком... Больной К. чувствует себя хорошо...»

– Какая сенсация! – воскликнул Саматов, кончив читать.

– Сенсация-то сенсация, – взыскательно оглядев Саматова, сказал профессор, – а почему вы небритый? Что у вас за воротник и галстук? Засалились! И почему от вас несёт, простите, конским потом?... Сегодня же откройте первый том Гиппократов и прочитайте раздел «Врач». Вот так!

Этим неожиданным поворотом профессор необычайно озадачил Саматова. Тот так и застыл на месте, не зная, что сказать, а профессор, заложив руки за спину, ушёл. Он думал в эти минуты об Азии. Может быть, Янгура и сумел бы сделать ей удачную операцию. И в газетах появилось бы сообщение: «Больная А. чувствует себя хорошо». Возможно, в заметке были бы и такие строчки: «Не лишним будет напомнить – профессор Т. почему-то не давал согласия на эту операцию. Правильно ли он поступил?» Что же, может быть, Абузар Гиреевич действительно постарел не только телом, но и умом? Может, потому и топорщит усы, когда при нём заводят разговор о смелости молодых врачей? Всякому своё: молодёжи – смелость, старикам – амбиции. И всё же он не отдаст Асию хирургу.

Профессор кинул взгляд в окно: не поймёшь, дождь идёт или мокрый снег. Деревья, заборы – всё мокрое, чёрное.

«Сенсация... сенсация...» – всё ещё недовольно бормотал профессор. Почему он, проработав полвека, не стал виновником ни одной сенсации? Неужели, его работа была неинтересной, серенькой, не героической?..

Но не прошло и часа – в уголках глаз профессора появились лучистые морщинки: обида отошла. Он ещё раз проверил в негатоскопе последние томографические и бронхографические снимки лёгких Галины Петровны и, подумав немного, резко вскинул голову и, словно ставя точку, сжатыми в один кулак ладонями стукнул по столу:

– Да, так!

В кабинете начали собираться вызванные врачи. Абузар Гиреевич, даже не объяснив им причину вызова, сразу повёл всех к койке Галины Петровны. Стремительно вошёл в палату, сказал общее «здравствуйте», проверил пульс у больной и, устало улыбнувшись, сказал:

– Ну вот... Самому нелегко было, и вас всех измучил тем, что так долго не ставил свой диагноз... Дорогая Галина Петровна, забудьте всё, что вам говорили раньше. Мой последний, твёрдый диагноз: бронхоэктазия. Так! И ничего больше.

Из груди больной вырвался облегчённый вздох. Лица лечащих врачей тоже просветлели. Это уже не безнадежный случай. С бронхоэктазией можно бороться.

– Да, да! – продолжал Тагиров. – Пусть вас не беспокоят пятна в ваших лёгких, они скоро исчезнут. С завтрашнего дня начнём лечить вас новейшими антибиотиками.

Профессор повернулся к Магире-ханум и начал диктовать свои назначения. Потом снова склонился над Галиной Петровной, спросил с улыбкой:

– Диляфруз передала вам мёд? Помните, ещё тогда, в партизанском отряде, вы говорили мне, что хотели бы попить чайку с липовым мёдом? Ну вот и пейте на здоровье.

Профессор не позабыл – Магира-ханум ещё вчера докладывала об одной очень капризной и трудной больной. Она лежала в той же палате, где и Галина Петровна. Абузар Гиреевич перешёл к её койке. Как всегда, приветливо поздоровался.

Русоволосой и тонкобровый, с тонкими губами Анисе Чиберкеевой было тридцать лет. Она – финансовый работник. По её словам, она впервые почувствовала приступы болезни в прошлом году. А теперь и разговаривать-то спокойно не может – трясётся, как в лихорадке. Губы у неё плотно сжаты, словно она страшно боится, как бы невольно не сорвалось с языка что-то роковое, непоправимое. А глаза широко открыты, ищущие, беспокойные.

– Ну-ну, возьмите себя в руки, – уже не раз повторил профессор. – Вы хотели меня видеть, не так ли?

Наконец у Чиберкеевой дрогнули губы. Она торопливо заговорила, глотая слова. Однако понять её было трудно. Она путала, коверкала, повторяя услышанные от кого-то или бегло прочитанные в каких-то брошюрах «модные» слова. По мнению Анисы, причина её странной болезни – бурный, стремительно бегущий двадцатый век. Мать её дожила до восьмидесяти, бабушка умерла после девяноста, а вот Аниса уже в тридцать лет чувствует себя обречённой...

– Если захотите, вы можете прожить не меньше ваших почтенных родичей, – серьёзно проговорил профессор.

– Господи, ещё бы не хотеть! – воскликнула Чиберкеева.

– Тогда поговорим откровенно, Аниса. Хотеть можно по-разному. Вы дали полную возможность разыграться своим нервам. А их надо держать вот так! – профессор сжал кулак и потряхнул головой. – Нервы – глупцы, отдаваться их воле опасно. Бодрое, весёлое настроение, любимый труд надёжней самой крепкой брони предохраняют человека от всяких болезней. А подавленное настроение губит человека.

– Нет, нервное расстройство зависит не от самого человека, а от эпохи. Я знаю, я же не какая-нибудь тёмная женщина!.. – возбуждённо и упрямо повторяла больная.

– Наше время, конечно, отличается от времени наших прадедов. Нервная нагрузка современного человека несравнимо больше, чем у людей прошлых веков. Мы в течение одной недели, даже одного часа порой видим, слышим и вынуждены запоминать столько, сколько предкам нашим хватило бы на всю жизнь. Но эта нагрузка не так уж вредит нам, Аниса. Ведь наш организм сам собой приспособливается к новой среде. А вот если бы перенести в современную эпоху наших прабабушек и прадедушек, их нервная система не вынесла бы нынешних темпов жизни... Вы курите? – вдруг спросил профессор и, заметив смущение Анисы, сказал: – Бросьте эту гадость. Сразу почувствуете себя лучше.

– У меня часто возникают боли в животе, – пожаловалась Чиберкеева. – Курение вроде бы успокаивает.

Магира-ханум что-то сказала профессору по-латыни. Чиберкеева, сразу дрогнувшим голосом, спросила:

– Что она сказала?

– Она сказала, что у вас, может быть, глисты, – не моргнув глазом, ответил профессор и велел Анисе откинуть одеяло.

Больная отбросила одеяло. У неё уже не было ни стыда, ни даже смущения, так свойственных женщинам при медицинских осмотрах. Она уже привыкла. И всё же нервы её были напряжены, как тугая пружина. Едва профессор прикоснулся к её животу, больная пронзительно вскрикнула.

– Почему вы кричите? – спокойно спросил Тагиров.

– Больно... – нерешительно ответила Аниса.

– Когда вы острее ощущаете боль – до еды или после?

– Ночью... Как только задумаюсь...

– Вы пережили какое-нибудь сильное горе?

– Нет, нет, у меня не было переживаний... Совсем не было! – с необычайной горячностью возразила Чиберкеева. Затем закрыла лицо руками. Но тут же отняла их и с отчаянием крикнула: – Зачем вы задаёте всякие вопросы? Вы же знаете, что у меня рак... рак! Вон сколько анализов. – Она вынула из-под подушки и бросила на одеяло целую пачку бумажек. – Вы только скрываете от меня. Рак в начальной стадии излечим, я читала... У меня все симптомы налицо... Так лечите же меня!

– Нет, Аниса, всё это ваши выдумки, – твёрдо говорил профессор. – Давайте условимся: регулярно пейте лекарства, которые я назначу, бросьте курить, ежедневно выходите на прогулку на свежий воздух...

– Но ведь рентгеновский снимок показывает какое-то затемнение.

– Затемнение, Аниса, можно найти почти в каждой снимке. Надо отличать одно от другого. Выкиньте из головы эти глупые мысли.

Профессор поднялся с места и направился к двери. Тут его остановила больная, которая до этого молча сидела на койке и вязала кружево:

– Абузар-абзы меня уже и не замечает. А я-то хотела показать, какие гибкие стали у меня пальцы. Неужели у вас и словечка тёплого не найдётся для меня, бедняжки?

Профессор остановился, весело вскинул брови.

– Это вы-то, Карима, бедняжка?!

– Очень я соскучилась по детям, по дому, – тихо пожаловалась Карима. – Не пора ли мне на выписку?

Профессор взял у неё из рук кружева, с любопытством посмотрел, затем велел подвигать пальцами.

– Больно?.. А так?.. Тоже не больно? Ну и отлично! А вы ещё обижаетесь! Я позвонил к вам на фабрику. Обещали вам путёвку. Поедете из больницы прямо в санаторий, на грязелечение.

Женщина вдруг всхлинула, принялась утирать слёзы.

– Вот тебе на, вот и скажи ей тёплое словечко! – засмеялся профессор. – Сразу нагрелась такая оттепель... Не годится!

– Не знаю, как благодарить вас за то, что вылечили... Да ещё путёвка... А вон для Марьи Митрофановны выхлопотали через горсовет квартиру...

– Хватит, хватит! – Абузар Гиреевич взял с тумбочки книгу. – Такташ?.. Это кто читает? Асия, что ли?

– Не стану же я читать стихи, – смеясь сквозь слёзы, ответила Карима.

Асию профессор встретил в коридоре, где она о чём-то живо разговаривала с Салахом Саматовым. Профессор прошёл мимо, только погрозил пальцем своей любимице.

Магира-ханум повела профессора к новому больному. Этот странный человек ни минуты не может побыть без врача или без сестры. Если долго не появляются – поднимает скандал, грозит пожаловаться Тютееву и ещё кому-то «выше»: дескать, если с ним что-нибудь случится, несдобровать всем врачам, да и больницу прикроют.

– Не обращайтесь на него внимания, – сказал профессор.

– Как же не обращаться? Вчера Тютеев сделал мне выговор по телефону: «Вы не всегда внимательны к больным. Надо понимать, кто в первую очередь нуждается во внимании».

– Если позвонит ещё раз, скажите ему, чтобы обратился ко мне, а сами не вдавайтесь в объяснения, – ответил Тагиров. – Где ваш привередливый больной?

Зашли в палату. Профессор начал со своего неизменного «здравствуйте».

– Ханзафаров Мустахим Максutowич, пятьдесят пять лет, служащий, – привычно докладывала Магира-ханум. – С пятьдесят девятого года страдает гипертонией. Сердечный приступ начался на работе. В больнице четвёртый день, приступ не повторялся. Дважды произведена электрокардиограмма.

– Теперь сами расскажите о себе, – обратился Абузар Гиреевич к больному.

– Прежде всего я должен сказать, товарищ профессор, что, несмотря на неоднократные мои требования, даже протесты...

– О жалобах после. Расскажите, что вас беспокоит.

– Со здоровьем у меня очень плохо, товарищ профессор, – заныл Ханзафаров. – Однако в истории болезни теперешняя моя должность...

– Мы не собираемся принимать вас на работу, должность не имеет значения.

– Как не имеет значения, если я номенклатурный работник?

– У нас ко всем одинаковое отношение. Однако вы, как я вижу, страдаете административной болезнью. – Профессор собрался подняться с места.

– Как это – административной?! – воскликнул Ханзафаров. – Всё время давит и колет сердце... Ещё в обкоме закололо...

– Вы что, немного поволновались на работе?

– Если бы немного, у меня и ус не дрогнул бы, товарищ профессор. А то и вспомнить страшно...

– Тогда не вспоминайте. Вас отправили в больницу прямо с работы?

– Что вы, товарищ профессор! Разве можно в партийном учреждении выставлять напоказ свою немощь! Я пришёл домой и говорю жене: «Ну, над моим отделом гроза собирается. Может быть, пока не прояснится, съездить куда-нибудь на курорт? Ты ведь знаешь, какое у меня сердце». А она говорит: «Тебе в дороге хуже будет. Я знаю твою мнительность». Надо сказать, жена у меня очень грамотна в медицине, даже врачи не могут её переспорить. После её слов в сердце у меня сразу закололо, ещё сильнее, чем в обкоме. Ночью проснулся – совсем не могу дышать, всю грудь заложило... Жена – к телефону. Слышу, кричит: «Скорей, очень опасное положение!» Я, конечно, тоже того... растревожился...

Профессор рассмотрел ленты электрокардиограммы. На одной из них он дольше задержал внимание. Ханзафаров лежал неподвижно, наблюдая за лицом Абузара Гиреевича. И вот – душа у него ушла в пятки. Ему казалось, что лицо профессора темнеет, – значит, на плёнке черным-черно. У Ханзафарова задрожали губы.

– Профессор, неужто он самый?!

Тагиров мельком глянул на него и подумал: «Где я слышал этот клокочущий голос?»

– Откиньте одеяло, – сказал профессор, прилаживая к ушам фонендоскоп. Он со всей внимательностью прослушал больного. Затем обратился к Магире-ханум: – *Sanus!*⁸ Если боли не прекратятся, можно сделать новокаиновый блок. А вам, Мустахим...

– Максutowич, – торопливо подсказал больной.

– ...нет оснований тревожиться за своё сердце. Если хотите скорее поправиться, лежите спокойно. Не забывайте, что здесь больница, рядом с вами лежат другие больные. Их тоже надо уважать, не тревожить. У вас что, очень беспокойная работа?

⁸ Здоров! (лат.).

– Не знаю, есть ли на свете работа беспокойней, чем моя! – сразу воодушевился Ханзафаров. – Хозчасть! Целый день висишь на проводе. Как только терпит телефонная трубка...

Теперь профессор вспомнил: в тот день, когда он отказывался класть в больницу мать Султанмуратовой, вот этот клокочущий голос убеждал его, даже грозил.

– Вы курите? – спросил профессор.

– Одну «алтынчеч» и одного «шурале»⁹ в день, не больше.

– Диляфруз, – обратился профессор к сестре, – «Шурале» и «Алтынчеч», сколько найдётся в тумбочке, – в мусорный ящик. А как насчёт вина? – обратился он к больному.

– В меру, товарищ профессор.

– Диляфруз, откройте-ка тумбочку и посмотрите. Не может быть, чтобы хозчасть не позаботилась о запасах.

И действительно, Диляфруз извлекла из тумбочки с десятков пачек папирос и бутылку коньяка.

Профессор крепко отчитал Ханзафарова за нарушение больничного режима и предупредил, что, если ещё обнаружит хоть капельку спиртного, его немедленно выпишут из больницы.

– Вот так, Мустахим, – закончил профессор уже по-дружески, – отныне не курить ни одной папироски, не пить ни капли коньяку.

– Навсегда?

– Да, навсегда!

– Последние удовольствия отнимаете, профессор! Что же останется? Лучше уж умереть.

– Вот я и вина не пью, и не курю. А умирать не собираюсь, да ещё вас лечу.

Когда профессор собрался уходить, у Ханзафарова опять задрожали губы.

– Абузар Гиреевич, болит ведь! – сказал он умоляюще. – Вы уж, пожалуйста, прикажите им, – кивнул он на стоящих в стороне врачей и сестёр, – пусть не оставляют меня одного. Или же разрешите дежурить жене. А то по ночам меня мучает страх.

– Простите. Не верю в ваши страхи. Вы же из камня вытесаны.

– Откуда вы знаете меня?! – удивился польщённый Ханзафаров. – Ко мне ведь большие учёные ходят со всякими просьбами. Да и то не всегда получают, что просят.

– А я-то не знал! – усмехнулся профессор в усы. – Мне всего-то нужно три-четыре листа кровельного железа. Каждую неделю мастер ремонтирует крышу и всякий раз уносит поллитровку, а крыша не перестаёт течь.

– Жулик! – возмутился Ханзафаров. – Я пришлю вам своего Юзмухаммеда¹⁰.

– Пожалуйста, не надо! – взмолился профессор. – Кровельщик, который к нам ходит, тоже Мухаммед. Если придут сто Мухаммедов, совсем разорят... А жене вашей дежурить здесь я запрещаю категорически. Во всём остальном поступайте, как скажет она, но когда дело касается медицины, лучше её не слушать. Если бы посоветовались не с женой, а с врачом, вы бы сейчас гуляли на курорте.

Позже, когда вернулись в кабинет, профессор вот что сказал Магире-ханум о Чиберкеевой и Ханзафарове:

– Чиберкеева – типичная ипохондрика!¹¹ На беду свою, попала к «футболистам». К сожалению, у нас ещё встречаются врачи, которые гоняют больных от одного к другому, как футбольный мяч. Видели, сколько бумажек набрала Чиберкеева? Это ведь ужасно! И вот она требует лечения не настоящей болезни, а той самой, что указана в бумажках. Поди в них разберись. Болезнь её, безусловно, началась после какой-то душевной травмы. Но Чиберкеева почему-то скрывает это. Пока давайте ей только успокоительные средства. Но она ещё доста-

⁹ Названия папирос. Ханзафаров пытается каламбурить: «алтынчеч» – золотоволосая, «шурале» – леший.

¹⁰ Буквально это имя означает Сто Мухаммедов, то есть на все руки мастер.

¹¹ Ипохондрик – в медицинском понимании: человек, убедивший себя в мнимом заболевании.

точно помучает нас. Это не Асия. Асия в сравнении с ней золото. Конечно, я имею в виду характер.

Профессор был прав, Чиберкеева пережила большое горе. Два года назад у неё умер муж. Через год после этого она встретила давно знакомого человека, который нравился ей в юности. Он приехал в командировку из Москвы. Вспоминая прошлое, они гуляли по саду, сидели в ресторане, затем... очутились в гостинице. Через некоторое время Чиберкеева начала думать, что беременна, и очень боялась, как бы не догадались об этом домашние и товарищи по работе. Расстроенная, она побежала к врачу. Тот подтвердил беременность. Женщина решила сделать аборт. Но специалист, к которому она обратилась, отправил её домой, заверив, что беременности нет. В полной растерянности Чиберкеева помчалась к третьему врачу. Побывав таким образом у нескольких специалистов и перестав верить кому бы то ни было, она добилась приёма у известного в городе профессора. Превосходный знаток своего дела, но человек резкий, он, осмотрев Чиберкееву, заявил:

– Много видел я на своём веку дур, но такой, как вы, ещё не встречал. Идите домой и не обращайтесь больше к врачам. Вы не беременны.

Чиберкеева постепенно успокоилась, но через некоторое время впала в новую тревогу. Случайно она прослушала лекцию «Опухоли у женщин». Лектор слишком подробно перечислял симптомы грозной болезни. Чиберкеева слушала ни жива ни мертва. На следующий день накупила популярных брошюр о раке и начала выискивать у себя соответствующие симптомы. Что только не приходило в её охваченную тревогой голову... Она опять кинулась к врачам, говорила о своей болезни так, как написано в книгах. Если бы и в этот раз ей встретился врач с твёрдым характером и отругал бы её, возможно, на этом бы дело и кончилось. К сожалению, она действительно попала, как выразился профессор, к «футболистам» и... в конце концов легла на больничную койку.

– Зачатки этой же болезни есть и у Ханзафарова, – продолжал профессор, – только он не придумывает себе болезнь, а преувеличивает ту, которая у него есть. Как только снимем у него спазмы сосудов, он быстро поправится. А чтобы лечить психику Ханзафарова, следовало бы перевести его в палату к Николаю Максимовичу. Это ироничный, я бы даже сказал – язвительный человек. Спесивцы вроде Ханзафарова больше всего боятся насмешки. Не сильно травмирующая насмешка была бы в данном случае лучшим лекарством для Ханзафарова.

– Тогда давайте переведём больного с «красной чалмой» в другую палату, а на его место положим Ханзафарова, – предложила Магира-ханум.

– Нет, этого нельзя делать, Магира-ханум. «Красная чалма» может обидеться. Подождём, когда он выпишется.

* * *

Вечером, подавая профессору ужин, Фатихаттай, по обыкновению, принялась жаловаться на холод в доме, подозревая, что опять где-то неладно с крышей, возможно – и с потолком. Профессор вспомнил про ханзафаровского Юзмухаммеда, со смехом рассказал об этом Фатихаттай.

– Эх, Абузар, Абузар, – вздохнула Фатихаттай, – сущее дитя ты в жизненных делах. Разве можно было отказываться, если заболевший начальник в благодарность врачу набивается прислать своего мастера! Вон, погляди-ка, стена-то опять мокрая, ткнёшь пальцем – штукатурка сыплется. От вечной сырости и сам бываешь нездоров, и Мадина, бедняжка, часто болеет, и у меня в груди колет. А потом эти распроклятые батареи... Тепла нет, а течёт из них, как из озера. Утром прихожу с базара – ведро переполнено, на полу целая лужа. Соседи внизу подняли скандал.

– Завтра зайду в домоуправление и скажу, чтобы Мухаммеда прислали, – сказал смущённый профессор.

– Что хорошего ждать от этого пьяницы? Только скалкой по голове стукнуть.

– А разве лучше будет, если придут сто Мухаммедов? – засмеялся профессор. – Одной скалкой тут не отделаешься.

– Если бы этот начальник оказался действительно порядочным человеком, я бы и слушать не стала тебя. Сама сумела бы потолковать с ним, – не сдавалась Фатихаттай.

Лицо у профессора стало серьёзным.

– Нет, Фатихаттай, не открывай дверь, если даже и заявится этот «Сто Мухаммедов». Моё слово твёрдое.

– Не приказывай мне, пожалуйста! – вскипела Фатихаттай. – Я тебе не врач и не сестра. Фатихаттай – вольный казак.

Абузар Гиреевич от души рассмеялся.

– Ничего смешного, – сурово отпарировала Фатихаттай. – На днях Мадина послала меня по делу к Янгуре. Как вошла к нему в квартиру, чуть не ослепла. Какая мебель! Не то что у нас – развалина на развалине, – у него всё новенькое, полированное, всё сверкает, как зеркало. На такую мебель, думаю, и пыль-то не садится, а сядет – так только опахнуть. А нашу пока протрёшь, пока выскребешь пыль из резьбы – без рук останешься. А книги у них все в застеклённых шкафах. А какие абажуры! Не позеленевшие, с разбитой головкой, как у нас... Скажи, когда мы покупали эту люстру? Тогда и Мансура ещё не было на свете... Стекло, наверно, уже сгнило...

– Стекло, Фатихаттай, не сгниёт и в тысячу лет.

– Разве только болгарское не гниёт, а о другом – не скажу, – не сдавалась Фатихаттай. Лет десять тому назад она ездила смотреть развалины древних болгарских поселений и привезла оттуда множество стеклянных осколков. – А цветы у Янгур, – продолжала расписывать Фатихаттай, – не какие-нибудь фикусы-микусы да пальмы, как у нас, а особые, растущие только под стеклянным колпаком. Не изрежешь, не занозишь руки, когда протираешь такие цветы, да и поливать их не надо...

Профессор взглянул на часы.

– Ну, всё, Фатихаттай, сеанс окончен. Спасибо за ужин и за лекцию.

– На здоровье. – Фатихаттай начала собирать посуду, продолжая бормотать: – Был бы начальник порядочный, обязательно прислал бы своего Юзмхаммеда...

12

Далёкое детство каждому человеку заронило в душу какое-нибудь особенное воспоминание, на крайний случай – какое-нибудь любопытное событие или что-то смешное. Эти дорогие сердцу воспоминания долгие годы таятся где-то в закоулках памяти, но однажды, без всякой видимой причины, заставляют человека пробудиться в тихий предрассветный час, вызывают у него сладкие или печальные слёзы. Слёзы эти не жгут сердце, не терзают душу, – наоборот, человек начинает ощущать в себе какую-то лёгкость, чистоту. Ничего у него не болит в эти минуты, ничто не беспокоит, словно и нет вообще у него до крайности исстрадавшегося тела – есть только душа, плывущая куда-то вдаль. Человек погружается в сладкие и чуть грустные думы, продолжает вспоминать, вспоминать – и нет конца-краю этим воспоминаниям. Глаза у человека открыты, в комнате уже совсем светло, но мечтатель ничего не замечает, словно гуляет по какому-то бесконечному прекрасному лугу. Если это происходит в больнице, тяжёлое и тревожное дыхание, стоны больных на соседних койках и слышны ему, и не слышны. В ушах у него другие звуки – чьи-то ласковые речи, нежное, как музыка, журчание ручейка...

Проснувшись сегодня перед рассветом, Галина Петровна испытывала именно такие ощущения и чувства. Если бы сама она не была врачом, радость, возможно, пришла бы к ней пораньше. Но ведь она хорошо знала серьёзность, даже безнадежность своей болезни и потому, если ей становилось иногда легче, не спешила радоваться, держала свои чувства в крепкой узде, насколько хватало сил. Для врача не секрет: в больнице, под действием тех или иных лекарств, состояние больного очень заметно улучшается, он уже думает, что вот-вот поправится, встанет на ноги, – и тут вдруг болезнь схватит его крепче прежнего, и неотвратимая смерть наконец сделает свое чёрное дело. Кроме того, почти у каждой болезни есть свои скрытые свойства, пока ещё не вполне распознанные медициной. Глядишь, вроде бы наука уже досконально знает природу, тонкости и коварство того или иного недуга и уже открыла средства против всех этих неожиданных поворотов, но всё же случается, что лучшие специалисты-медики оказываются просто бессильными перед той же известной болезнью, потому что она вдруг проявляет себя по-новому.

Врач-практик хорошо знает такие казусы. И не забывает о них, если вдруг сам заболел. И не зря говорят, что лечить больного врача столь же трудно, сколь и легко. Во всяком случае, не сведущие в медицине люди гораздо спокойнее переносят явления тяжёлой болезни, веря во всё, что им скажет врач.

Новый обнадеживающий диагноз профессора Тагирова радостно взволновал Галину Петровну. А потом она почувствовала чудесную силу антибиотиков, и состояние её улучшалось изо дня в день. Сковывавший её душу холодный лёд словно начал таять, и в её груди, где раньше теснились лишь бесконечные тревоги, словно повеяли тёплые вешние ветры, и она затрепетала от радостного ощущения жизни. Уже давно забытые воспоминания снова всколыхнули душу.

В молодости Галина Петровна и не думала, что будет врачом. Ей ни о чём особенно не мечталось. У неё было только два ситцевых платяца, ленточка для кос да дешёвенькие белые тапочки. Что ещё надо шестнадцати-семнадцатилетней деревенской девушке? На столе хлеб, молоко, картошка – поешь досыта и радуешься жизни; захочешь – побежишь на луг собирать цветы. Белым ромашкам счёту нет... Ничто не стесняет её свободу, она как птица на крыльях. Если печёт солнце – пусть печёт, идёт дождь – пусть идёт, бушует буран – пусть себе бушует. Галке не жарко и не холодно, не грустно и нечему особенно радоваться. Заскучает – так побегит к подружкам.

Да, тогда она была ещё не Галиной Петровной, не Галиной, и даже не Галей, а просто Галкой, и это имя необычайно нравилось ей, как сама беззаботная юность.

Именно в эту прекрасную пору тяжело заболела старшая сестра Галки. Это была очень стройная, миловидная и трудолюбивая девушка. В работе ли, в играх ли, в песнях и плясках не только в деревне, во всей округе не было ей равных. И вот эта цветущая девушка начала чахнуть. Вначале судачили, что она сохнет от неразделённой любви, затем стали говорить, что её сглазили, напустили порчу. Галина поверила этим рассказам и жила стремлением отомстить кому-то за сестру.

Однажды летом, на рассвете, сестра вдруг разбудила её.

– Галка, Галка, смотри, как прекрасна река! – воскликнула она, глядя в открытое окно.

Галина, раскрыв глаза, тоже взглянула в окно. На берегу, между ивами, плывёт розовато-белый туман. Видны очертания крыльев мельницы на взгорье, на том берегу. Вон конец верхнего крыла вдруг вспыхнул, вон тем же золотистым светом озарилась и крона ветвистого клёна – поднималось солнце, пронизывая туман золотыми лучами. Воздух был тёплым, как парное молоко, и сладким, как мёд.

– Галка, давай искупаемся у плотины, пока никто не встал, – сказала сестра. – Сейчас вода прозрачная... Я видела сон, будто купаюсь у плотины; искупалась – и вдруг ничего у меня не болит, здорова, как прежде.

Сёстры спустились к плотине. И тут же остановились. В кустарнике ошалело свистели соловьи. Эх, и заливались же соловушки! Один другого нежней, один другого страстней.

То ли дорога оказалась не близкой, то ли слишком взволновали соловьи своим пением, но, пока добрались до плотины, больная сестра выбилась из сил. Она опустилась на траву под вязом и горестно сказала:

– Галка, ты уж искупайся одна. А я только погляжу на тебя.

Или слишком наивной была тогда Галка, или хотела сделать что-нибудь доброе для сестры, но взяла да и кинулась в воду. Купаться в тихой и гладкой, как зеркало, в меру прохладной воде – одно удовольствие. Ох и плавала, ох и ныряла, как рыбка, ох и наслаждалась Галина! Не зная предела своей радости, она звонким голосом кричала, звала сестру:

– Как чудесно-о, как хо-рошо-о!.. – и звонкое эхо её голоса отдавалось, будоража тихую заводь.

Выйдя из воды и надев на мокрое тело тонкое платье, Галина, съёжившись, дрожа от утреннего холода, прижалась к сестре. А сестра обняла её и прошептала на ухо:

– Галочка, искупайся ещё разок за меня. Не зря же мне приснился такой чудный сон. А то не пожалеть бы после, что не догадались.

Галка преданно посмотрела в глаза сестре и увидела – её чистые голубые глаза были полны слёз.

– Родная моя! – вскричала Галка. – Да я хоть десять раз искупаюсь, поправляйся только! Вдруг сестра прильнула к её груди и зарыдала.

– Галка, ты нынче весной кончаешь десятилетку, поступай в медицинский институт, будь доктором... Будешь лечить и меня, и таких, как я, – сказала она, наплакавшись вволю.

В ту минуту сестра не взяла с Галины никакого обета, но Галина уже считала в душе, что поклялась сестре самой святой клятвой выполнить её просьбу. В ту же осень она поступила учиться в медицинский институт. А когда приехала летом на каникулы, сестру уже похоронили...

Сегодня на рассвете Галине Петровне ярко вспомнилось то бело-розовое, туманное утро, соловьи, тихая вода у плотины. И сейчас на какую-то минуту показалось, что сестра ещё жива. Ей стало так приятно, так легко и спокойно. По всему телу, по всем суставам разлилась живительная сила, будто Галина Петровна только что вышла из воды после освежающего купания. Казалось, что если она встанет сейчас, то найдёт силы даже пробежаться. В другое время, стоило ей вспомнить сестру, сердце всегда сжимала тоска, а сегодня тоски нет, только лёгкая, светлая грусть.

Рождался новый день. И чем больше светлело, тем больше назревало в душе Галины Петровны желание встать с постели и поглядеть в окно. По-видимому, это тоже признак выздоровления. Сердце ведь многое предчувствует заранее.

Аксинья Алексеевна, как солнышко ясное, являлась ровно в восемь. Вот и сегодня она в ту же минуту открыла дверь палаты. На улице, видать, довольно холодно – у старухи покраснел кончик носа, из глаз выступили и застряли в морщинках слёзы.

– Вот Фатихаттай с Мадиной Идрисовной прислали тебе клюквенный кисель, очень вкусный, – заговорила она, вынимая из сумки стеклянную банку.

– Спасибо, – поблагодарила Галина Петровна. – Ты, Аксинья Алексеевна, сказала бы им, чтобы не беспокоились так. И без того мы доставили им столько хлопот.

– Людям с доброй душой, Галиночка, и хлопоты – не хлопоты. А человек с мелкой душонкой и от пустяка стонет. – Тётя Аксюша стала засучивать рукава. – Ты ещё не умывалась?

– Я умылась в реке, – улыбнулась Галина Петровна.

Тётя Аксюша посмотрела на неё и сразу засияла.

– То-то, гляжу, щёки у тебя порозовели... Во сне, что ли, видела?

– То ли во сне, то ли наяву – не поняла.

– Значит, тебе захотелось ванны, – заключила тётя Аксюша. – Если Магира Хабировна разрешит, сегодня искупаю.

– Нет, тут другое...

– Другое или нет, а душа с телом едины, Галинушка.

13

После обхода профессора у Чиберкеевой наметилась какая-то перемена. Она уже не раздражалась ежеминутно, как в первые дни, не будоражила всю палату своими страхами и сомнениями, даже плакать стала реже. При входе врачей она уже не вздрагивала, не настораживалась, словно в ожидании страшной беды. Иногда на лице её даже появлялась слабая улыбка. Видя это, радовалась и Магира-ханум. И ко всему – у Анисы наладился сон, а это уже начало всех начал. Конечно, Магира-ханум понимала, что у больной ещё нет твёрдой почвы под ногами, что она продолжает сомневаться, всё ещё думает, что ей не говорят всю правду. И это было отчасти так, но только в другом направлении. Чиберкеева не переставала думать: «Врачи ведь тоже ошибаются. Вон какой страшный диагноз поставили было Галине Петровне в Туле. А со мной может получиться наоборот». И ей казалось, что настоящую правду могут сказать лишь сёстры. Она решила прежде всего поговорить с Диляфруз. Эта девушка выглядит всех добрее. Но Диляфруз на все вопросы Чиберкеевой отвечала одной и той же фразой: «Поговорите с врачом».

– Ходите тут, как овцы, опустив уши! – крикнула раздражённая Чиберкеева и принялась обвинять сестру в бессердечии, даже назвала бессовестной.

Но Диляфруз, сохраняя удивительную выдержку, ответила:

– Неужели вы похвалили бы меня, если бы я своей болтовнёй причинила вам новую боль, Аниса-апа?

– Нет, ты всё знаешь, только тебе не велят говорить... Но я ведь только для себя спрашиваю... Никому слова не скажу, Диляфруз, – вкрадчиво льстилась Чиберкеева.

Но и это не подействовало на Диляфруз. А у других сестёр Чиберкеева и сама не пыталась выведывать, – всё равно не скажут. Может быть, у кого-нибудь из врачей спросить? Есть же среди них жалостливые.

Однажды вечером в их палату зашёл дежурный врач Салах Саматов. Настроение у молодого человека было великолепное. Он шутил, смеялся.

– Салах Саматович, – обратилась Чиберкеева немного наигранно, – вот профессор говорит, что у меня никакой серьёзной болезни нет. Тогда от чего же меня лечат здесь?

– Лечить можно от многого, – в тон ей ответил Саматов и продолжал весело болтать с Асийей.

Чиберкеева повернулась лицом к стене и притихла. Вскоре послышались её всхлипывания.

– Что вы там сырость разводите! – грубовато сказал Саматов. – Дома, если захотите, плачьте вдоволь, а здесь не беспокойте больных.

Чиберкеева вдруг повернулась к Салаху, её лицо, мокрое от слёз, было перекошено, глаза злые. С горечью и отчаянием она выкрикнула:

– Уходите, уходите отсюда, вы не врач!

Разговор шёл на татарском языке, и Галина Петровна ничего не поняла. А Чиберкеева весь этот вечер пролежала молча. Ночью не спала, на следующий день не только не разговаривала, но и не ела. Не отвечала ни Магире-ханум, ни Диляфруз, подходившим к ней с расспросами, и, не выдержав, обрывала их: «Не травите душу!» Лицо у неё словно окаменело, губы посинели.

Если человек плачет, стонет, ругается, это не очень страшно, потому что таким путём он чего-то добивается, за что-то борется. Но если он целыми днями, не произнося ни слова, молча лежит, глядя в стену, это уже опасно, это значит, что он потерял надежду на лучший исход, что он внутренне надломлен. Не зря медики говорят, что боль, которая не вызывает слёзы на глазах, заставляет плакать душу.

Чиберкеева поднялась с постели только вечером следующего дня. Волосы её растрёпаны, взгляд какой-то странный. Цепляясь за стены, покачиваясь, она вышла из палаты, но вскоре вернулась обратно и опять легла. До рассвета не сомкнула глаз. Она совсем почернела. Встревоженная Магира-ханум вызвала психиатра. Но настоящего разговора, который ободрил бы больную, не получилось и с психиатром.

В воскресенье, уже третий день, Чиберкеева продолжала молчать. Выпала минута, когда в палате остались только Галина Петровна с тётёй Аксюшей, и Чиберкеева обратилась к тётё Аксюше:

– Что это за врач была, блондинка, которую приводила Магира? Психиатр, что ли?

Тётя Аксюша принялась осторожно успокаивать её, но Аниса раздражённо крикнула:

– Я теперь никому не верю, они все обманывают меня, они хотят отправить меня в сумасшедший дом, но я не сумасшедшая, нет!

Галина Петровна в свою очередь попыталась утихомирить её, но Аниса, повернувшись к ней, зло сказала:

– Ах, не утешайте, пожалуйста! Вас хоть лечат, а обо мне никто не заботится!

– Те же врачи, Анфисочка, и вас лечат, – вмешалась тётя Аксюша.

– Не говорите пустое! Я не слепая, хорошо вижу, кого и как лечат!..

– У кого душа незрячая, так и глаза ничего не видят, не глаза – дырочки от сучка, – не выдержав, сказала вошедшая в палату Карима.

Чиберкеева, по своему обыкновению, повернулась к стене и замолчала. Днём её навестила какая-то старуха со сморщенным, словно печёное яблоко, лицом. В палате сидела, читая книгу, Асия; увидев неприятную старуху, она вышла.

– Что болит у этой красотки? – спросила старуха, с кислой миной поглядев вслед девушке.

– Ничего не болит, спит себе, как барсук в норе, – ответила Чиберкеева. И, оглядевшись кругом, спросила: – Принесла?

– Как не принести, раз просила. Сама ездила к знахарке в Ягодную. Отказалась было наотрез: «Не дам, говорит, раз она доверилась врачам». Я приврала маленько: «Уже вернулась, говорю, домой». Ты знаешь, наверно, Каусарию – жену Камали из Новой слободки? У неё болезнь была вроде твоей. Ни один врач не мог помочь, сказали, что умрёт. Так вот она всего лишь два раза выпила снадобье этой знахарки и сразу встала на ноги. Сама видела: так поправилась – кровь с молоком. Так вот Каусария просила передать: в первый день, говорит, будет немного тяжело, но пусть потерпит, не страшно.

– Я что, очень исхудала? – с трепетом спросила Аниса.

– Зеркало небось есть у тебя, поглядишь, – ответила старуха. – Только Аниса, милая, помни: пей украдкой, чтобы никто не видел. Как говорится, друзья промолчат, а враги скажут. Соседка-то твоя не проболтается?

– Она не знает по-татарски, ничего не поняла.

Но скрыть не удалось. Диляфруз, утром едва открыв дверь палаты, сразу же спросила:

– Чем это воняет? – и начала проверять у всех тумбочки.

Обнаружила у Чиберкеевой пузырёк с тёмной жидкостью, понюхала, сморщилась:

– Откуда у вас этот пузырёк?

Аниса хотела вырвать склянку из рук Диляфруз, но та успела отдёргнуть руку.

Употребление в больнице знахарских снадобий по закону считается чрезвычайным происшествием. И вот поднялся на ноги весь больничный персонал: прибежала встревоженная Магира-ханум, затем – Алексей Лукич. Главврач так рассердился, что приказал сегодня же выписать больную. Крепко досталось от него сёстрам и санитаркам.

Однако выписать Чиберкееву из больницы значило бы заведомо отдать её в руки знахарок, возможно – обречь на гибель. Профессор Тагиров не мог согласиться с Алексеем Луки-

чом. Строго отчитав и предупредив больную, он уговорил главного врача отменить своё решение.

Михальчук покачал головой:

– Вы, Абузар Гиреевич, зря берёте на себя такую обузу. Если что случится, нас по головке не погладят. А если выпишем, нам никто ничего не скажет. Есть закон. . .

– Да, никто ничего не скажет, и закон действительно есть, – задумчиво повторил профессор, – но что мы скажем своей совести? Что ответим перед лицом этого наивысшего судьи, Алексей Лукич, если выпишем больную, не вылечив её?

Пока врачи журили Чиберкееву, она молча сидела, опустив глаза. Всем своим видом хотела показать: «Ладно, ругайтесь, мне всё равно». А с Диляфруз совсем перестала разговаривать, лишь однажды ехидно заметила:

– Тебе за твоё шпионство, наверно, медаль дадут.

Диляфруз очень обиделась, но пререкаться не стала, только, зайдя в дежурку, всплакнула.

Прошла неделя. Чиберкеева по-прежнему ни с кем не разговаривала, на вопросы врачей не отвечала, но ела много, и поэтому с виду как будто поправилась. Решив, что это благотворное влияние знахаркинова снадобья, она запросила новую порцию. Поскольку теперь все её передачи проверялись, пузырьёк весьма хитроумным способом был передан через другого человека. Ночью, часов в одиннадцать, Чиберкеева вышла в уборную, выпила снадобье, после чего тщательно прополоскала рот, а пузырьёк выбросила в форточку. Затем вернулась в палату, легла в постель. Все остальные уже спали.

На улице выл ветер. А в дальнем конце коридора кто-то протяжно стонал, и вся больница словно вздрагивала. Потом в полутёмном коридоре начала маячить взад-вперёд чья-то чёрная скрюченная тень.

Это был Исмагил. Непогодливая ночь для него – сплошная мука. Он каждый раз вот так ходит, пока приступ боли вконец не свалит его с ног. Халат он не надевает, а просто накидывает его на голову, закутывается, как в платок. Пока не присмотришься, кажется, что это какое-то странное существо.

Не спала и Чиберкеева. У неё вдруг закрутило в животе. Вскоре боль стала жгучей, невыносимой. Чиберкеева очень испугалась, принялась истошно кричать на всю больницу.

Прибежала дежурная сестра Лена.

– Зажгите свет, зажгите свет! – кричала Чиберкеева. – Я боюсь темноты!

Лена побежала за дежурным врачом. И опять, на беду, дежурил тот же Салах Саматов. Он с кем-то весело разговаривал по телефону, то и дело громко смеялся, иногда, понизив голос до шёпота и прикрыв трубку ладонью, говорил что-то уж очень таинственное, после чего с ещё большим удовольствием смеялся.

Лена, приоткрыв дверь, торопливо сообщила, что Чиберкеевой очень нехорошо.

– Сейчас приду, – бросил Саматов и продолжил весело болтать.

Но дверь в дежурку осталась открытой, крики Чиберкеевой доносились и сюда. Саматов вынужден был прекратить разговор, зайти в палату.

– А вы почему не спите?! – закричал он на вышедших в коридор больных. – Одна истеричка орёт, а остальные слушают. . . Марш по палатам!

Чиберкеева рыдала, корчилась, уткнувшись лицом в подушку. Саматов принялся бранить её.

– Я не хочу умирать, не хочу! – кричала больная. – Позовите профессора, он спасёт меня!

– Чем это пахнет? – спросил Салах и нагнулся к больной. – Вы опять пили зелье? – И обернулся к сестре: – Она одурманила себя. Если не перестанет кричать, переведите в изолятор.

Саматов собственноручно потушил свет и вышел из палаты.

Часов до трёх ночи Чиберкеева лежала молча. Но вот за открытой дверью опять замелькала чёрная тень Исмагила. Раз от разу эта тень всё больше пугала Чиберкееву, и казалась ей призраком. Чтобы не закричать, она заткнула себе рот одеялом. А грудь была готова разорваться от боли, в животе горело. Она изо всех сил сдерживалась, боясь, что её на самом деле переведут в изолятор, но боли стали невыносимы, и она истошно закричала: «А-а-а!» Как раз в эту минуту в коридоре что-то загрохотало, забило: у Исмагила начались сильнейшие болевые спазмы.

Первой проснулась задремавшая было Галина Петровна. Когда она открыла глаза, Чиберкеева в белой рубашке стояла на кровати во весь рост, прижавшись к стене. Вдруг она начала приседать и, постояв немного на полусогнутых коленях, рухнула на кровать.

Галине Петровне сперва показалось, что у неё бред. Но вскоре она опомнилась, начала искать под подушкой ручку сигнальной лампочки. Ручка куда-то закатилась. Наконец нашла, принялась сигналить. Сёстры и санитарки, занятые бившимся в припадке Исмагилом, не сразу заметили сигналы. Но вот вбежала Лена, зажгла свет и тут же бросилась обратно.

Аниса Чиберкеева была мертва.

14

Вся больница погрузилась в траур. Санитарки, сёстры, врачи – все ходят понурые, опустив глаза, лица у всех сумрачные, разговоры ведутся вполголоса. Обычно Диляфруз своей быстрой, лёгкой походкой, ласковой улыбкой оживляет настроение в палатах, вносит бодрость в сердца больных. Но сегодня и она ходит как тень. Ни на кого не взглянет, не поднимет длинных ресниц, лучистые глаза её заволокла печаль. Примолкли и другие больные – кто мог сказать, что творилось в эти минуты в их сердцах? В больнице тихо-тихо. Если нечаянно уронят что-нибудь, все вздрагивают.

На улице тускло, холодно. Тёмно-синие тучи закрыли солнце; в саду между голыми ветвями деревьев свистит ветер. Его вой слышен во всех палатах, он вселяет в больных ещё большую тревогу. Их взгляды, устремлённые в потолок, становятся ещё тяжелей и мрачней. В такие минуты лучше не смотреть в глаза больным: они глубоко погружены в свои безрадостные мысли, оставаясь наедине со своим недугом, они ничего не просят и не требуют от других, и вряд ли верят сейчас врачам и сёстрам.

В кабинете Алексея Лукича идёт утренняя планёрка. Врачи слушают объяснения Салаха Саматова, который дежурил в те часы, когда умерла Чиберкеева. Он даёт объяснение так невозмутимо и беззаботно, будто ничего особенного не произошло. Он старается свалить всю вину на больную; дескать, если бы она не была такой глупой и не стала бы пить зелье после первого предупреждения, беды бы не случилось.

– Почему вы считаете, что она умерла от разрыва сердца, испугавшись бродившего в коридоре Исмагила? – спросил Абузар Гиреевич, когда Саматов кончил говорить. – Вскрытия ещё не было, но, по-моему, она умерла от отравления. Узнав, что больная выпила снадобье, вы должны были немедленно сделать ей промывание желудка и принять меры против возможного отравления.

– У меня создалось впечатление, что она просто одурманена или даже пьяна, и до утра протрезвится, – отвечал Саматов. – И потом – ведь это не единственный случай в медицинской практике... – В глазах Саматова замелькало беспокойство, он начал оглядываться по сторонам, ища поддержки.

– Есть показания, что больная начала беспокоиться с одиннадцати часов вечера, – продолжал неумолимо изобличать профессор. – Она требовала позвать меня или Магиру-ханум. Почему вы не дали нам знать о требовании больной? Откуда у вас такая самонадеянность?

– Абузар Гиреевич! – крикнул Саматов. – Беспокоить вас среди ночи!..

– Когда больной в тяжёлом состоянии, для врача не существует ни дня, ни ночи! – резко оборвал его профессор. – Вы должны это знать, Салахетдин. Вообще непонятно – что вы сделали для спасения больной? О чём вы думали?

– Я сделал всё от меня зависящее, Абузар Гиреевич! – из последних сил оправдывался Саматов, впрочем, не сбавляя развязности. – Чем обвинять меня во всех грехах, лучше бы навели порядок в отделении Магиры Хабириной. А куда смотрела Гульшагида Сафина, которая дежурила днём, когда больным приносили передачу? Ведь она была предупреждена о том, что за Чиберкеевой надо строго следить...

– Салахетдин, – перебил его профессор, – не пытайтесь уйти от ответственности. О порядке будет особый разговор... Разговор будет и о том, почему мне не докладывали об исключительно угнетённом состоянии больной в последние дни. Со всех спросят ответ. Разговор сейчас о другом. По-моему, можно было спасти Чиберкееву в эту роковую ночь. Вы этого не сделали, Саматов! Это – позорное равнодушие! Больше того – это преступление! Я думаю, вы и сами должны согласиться с этим... Вы, Салахетдин, не можете больше оставаться лечащим врачом. Вам нельзя доверять самое дорогое – жизнь человека. Нельзя!

– Абузар Гиреевич! – выкрикнул сражённый Саматов. Заносчивый, спесивый Салах вдруг заскулил, как испуганный пёс: – Разве я один виновен... Вы хотите свалить на меня одного общую вину, сделать меня козлом отпущения...

– Нет, Салахетдин, это не так: виноваты и я, и Магира-ханум. Может быть, и Гульшагида в чём-то недосмотрела... Повторяю – все будем отвечать. Однако в решающую минуту большая была в ваших руках, и вы отнеслись к её судьбе равнодушно, чёрство, вот в чём дело!

– Вы всегда меня...

– Согласен – это не первое предупреждение! Если бы вы были более серьёзны, чувствовали свою ответственность, давно бы сделали для себя вывод. Тогда не произошло бы и этого несчастья.

Саматов с надеждой посмотрел на Алексея Лукича. Главврач знал, что у Саматова есть сильные покровители вне больницы, и обычно избегал выступать против него. Но сегодня даже он не решился открыто защищать виновного.

Почувствовав внутреннюю неустойчивость Алексея Лукича, Саматов пустил в ход свои испытанные средства – демагогию и шантаж, не раз выручавшие его в трудные минуты.

– Вы просто мстите мне, – заявил он, не моргнув глазом.

– Надо всё-таки уважать и себя и коллег, Салахетдин! – с глубокой обидой ответил за всех профессор. – Наглость не украшает человека.

– Нет, дорогой профессор! – перешёл в наступление Саматов. – Вы сегодня взваливаете всю вину на меня, вместо того чтобы обвинить Магиру Хабировну и Сафину. Вы пристрастны! Делите врачей на две группы: одни – ваши любимчики, это те, кто низкопоклонствуют перед вами...

Врачи гневно зашумели. Алексей Лукич поднялся с места и, побагровев, сказал:

– Салах Саматович, сейчас же извинитесь перед коллегами и прежде всего перед Абузаром Гиреевичем!

Салах, насмешливо глянув на него, ответил:

– Я не трус, как вы! Я сумею, где надо, сказать своё слово!..

Теперь и планёрка была воспринята в больнице как ещё одно чрезвычайное происшествие.

* * *

О бессмысленной смерти Чиберкеевой велось много разговоров и споров и среди врачей, приехавших на курсы усовершенствования, – такое из ряда вон выходящее событие не могло пройти безболезненно.

Гульшагида, явившись в понедельник в больницу, ещё не знала, что её имя тоже упоминалось на планёрке. А когда узнала, оторопела. Побежала к Магире-ханум. Но в терапевтическом отделении её не было. Заглянула в палату медсестёр. Здесь одиноко сидела очень грустная Диляфруз. Гульшагида заметила даже, что она украдкой вытирает слёзы.

– Расскажи толком, Диляфруз, что случилось? – недоумевала встревоженная Гульшагида.

Диляфруз ответила очень странно:

– Скоро всё узнаешь. Наверно, тебе и самой захочется плакать... – Встала и вышла.

Это было сказано с глубокой обидой и болью. Недружелюбный, холодный взгляд, брошенный девушкой через плечо, особенно поразил Гульшагиду. Что же это такое? Неужели она чем-то неосторожно обидела Диляфруз? Или тут скрыто что-то более серьёзное, ещё неизвестное Гульшагиде?

Она вышла в коридор. На диване у окна сидела Асия, опершись о подлокотник. Она задумалась, рассеянно смотря в окно.

– Почему ты сидишь в одиночестве такая грустная, Асенька? – спросила Гульшагида.
– Не могу войти в палату, – всё Аниса-апа перед глазами. Когда была жива, терпеть её не могла, а теперь жалко... – Асия утёрла слёзы кончиком рукава. – Вот и Диляфруз тоже...

Утешая девушку, Гульшагида всё же спросила:

– А при чём тут Диляфруз?

– Ах, не спрашивайте... Она как-то странно ведёт себя. Не будем о ней... Мне очень грустно, Гульшагида-апа. Всякие мрачные мысли приходят в голову... Если у вас есть немного времени, поговорим о другом. Вы не рассердитесь на меня?

Гульшагида покачала головой.

– Почему я должна сердиться на тебя?

– Вначале я оставила очень плохое впечатление о себе, правда? Я действительно какая-то странная. Многие меня совсем не понимают.

– Я не люблю думать о людях плохо, Асия. А потом – мы врачи. Этим многое сказано...

– О вас здесь говорят разное, – вдруг сказала Асия. – Будто вы дочь какого-то очень богатого человека, потому и гордая.

Тень задумчивости легла на лицо Гульшагиды. Что за странные сплетни ходят о ней? Кому нужны эти выдумки?.. Она посмотрела куда-то вдаль, на видневшиеся за окном белые облака. Вот такие же белые облака застилали небо в тот день, когда унесли хоронить её мать. Гульшагиде было тринадцать-четырнадцать лет. Она долго плакала и всё думала о том, почему доктор не смог вылечить её любимую маму. Куда она, круглая сирота, денется, где найдёт приют?..

– Я, Асия, действительно дочь очень богатых людей, – справившись с собой, серьёзно и задумчиво сказала Гульшагида. – Когда я осиротела, меня растил и воспитывал народ. А народ – он большой и очень богатый...

– А потом что было с вами?

– Что было потом, Асия, я расскажу когда-нибудь после.

– Вы не доверяете мне, думаете, что не сумею сохранить вашу тайну? – обиделась девушка.

– Нет, нет, Асия! Если говорить о моей личной жизни, в ней нет никаких тайн. Просто мне ещё многое неясно и самой. Потому мне и трудно говорить о себе. А вот вы – другое... Вы ещё не успели познать теневых сторон жизни. И если у вас есть любовь в сердце, она должна быть очень, очень чистой. Вам, пожалуй, было бы легче рассказать о себе.

– Ой, почему вы так думаете?

– Потому, что успела узнать вас, привыкла к вам. Вы способны на глубокие, сильные, честные чувства.

– Вы очень уж высокого мнения обо мне, Гульшагида-апа, – зарделась от смущения и радости Асия. – Значит, рассказывать? А с чего начать?

– С чего хотите. В жизни, особенно в любви, каждый момент прекрасен.

– Ой, не знаю... Я многим ребятам нравилась. Мне говорили, что я красивая, – засмеялась Асия. – Разве может быть красивой худая, болезненная девушка с длинной, как у гуся, шеей? Видно, любили меня не за красоту, а за хорошую игру на гармонике. Не задевали меня, побаивались моего своенравного характера, – ведь мне недолго было разругать в пух и прах слишком навязчивого парня. Но как я ни сердилась на парней, они всё же интересовались мной... Года два-три я жила легко и беспечно, опьянённая своей юностью и вниманием ребят. Всё мечтала о консерватории, а учиться поступила... в техникум связи. Два курса уже закончила. Но эта специальность оказалась мне не по душе. Всё подумываю, чтобы уйти из техникума. А куда – ещё сама не знаю. И вообще не знаю, что будет со мной... Из-за болезни целый год вовсе не могла учиться. И вот – опять осень... Другие учатся, а я всё ещё валяюсь в больнице.

Асия помолчала, худенькой рукой убрала упавшую на лоб прядь волос и вдруг улыбнулась.

– Теперь, возможно, всё идёт к лучшему. Я познакомилась с одним студентом из мединститута. Этот парень на первый взгляд ничем не выделялся. Простой, застенчивый паренёк, ходил, опустив глаза, Ильдаром его зовут. Вот этот Ильдар как-то незаметно и оттеснил всех прежних моих поклонников. Я стала думать только о нём. Два года дружили. Он несколько раз делал мне предложение, но я говорила: «Подожди, вот кончим учиться...» Он был уже на четвёртом курсе. И вдруг решили перевести его в Военно-морскую медицинскую академию. Я очень рассердилась на него, заявила: «Или я, или академия». А он отвечает: «И ты, и академия».

– Мы поссорились, – продолжала Асия свой рассказ и на глазах Гульшагиды будто выросла с каждым словом. Она говорила серьёзно, рассудительно. – Знаете, я решила проучить его. В этом возрасте все мы, девчонки, не прочь проявить свой нор и власть над парнем. «Ах, так! Ну, посмотрим!» – сказала я. И перестала встречаться с ним. Вот так я и дурила... Он уехал в академию. Потом посыпались письма. Сперва мне нравилось играть роль несправедливо обиженной девушки, а у самой душа так и пылала. Наконец не выдержала – стала и сама писать ему. Так прошёл ещё год.

В тот день, когда я легла в больницу, Ильдар проездом остановился всего лишь на два дня в Казани. После года разлуки... Но он никак не мог задержаться. Опять мы расстались, не проговорив и двух часов. Он сказал мне о том, что плавает врачом-практикантом на подводной лодке, а я ему... о том, что ложусь в больницу. Прежде я никогда не говорила ему о своей болезни. И в письмах не писала. По правде говоря, я виновата перед ним. Я боялась потерять его. Надеюсь, что до окончания учёбы поправлюсь. Только поэтому и скрывала болезнь... И вот он своими глазами увидел, что я серьёзно больна. Он ведь через год-два сам станет врачом. Понимает, что значит комбинированный порок. Но мне кажется, он не совсем поверил в мою болезнь. Думает, я что-то скрываю от него. Впрочем, не знаю... Трудно отгадать его мысли. При расставании я сказала ему: «Прощай», – вы ведь знаете, в каком смысле русские говорят это слово. Он ответил мне: «До свиданья». Я сказала ему: «Пусть между нами останется только дружба». А он в ответ: «И дружба, и любовь».

На глаза Асии набежали слёзы, и, глядя на Гульшагиду этими полными слёз глазами, она продолжала:

– Вчера пришло письмо от него. Нет ничего тяжелее, чем лгать любимому человеку! А я ведь ему до сих пор так и не сказала всего... Как я не верю в своё счастье, в здоровье... Ужас! – воскликнула она и замолчала, закрыв лицо руками. – Я не могу по-настоящему плакать, но если бы вы знали, как мне тяжело... С одной стороны, меня мучает совесть, с другой – жаль себя... Ильдара тоже жаль... Вот теперь вы обнадёжили меня. Хочется верить вам, очень хочется, но я боюсь...

В коридоре показался Абузар Гиреевич. Он окликнул Гульшагиду.

– Мадине-ханум опять что-то нездоровится. Она всё же хочет видеть вас. Заглянули бы к нам, право... – Заметив, что Гульшагида удивлена его настойчивостью, с улыбкой добавил: – Если вы и на этот раз не зайдёте, наши женщины не пустят меня в дом. Вы должны немножко пожалеть меня, старика...

Пожалеть?! Разве в этом дело? Разве только жалость у неё в сердце?.. Когда рухнули мечты, выношенные во время прогулок по Федосеевской дамбе, только один уголок во всей Казани – дом Тагириных – оставлял ей ещё какую-то надежду. Это была последняя надежда, и потому она казалась особенно дорогой, – последняя, дорогая, но и... страшная. А если и она не оправдается?.. Гульшагида уже собиралась молча увезти эту надежду с собой в Акъяр, потому что знала: всё равно ей не забыть Мансура, не выкинуть из сердца. В длинные зимние ночи она будет согревать себя искоркой надежды. Нужна же человеку хоть какая-нибудь надежда! Но

вот она пойдёт к Тагировым. И вдруг убедится, почувствует, что и капли надежды не осталось на её долю. Как же она будет жить?..

Так идти или не идти? Сегодня в больнице ей нечего делать, она могла совсем не являться сюда.

– Хорошо, Абузар Гиреевич, я приду, – сказала и сама испугалась своего голоса.

Потом подошла к Асие, шепнула ей на ухо:

– Мы с тобой ещё поговорим, Асенька. Ты пиши ему письма... Обязательно пиши! Как прежде писала, так и сейчас пиши. Твоё счастье ещё впереди! А моё... моё не знаю где...

Глава вторая

1

С того самого дня, как Гульшагида, проснувшись на рассвете, любовалась из окна общежития панорамой Казани, а затем, подчинившись вспышке прежней любви, словно в припадке безумства побежала на Федосеевскую дамбу, прошло уже больше месяца. За это время природа сбросила с себя пышный и разноцветный наряд ранней осени... Холод, ветер... Не сегодня завтра выпадет снег. Теперь уже не видно на улицах города весёлых, легко одетых щёголей и щеголих, – все спешат укрыться куда-нибудь в тепло.

Только для Гульшагиды, казалось, ничего не изменилось, будто время остановилось. Казалось, она только что любовалась из окна общежития на осеннюю Казань – и вот вышла на улицу. Горечь, раскаяние, тревога, предостережения холодного рассудка, уязвлённое самолюбие – всё забылось. Сердце со всей своей необузданностью, неутомимостью опять взяло верх. Однако если бы Абузар Гиреевич или ещё кто-нибудь другой столь же близкий спросил в эту минуту Гульшагиду, что у неё в мыслях, она, пожалуй, не смогла бы точно ответить. Нет, она не думала о Мансуре, не старалась представить, лучше он стал или хуже. Но в душе у неё была буря. И в этом вихре Мансур то появлялся, то исчезал...

Когда они сошли с трамвая, Гульшагида взяла Абузара Гиреевича под руку. Профессор был в чёрном драповом пальто, в каракулевой шапке. Он шёл неторопливо, а Гульшагида, будь её воля, летела бы как на крыльях. Многие прохожие узнавали Абузара Гиреевича и кланялись ему. На Гульшагиду они смотрели с некоторым удивлением, а иные и с подозрением.

То ли подействовали эти неприятные, недоумённые взгляды, то ли прошли минуты душевного подъёма и радостного волнения, но Гульшагида несколько отрезвела и уже с тревогой думала о том, как она будет держаться с Мадиной-ханум и Фатихаттай. Что скажет им? Женщины не мужчины, они не успокоятся, пока основательно не расспросят обо всём. А потом – женщины догадливей, они легко заметят то, что можно так легко скрыть от мужчин.

– Ладно, пусть Фатихаттай сердится за опоздание, но мы зайдём с вами в книжный магазин, к букинистам, – посмеиваясь, сказал профессор. – Если не найду туда, кажется, что не сделал чего-то очень нужного.

Гульшагида знала, что в прежние годы профессор увлекался приобретением книг. Смотри-ка, до сих пор ещё не изменил своей привычке.

Продавец, достав откуда-то из-под прилавка, положил перед Абузаром Гиреевичем целую стопку книг. Надев очки, профессор начал просматривать книги и рассказывать о них Гульшагиде. Взял в руки том «Воспоминаний» Шаляпина и сразу так оживился, словно встретил старого доброго знакомого. Два года тому назад, по пути в Ленинград, на научную конференцию, он увидел в Москве, в витрине магазина издательства «Искусство», эту книгу. Однако был выходной день, и магазин оказался закрыт. Специально, чтобы купить эту книгу, Абузар Гиреевич заночевал в Москве. Но утром ему сказали, что книга уже продана. Здесь, в Казани, он с такой горячностью рассказывал продавцам букинистической лавки о том, как в студенческие годы видел Шаляпина на казанской сцене, как хлопал ему с галёрки, что продавцы расстрогались и нашли для него экземпляр желанной книги.

В самом низу стопки предложенных профессору старых книг лежал какой-то совсем истрёпанный том.

– «Белая магия» в пяти частях», – вслух прочёл Абузар Гиреевич и весело вскинул брови. – Заметьте: не чёрная, а белая. Эту книгу, Гульшагида, продавали ещё сто пятьдесят лет тому назад в книжной лавке Петра Пугина, у ворот Гостиного двора, против Спасской башни.

Я читал в одной старой газете объявление этой лавки. Сперва в объявлении были перечислены названия книг, потом следовало: «В той же лавке продаются немного подержанные золотые аксельбанты». Теперь для истории цена «Белой магии» и золотых аксельбантов одна и та же! – снова рассмеялся профессор, отложив «Магию» в сторону. – А вот Шаляпина заберём. Это ценная книга.

Проходя по большой, многолюдной улице, Абузар Гиреевич рассказывал Гульшагиде кое-что о старой Казани.

– Помню, студентом я любил читать всякого рода объявления. В казанских аптеках висела такая реклама: «Больным и немощным! Если вы от многотрудной жизни потеряли здоровье, не горюйте! Есть лекарство под названием «Эспирматин»... Это лекарство не только исцеляет больных и возвращает силы, но и борется со старостью, которая является матерью всех болезней». Видите, как просто было в то время! А мы-то до сих пор не можем решить проблему омоложения людей, – покачал головой профессор.

Они свернули в переулок и вскоре вошли в подъезд большого каменного здания, построенного в старом стиле, и по широкой пологой лестнице с мраморными ступеньками, на каждом повороте которой стояли фигурки амуров с крылышками, поднялись на самый верхний этаж.

– Задыхаюсь, Гульшагида, – пожаловался профессор. Он расстегнул воротник и пуговицы пальто. Потрогал рукой ребристую батарею. – Сегодня неплохо натопили, а то жалеют для нас тепла.

Гульшагида помнит – прежде дверь запиралась только на английский замок, а теперь после звонка в прихожей долго гремели запорами. Дверь открылась, показалась заметно постаревшая и похудевшая Фатихаттай со скалкой в руке.

– Ой, батюшки, кого я вижу! – воскликнула она, даже выронив скалку из рук. – Гульшагида, радость моя, ты ли это?!

– Ваше счастье, Гульшагида, что Фатихаттай выронила скалку, а то ударила бы вас по голове. Она теперь злая, гм-м! – шутил профессор, снимая пальто.

– Ах, Абузар, скажешь тоже, ей-богу! Девушка может и всерьёз принять... Где ты так извозил своё пальто?... – Сейчас же взяла у профессора пальто и, повесив его на плечики, принялась чистить щёткой.

Это была всё та же немного ворчливая, но добрая Фатихаттай. И в прихожей всё тот же маленький кривоногий столик, та же старинная вешалка, тот же телефон. Только полоч со связками старых журналов прежде не было.

Вступив в просторный и высокий зал, Гульшагида словно вернулась в свою юность. Ей казалось, что здесь ничто, ничто не изменилось, что последних четырёх лет вообще не было. Она обняла вышедшую из соседней комнаты Мадину-ханум, с которой словно бы и не расставалась. На самом же деле всё изменилось, точнее сказать – постарело. Ковёр на полу во многих местах вытерся, стеклянная головка люстры разбита, рояль завален книгами (прежде Абузар Гиреевич сердился, если видел на рояле кем-то положенную книгу, считая это признаком некультурности). Картина с видом старой Венеции, занимавшая полстены, как бы потускнела, а стоящий в лодке рыбак в чёрной широкополой шляпе будто стал ниже ростом.

Если присмотреться, особенно сдала Мадина-ханум, волосы у неё совсем побелели, и глаза стали плохо видеть. Даже чашку берёт со стола ошупью. Раньше Мадина-ханум строго следила за порядком в комнатах, особенно в библиотеке профессора. Теперь и в кабинете Абузара Гиреевича нет прежнего уюта, аккуратности. И под диваном, и на диване – всюду книги. Статуэтки и вазы, которыми когда-то гордился профессор, – он собирал их по всей России и Европе и любил показывать гостям, – теперь стояли высоко на шкафах, так, что и не достанешь. Редкие миниатюры знаменитых художников или висели криво, или совсем сняты. Только фикус вырос не меньше дерева и пальма вытянулась до потолка. Под их ветвями всё ещё стоял стол... письменный стол Мансура. Но на стол был поставлен телевизор.

Пока у женщин шёл разговор, обычный при первой встрече, Абузар Гиреевич вышел в коридор, позвонил кому-то из своих приятелей, видимо, тоже книголюбу, похвастался тем, что сегодня наконец-то приобрёл «Воспоминания» Шаляпина. Потом долго пили чай. Абузар Гиреевич, оказывается, до сих пор пьёт из маленькой узорчатой чашки. У него и чайная ложка всё та же, изящная, серебряная, с витой ручкой, – подарок друзей к пятидесятилетию. Фатихаттай заваривает чай ему по-прежнему отдельно – в маленьком чайнике – и сахар колет заранее. Абузар Гиреевич пьёт вприкуску, – так, говорит, вкуснее.

Абузар Гиреевич за чаем любил шутки, весёлый разговор. Сегодня настроение у него как-то странно менялось: то оживится, то вдруг делается задумчив, смотрит вниз и рассеянно отвечает на вопросы.

– Друг мой, уж не захворал ли ты? – встревожилась Мадина-ханум.

– Спасибо, друг мой, я здоров... – Помолчал и объяснил: – У нас сегодня... человек умер...

Профессор, сгорбившись, ушёл к себе в кабинет. А женщины, расспросив у Гульшагида, кто скончался, погоревали, сколько положено, и опять повернули разговор на свой лад. Хотя Гульшагиде не очень хотелось рассказывать о своей прежней жизни в Акъяре, но пришлось уступить расспросам. Не чувствуя ни скрытых осуждений, ни затаённых насмешек у своих собеседниц, она до конца разоткровенничалась:

– Говорят, у мужчин всё хорошее в будущем, а вот у женщин, кажется, в прошлом. Я в свои двадцать шесть лет частенько тоскую о прошлом, – призналась Гульшагида.

– А что за человек был твой муж? – всё же любопытствовала Фатихаттай.

– Человек он был вроде бы неплохой. Агроном. Знал своё дело... Но у нас, врачей, особая профессия – ни днём, ни ночью нет покоя. И в дождь, и в буран, из гостей, среди ночи могут вызвать к больному. Уедешь – и сама не знаешь, когда вернёшься домой. Сперва муж вроде жалел, потом начал хмуриться, а в конце концов заявил: «Мне не нравится эта жизнь, выбирай одно из двух: или я, или больница...»

– Ребёночка-то нет?

– Нет, – тихо ответила Гульшагида.

Теперь, когда открыла свою душу, Гульшагида очень захотела узнать: а что Мансур, как и где он живёт, счастлив ли, есть ли у него дети? Откуда взялся слух, будто бы вернулся домой? Однако она не могла так запросто, как старшие её собеседницы, задать очень уж деликатные, мучавшие её вопросы. А сами они – ни Мадина-ханум, ни Фатихаттай – почему-то не заводили речь о Мансуре.

Гульшагида собралась было домой, но её не отпустили: мол, не всё ещё переговорили, заночуй у нас. К тому же, тётя Аксюша, к которой все так привыкли, вчера уехала в Тулу, поэтому в доме чувствуется какая-то пустота.

– Пожалей немного и Абузара, ему с тобой легче, – сказала Фатихаттай. – Он, по всему видно, очень тяжело переживает несчастье, случившееся в больнице. Он всегда так. А на людях-то, милая Гульшагида, горе легче переносится.

Абузар Гиреевич словно дожидался этого разговора, пригласил Гульшагиду к себе в кабинет. Он вынул из ящика стола какой-то журнал. Но разговор начал не о журнале, а о гибели Анисы Чиберкеевой.

– Её можно было спасти... Вскрытие полностью подтвердило моё предположение – Аниса умерла от отравления. Надо же было случиться этому именно в больнице, где сёстры, сиделки, врачи!.. – Профессор вздрогнул всем телом. – Такого я ещё не переживал, сколько ни работал в больницах. Уму непостижимо!.. Я уже думал, что мы с Магирой-ханум близки были к тому, чтобы найти ключ к сердцу Анисы... И вдруг такая резкая перемена, полное недоверие к нам... – Профессор покачал седой головой. – Тут должна быть какая-то скрытая причина... Больше всего, Гульшагида, меня возмущает Салах. Под белым халатом – каменное

сердце!.. Это ведь страшно для врача. Люди доверяют ему жизнь, счастье, семью, доверяют свою судьбу, а он... Каюсь, я не раз проявлял излишнюю мягкость к Салахетдину. А теперь вот жестоко расплачиваюсь за всё. Эти укоры совести, Гульшагида, для меня тяжелее тысячи других упреков... – Профессор, обхватив голову руками, облокотился о стол и несколько раз сокрушённо вздохнул.

Гульшагида пыталась утешить его, но Абузар Гиреевич только качал головой.

– Нет, не утешайте, Гульшагида, это наказание мне на всю жизнь. И поделом.

Профессор как бы нечаянно взял в руки лежавший на столе номер медицинского журнала за прошлый год, долго смотрел на него, словно раздумывая, зачем он лежит здесь, потом вспомнил, поднял голову.

– Я и раньше читал вашу статью, а вчера пробежал ещё раз... Ваши наблюдения и выводы, Гульшагида, достойны внимания. В них есть интересные зародыши для более серьёзной разработки вопроса. Вам следует поступить в аспирантуру...

Материалом для этой небольшой статьи послужили наблюдения Гульшагида в сельской больнице над болезнями сердечно-сосудистой системы. В своё время Гульшагида получила немало откликов врачей на эту статью. Но личная жизнь складывалась так трудно, что было не до статьи, не до писем. Да, она всё же смалодушничала тогда. Надо было копить и копить материалы. А профессор – подумать только! – не забыл! Мало того – ещё заметил «интересные зародыши». Этого Гульшагида никак не ожидала.

– Нет, я уж теперь не мечтаю об аспирантуре, Абузар Гиреевич, – сказала она смущённо.

– А сколько вам лет? – сухо и резко спросил он.

– Двадцать шесть, – уже совсем безнадёжно ответила Гульшагида.

– В этом возрасте вы хотите отказаться от научной деятельности?! И вам не стыдно?! – продолжал Тагиров. – Я вот почти в три раза старше, но – работаю и работаю. До ста доживу – не перестану. Если человек перестал работать, стремиться к достижениям, значит, он не живёт. Не смейте больше повторять мне ваши жалобы! Я верю – в тридцать пять лет вы приметесь за докторскую диссертацию. Так оно и будет!

– Это уже слишком, Абузар Гиреевич! Нет, я теперь вряд ли дотяну...

– Полноте! – перебил профессор. – К будущему году готовьтесь в аспирантуру. Вот так! Мы ещё особо поговорим об этом. В частности, я прошу вас внимательно наблюдать за Асией. Это очень пригодится вам в будущем. Рано или поздно мы должны победить заболевания сердечно-сосудистой системы.

Разговор этот встряхнул Гульшагиду. Ночью она почти не сомкнула глаз. За несколько минут вся её, казалось, привычно сложившаяся жизнь перевернулась. Неужели ещё не всё потеряно? Неужели это возможно? Так внезапно воспрянуть духом, так окрылиться!.. А если у неё всё же не хватит сил и она упадёт потом с этой высоты?..

Гульшагида лежала на диване в комнате Фатихаттай. И в зале, и в кабинете, и в спальне Абузара Гиреевича свет был погашен. Но вот старинные часы мягко проббили три часа. В одной из комнат зажглась настольная лампа, послышались шаги. Потом всё стихло. Но свет продолжал гореть.

– Это Абузар, – зашептала проснувшаяся Фатихаттай. – Когда ему не спится, он зажигает свет на столе Мансура и смотрит сквозь листья фикуса. «Мне, говорит, кажется, будто за столом сидит Мансур». Утешается этим, бедняга. Он очень скучает по Мансуру...

Гульшагида отвернулась к стене и, закусив угол подушки, неслышно заплакала.

2

Глядя на зелёный абажур на письменном столе, между саблевидными листьями пальмы и широкими лопухами фикуса, вспоминая детские годы Мансура, Абузар Гиреевич незаметно забылся. Сон его был покоен. Вообще за последние годы он редко спал глубоко и безмятежно. Или только дремал, или в полусне занимался всю ночь своими дневными делами. Если ему удавалось заснуть по-настоящему, он после этой счастливой ночи чувствовал себя очень хорошо: и голова не болит, и в теле лёгкость. Именно в такие ночи, как бы обновляющие его организм, иной раз он с такой ясностью увидит во сне решение того или иного научного вопроса, над которым столько времени безуспешно ломал голову, или так чётко сложится мысль, которая наяву никак не давалась, что остаётся только, проснувшись, быстро записать всё на бумаге, а потом – удивляться тончайшему устройству человеческого мозга.

Сегодня Абузар Гиреевич видел совсем простые, спокойные сны. Казалось, незачем было просыпаться и зажигать лампу... Будто они с Мансуром сидят на берегу Волги. Мансуру лет пять или шесть, – босоногий, загорелый, живой, как ртуть, озорной мальчишка в коротких штанишках.

Мансур был сыном родной сестры Мадины-ханум. Его родители внезапно умерли при кратковременной эпидемической вспышке в одном из окраинных районов Башкирии. Мадина-ханум привезла четырёхлетнего сиротку-племянника в Казань, и они с Абузаром Гиреевичем усыновили его. Профессор очень любил детей, а своих не было, и они с Мансуром быстро подружились.

– Дау-ати-и-и!¹² – звонко кричит загорелый мальчишка. – Давай поплывём на тот берег. И они рядом переплывают реку. Вода тёплая, тихая.

А вот Абузар Гиреевич с двустволкой за плечами отправляется на охоту. Широкие излучины, кустарники на берегу Камы, мелкие озёрца, – картины одна другой красивей. Светает. Над камышами белёсый туман. Актыркак, любимая охотничья собака Абузара Гиреевича, исчезает в тумане и, сделав невидимый круг, возвращается обратно. Вот, как изваяние, застыл умный пёс, наострив уши и подняв переднюю лапу. Стая уток взмыла в воздух. Абузар Гиреевич вскидывает ружьё. Гремит выстрел, но – неудача, мимо. Из кустов с палкой в руке выбегает огорчённый Мансур.

– Ах, дау-ати! – говорит он. – Так близко были – и ты не попал! Я мог бы даже палкой сбить.

У Абузара Гиреевича задета охотничья гордость, он стоит, смущённо опустив голову. Ведь мальчишке не повесишь замок на губы, он всем расскажет, как его дау-ати в нескольких шагах промазал мимо цели...

Нет, они не на охоте, а на Рижском взморье. Идут, взявшись за руки, по берегу моря, по белому песку. На Мансуре матроска. Он идёт отмелью, шлёпая по воде босыми ногами. Волны тихо подкатывают, играют, шурша песком. Абузар Гиреевич шагает чуть поодаль. Здесь песок слежался, точно асфальт, нога не проваливается. Вечер. Заходит солнце. Море простирается до самого горизонта, отливая перламутром. В одном месте причудливо отражены розовато-белые облака, в другом – радужно преломлённые солнечные лучи. Посреди моря словно зажжён огромный костёр. Алым цветом окрашены и прибрежные деревья, они как бы грустят, расставаясь с солнцем. Ослепительно пылают окна кафе на пляже. Над водой летают чайки. Отдыхающие бросают им кусочки хлеба. Мансур тоже просит у своего дау-ати хлеб. Абузар Гиреевич вынимает из кармана ломтик, завернутый в бумажку. Раскрошив, мальчик бросает

¹² Дау-ати – большой отец (букв.).

его в воздух. Чайки с неуловимым проворством подхватывают кусочки на лету. О птицах, что проявляют особую быстроту, Абузар Гиреевич одобрительно говорит:

– Эта молодчина, Мансур, – видишь, как ловко схватила!

Мансур весело смеётся.

– А вон та растяпа, верно, дау-ати? – говорит он, показывая на другую птицу. – Из клюва уронила.

Снам не препятствует ни время, ни расстояние. Абузар Гиреевич и Мансур уже у себя на даче, в Займище, едят горячие оладьи со сметаной. Фатихаттай продолжает подносить всё новые и новые порции.

– Не торопись, это неприлично. Могут сказать: «Вот невоспитанный мальчик», – наставляет приёмного сына Мадина-ханум.

– Да ведь горячо! – возражает Мансур.

– Пусть остынут немного.

– Есть очень хочется.

В Займище они почти ежегодно выезжали ещё в мае и не возвращались вплоть до осенних дождей. Абузар Гиреевич по-особенному любил Займище. У самой деревни плещется Волга. Если при утренней заре или вечером, перед заходом солнца, сядешь на крутом берегу и заглядишься на могучую реку, от восторга перед её красотой и величием наворачиваются слёзы на глаза. Как хороши и эта зеркальная гладь воды, и белые, лёгкие, словно девичий кисейный шарф, туманы, и поросшие кустарником острова, подобные зелёным шапкам на воде, и летающие на них дикие гуси, и бесшумно, величаво плывущие вдали белоснежные пароходы, низкие, похожие на жучков буксиры, длинные, медлительные баржи, плоты... Напротив, на том берегу, село Пустые Моркваши, правее – Набережные Моркваши, а ещё правее, вдали, можно различить в синеватом тумане Свяжскую крепость. Ночью на Волге начинается своеобразная, таинственная жизнь: то появятся, то погаснут, то зажгутся, то вновь погаснут зелёно-красно-жёлтые огоньки. Всю ночь они перемигиваются о чём-то. А когда рассветает, они словно прячутся в прибрежных пещерках, с тем чтобы потом, с наступлением темноты, снова всю ночь перемигиваться.

Ах, этот сон!.. Вот уже Абузар Гиреевич, босой, в соломенной шляпе, в подвёрнутых до колен брюках, с вёслами и удочками на плече, спускается к Волге, рыбачить...

Нет, Абузар Гиреевич не на реке – он уже у себя в больнице. Вот он стремительно идёт по коридору с развевающимися полами белого халата. За ним следует группа иностранных врачей, какая-то делегация.

– ...Не верите? Думаете, неправда? Думаете, пропаганда? – Профессор распахивает двери одной палаты, другой, третьей, четвёртой. – Смотрите, удивляйтесь! Палаты почти пустые, в каждой занято две-три койки, не больше. Спросите, куда девались больные? Пожалуй, скажете: «Не могут лечь, потому что плата велика». Нет, мы всех лечим бесплатно. И все палаты пустуют. Чудо? Нет, господа, хотя это и похоже на чудо, но это – прекрасный результат профилактической работы, охватывающей всё население...

...Ой, кто это так пронзительно свистит? Наверно, Мансур-озорник. Фатихаттай вчера принесла с базара глиняную лошадку. Вот и свистит без конца, негодный мальчишка!

...Абузар Гиреевич проснулся. Звонил телефон. Профессор быстро встал, накинул на плечи халат, сунул ноги в чувыки, направился в прихожую. По пути кинул удивлённый взгляд на зелёный свет на столе Мансура, – он забыл, что сам зажёл лампу ночью и заснул, глядя на этот зелёный свет.

– Да, слушаю, – тихо говорит он, прикрыв ладонью трубку, чтобы не разбудить спящих. – Да... Какие приняли меры? Ну... Результат?.. Пришлите машину. Сейчас же!

Гульшагида, задремавшая в слезах, проснулась, разбуженная голосом профессора. Она услышала тревогу в его голосе, а потом слова: «Пришлите машину». Значит, в больнице у

кого-то ухудшилось состояние? У кого? Перед глазами Гульшагида один за другим проходят больные. Затем она прислушалась к вою ветра на улице. Стёкла окон мокрые, – идёт то ли снег, то ли дождь. Взглянула на часы. Было начало пятого.

Когда Гульшагида вышла в переднюю, профессор уже надевал пальто.

– Я тоже с вами, Абузар Гиреевич. Уж очень темно и непогодливо на улице.

– Не надо, поспите, – ответил профессор.

– Нет, нет, теперь уже не засну. Поеду с вами, Абузар Гиреевич. – Гульшагида надела пальто, повязала платок. – Не отпущу вас одного в такую погоду...

Профессор не стал больше противиться. Они тихонько закрыли дверь и вышли на лестницу. Здесь был полумрак, тихо и прохладно. Вдруг Гульшагида вцепилась в руку профессора, испуганно вскрикнула:

– Кто это?!

Человек, сидевший на маленьком чемодане, прислонясь спиной к батарее, вскинул голову, быстро встал на ноги. Высокий, плечистый мужчина в пальто с поднятым воротником и в меховой, низко надвинутой шапке.

– Это я!

Гульшагида сразу узнала голос Мансура, – по фигуре и одежде его трудно было узнать. Абузар Гиреевич тоже вздрогнул при звуке этого голоса.

– Это ты, Мансур? – Он протянул навстречу сыну обе руки. – Ты почему тут? Почему не идёшь в квартиру?

– Поезд запоздал... Я не хотел беспокоить вас...

– У порога родного дома никогда не бывает поздно. Сейчас же иди домой... А нас, про- сти, вызывают в больницу.

– Здравствуйте, – сказал Мансур побледневшей Гульшагиде. – Я, кажется, напугал вас?

Она не нашлась что ответить.

На улице сильный гололёд. Машина скользит из стороны в сторону. Того гляди или вре- жется в какой-нибудь столб, или свалится в канаву. Темно. Идёт дождь вперемежку со снегом. А там, на мрачной лестнице, остался неведомо откуда и неизвестно зачем приехавший и близ- кий, и чужой, и какой-то странный Мансур. А в больнице сейчас, возможно, кто-то умирает. Сложно устроена жизнь. Мысли Гульшагида, как молнии, мечутся между этими двумя точ- ками – от лестницы в больницу, от больницы к лестнице. И она, пожалуй, не могла бы сейчас сказать точно, о чём больше и беспокойней думает.

И зачем она пошла сегодня к профессору? Какая неведомая сила потянула её туда? Если бы ушла к себе в общежитие, не было бы ни этих мучительных воспоминаний, ни слёз ночью, ни этой загадочной ночной встречи. А теперь что?.. Опять из ран начнёт сочиться кровь. Кому нужны эти муки? Почему Гульшагида не осталась сейчас с ним, на лестнице? Ведь это воз- можно было. Нет, отрезанный ломоть не приклеишь. Мансур для её сердца отрезанный ломоть. Но почему же тогда так больно ноет сердце? Почему ей так хочется плакать?..

Профессор сидит, свесив голову на грудь. О чём он думает? Может, и у него мысли мечутся от больницы к тёмной лестнице?

Вдруг профессор встрепенулся, посмотрел на часы.

– Очень медленно едем, Кузьмич!

– Да ведь дорога какая, Абузар Гиреевич! Можно загубить машину.

– О человеке надо думать, Кузьмич!

Шофёр хотел сказать, что и в машине люди, но удержался. Он хорошо знал характер старого профессора.

– У кого ухудшилось состояние? – спросила Гульшагида.

– У Исмагила.

Гульшагида знала, что Исмагил уже не жилец на этом свете, что медицина ничем не в силах помочь ему. Можно было только временно заглушать нестерпимые боли. Это сумеет сделать каждый врач, каждая сестра. А профессор, невзирая на непогоду и неурочное время, всё же едет к Исмагилу. На что он надеется?

Вдруг машина остановилась. При свете фар показалась больничная ограда. Когда они вышли из машины, Гульшагида взяла профессора под руку.

В парадном она сама раздела Абузара Гиреевича. Санитарка подала им халаты, и профессор, даже не застегнувшись, торопливо стал подниматься по лестнице. В тихом и тускло освещенном коридоре их встретили Магира-ханум и дежурный врач. Уже по их виду было ясно, что ничего утешительного нет.

– Умер... – тихо сказала Магира-ханум.

Исмагил был накрыт белой простынёй. Профессор приподнял край материи. Лицо умершего было спокойным и торжественным. Казалось, он в первый раз после долгих лет страданий сладко уснул.

Гульшагида лучше, чем другие, понимала состояние профессора. Если бы не задержала на две-три минуты неожиданная встреча на лестнице и если бы дорога не была такой скверной, они ещё успели бы. Ведь опоздали всего на десять-пятнадцать минут. Но и небольшое опоздание врача бывает роковым для больного.

– Поезжайте домой, Абузар Гиреевич, – сказала Магира-ханум, тревожась за профессора.

Он тяжело поднялся с места.

– Жене Исмагила я скажу сам.

Внизу ему помогли одеться.

– А вы? – спросил профессор Гульшагиду.

– Я уж не поеду, Абузар Гиреевич, скоро шесть часов. Вон Магира-апа едет домой, она проводит вас.

– Нет, Гульшагида, идёте. Вы сейчас очень нужны нам. Очень!

Гульшагида, поколебавшись, надела пальто. Она и хотела увидеть Мансура, и боялась с ним встретиться.

3

Когда внизу захлопнулась дверь и шум отъехавшей машины стал не слышен, на лестнице большого каменного дома, погружённого в сон, опять установилась глубокая тишина. Было настолько тихо, что отчётливо слышалось то постепенно замирающее, то нарастающее дребезжание незамазанного стекла где-то на самом верху узкого и высокого лестничного окна. Лестница была полутёмной. Тускло поблёскивали широкие и пологие ступеньки из белого мрамора, какие можно встретить только в старинных особняках, раньше принадлежавших очень богатым людям. На каждой лестничной площадке, словно погружённые в печаль, стояли амурчики с подсвечниками в руках. Когда-то в этих подсвечниках горели свечи, но теперь всю лестницу освещает мерцающая где-то наверху единственная электрическая лампочка.

Даже после того, как захлопнулась дверь парадного и отъехала машина, Мансур несколько минут всё ещё стоял с шапкой в руке, не двигаясь с места. Он словно окаменел, перед его глазами будто промелькнул короткий сон. Если бы отец в столь ранний час вышел из квартиры один или с приехавшим за ним шофёром, Мансур не очень удивился бы этому. Он с детства привык к тому, что профессора вызывали к больному в любое время дня и ночи. Но – Гульшагида?.. Она ведь уехала в деревню. Каким образом она очутилась в Казани, да ещё в доме у Тагировых? Может быть, она приехала за профессором? Неужели она живёт здесь?

Дверь была заперта. Мансур искал глазами кнопку звонка, её не было на старом месте. Только белая эмалированная табличка с надписью «Профессор Абузар Гиреевич Тагиров» говорила о том, что Мансур не ошибся, что он стоит именно у той двери, которая ему нужна. Но стучать у него не поднялась рука. Постояв немного с опущенной головой, он начал медленно спускаться вниз. На площадках амурчики протягивали ему пустые подсвечники. Возле чемодана он остановился; закрыв глаза, прислонился к стене. Не успел закрыть веки, как перед глазами встала Гульшагида, и ему опять стало не по себе. В душе он задумал было – как только освоится в Казани, непременно съездить в Акъяр и хоть издали посмотреть на Гульшагиду. Но судьба свела их раньше, чем он успел войти в родной дом. Он никак не ожидал этого. И это потрясло его.

Не меньшее потрясение он пережил четыре года назад, когда Гульшагида, не простившись с ним, вдруг уехала в деревню. Однако в тот раз Мансур не мог понять собственной психологической встряски. Казалось бы, чего расстраиваться? Ведь он первый вроде бы охладел к Гульшагиде. А вот теперь – разделался с экзаменами, получил диплом. Что ещё нужно вчерашнему студенту? Однако же как тяжело было на душе, как скверно – хоть плачь...

Мансур с первого же курса учился прекрасно. У него рано проявились необходимые для врача качества: живой ум, находчивость, смелость, хладнокровие и самостоятельность. Особенно интересовался он хирургией, записался в студенческий научный кружок при кафедре хирургии и до окончания института не пропустил ни одного занятия. Пальцы его были быстрыми и чуткими, как у пианиста, зрение острым, как у художника. Работу хирурга он старался выполнять со всей тщательностью, ажурно, словно кружевница.

– Из тебя выйдет хороший хирург, – говорили ему старые специалисты, и кафедра предложила ему остаться в аспирантуре. Правда, Абузар Гиреевич был против этого, он говорил, что сначала пусть Мансур попрактикуется несколько лет врачом, аспирантура не уйдёт от него.

Мансур не противился ни тому, ни другому предложению, отдался на волю случая. Он считал – это просто два пути к одной и той же цели. Значит, не в этом причина резко нарушенного его душевного равновесия. Что же тогда?.. Гульшагида. В ней, что ли, причина?

Да, Гульшагида не случайно встретила на его пути. Она хорошая девушка. Но, пожалуй, слишком сложная и требовательная, как он тогда считал. На свете есть много других хороших девушек, более спокойных, менее самолюбивых, – можно прожить и без Гульшагиды. То, что

было между ним и Гульшагидой, – это всего лишь увлечение юности. Если это так, зачем повторять необдуманные шаги? Для чего вносить тревогу в свою жизнь и в жизнь девушки, не причинившей ему никакой обиды? Если уж по непонятным самому Мансуру причинам на душе вдруг становится беспокойно, тоскливо, то можно поехать развеяться в Займище, а наскучит Займище – он вернётся на поезде в Казань. Если же, наконец, какое-то неодолимое желание все же уводит его к берегу Волги и он, сам того не замечая, вдруг оказывается на Федосеевской дамбе и, словно ожидая кого-то, бродит, посвистывая, из конца в конец, то можно прикрикнуть на себя, потом сесть на парусную лодку с кем-либо из приятелей и прокатиться по Казанке; ну, а если не встретится такой приятель, Мансур поднимется в сад, сядет на знакомую скамейку на краю крутого обрыва, будет любоваться простором реки. Только и всего. Он так и делал... Однако... однако душа не находила себе покоя.

Однажды, когда он, охваченный смятенными мыслями, бродил по Федосеевской дамбе, ему встретилась знакомая девушка Ильмира, с которой он не виделся уже несколько лет. Они познакомились в год поступления Мансура в институт. Ильмира уже училась тогда на втором курсе. Но Мансур был рослый юноша, а Ильмира худенькая, и разница в годах совсем не чувствовалась. К тому же Ильмира заплетала свои короткие волосы в косички и завязывала концы белыми лентами. Это делало её похожей на девочку-подростка.

При встрече Мансуру показалось, что Ильмира почти не изменилась, только волосы подстригла коротко, по последней моде, да оделась нарядней.

Они очень обрадовались друг другу, возможно, Ильмира даже больше, чем Мансур. Долго бродили по дамбе, договорились встретиться завтра. Ильмира, оказывается, была проездом в Казани, точнее говоря – остановилась, возвращаясь с юга, из отпуска. Она уже второй год работает на Севере врачом. О Севере Ильмира рассказывала с какой-то особой любовью и восхищением. По её мнению, нет места прекрасней, чем Север, и высочайшая романтика, и самые смелые дела, и самые сильные духом люди, и даже самые сильные чувства, в том числе любовь, были только на Севере. Узнав, что Мансур собирается остаться в Казани, Ильмира была удивлена и, нахмутив свои выгнутые брови, сказала:

– По-моему, наша молодёжь должна сама себе прокладывать путь в жизни, не надеяться на родственников или покровителей. Идти против ветра, прячась за чью бы ни было спину, – позор. Это значит – замкнуться в скорлупу, подрезать себе крылья, обречь на мешанское прозябание. Особенно стыдно, мне кажется, не надеяться на свои силы здоровым, крепким юношам.

Мансур не ожидал такого энергичного нападения.

– Я не из папенькиных сынков, – пробурчал он в ответ.

– А всё же остаёшься в Казани! – подколонула его Ильмира. Глаза у неё лукаво и в то же время вызывающе шурились. – Идти по проторенной дорожке легко, Мансур. А там, на Севере, всё строится заново, там приходится надеяться только на собственные силы. Трусы и неженки, привыкшие держаться за маменькин подол, туда, конечно, не поедут... К слову сказать, тебе пора возвращаться домой, – вдруг усмехнулась Ильмира, – а то как бы не заругали, что долго гуляешь.

Мансур, не подавая виду, что самолюбие его задето, отшучивался, как умел. И тут же пригласил Ильмиру посмотреть на товарищеские состязания по боксу, в которых он участвовал. Мансур хотел показать, что и он не из робких. У Ильмиры загорелись глаза. Она согласилась пойти. Однако ничего, кроме позора для Мансура, из этой затеи не вышло. Мансур бился храбро, но всё же был нокаутирован противником в первом же раунде...

Считая себя опозоренным, парень решил больше не встречаться с Ильмирой. Но предприимчивая девушка сама разыскала его и полунасмешливо спросила:

– Может, боишься, что и я нокаутирую?

Мансур промолчал, но уши его отчаянно горели. Они шли по направлению к Казанке и до самой реки больше не разговаривали. Здесь Мансур пригласил Ильмиру покататься на лодке.

– Не поеду, – смеясь, ответила девушка, – ещё утопишь.

– А ведь угадала! – Мансур тоже перешёл на сердито-шутливый тон. – Я и в самом деле хотел выбросить тебя из лодки на середине реки.

– Тогда поехали! Если мне суждено утонуть, от судьбы, говорят, не уйдёшь, – и девушка смело прыгнула в лодку.

Ветер надул парус, и лодка легко заскользила, удаляясь от берега. Ильмира опустила руку в воду, в прищуренных, испытующих глазах – лукавая улыбка. Мансур мрачен, губы крепко сжаты.

– Ну, исполняй своё жестокое намерение, Стенька Разин, бросай княжну в воду, – подзадорила Ильмира и громко рассмеялась. Потом уже другим, серьёзным тоном добавила: – А маменькины сыночки, оказывается, не стойки перед неудачами. Сразу вешают нос.

Нет, Мансур не обижался. Он просто не понимал, что с ним происходит. Казалось, он сам тонет, а не Ильмира... Почему же она так насмешлива? На какой поступок вызывает его?.. В этой худенькой, коротко остриженной девушке, загоревшей на южном солнце, была какая-то неотразимая сила. В голубых её глазах сочетались и нежность, и суровость, и лёгкая насмешливость. Его окончательно покинула находчивость, язык словно отнялся.

Эти встречи закончились тем, чего, по-видимому, добивалась Ильмира. Однажды Мансур решительно заявил родителям, что едет работать на Север. Это вызвало в доме полную растерянность. Если Абузар Гиреевич, считавший, что молодому врачу надо несколько лет поработать в клинике, хотя не обязательно на Севере, сумел остаться по-мужски спокойным и хладнокровным, Мадина-ханум действовала, руководствуясь женским, материнским чувством жалости. Она обвиняла Мансура в легкомыслии, в неблагодарности, даже в безумстве.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.